

Издано в рамках издательского проекта
Российского еврейского конгресса

A n n e F r a n k
HET ACHTERHUIS

d a g b o e k b r i e v e n

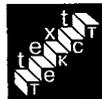
12 juni 1942 — 1 augustus 1944

А н н а Ф р а н к
УБЕЖИЩЕ

Д Н Е В Н И К В П И С Ь М А Х

12 июня 1942 года — 1 августа 1944 года

Перевод с нидерландского
С.Белокриницкой и М.Новиковой

МОСКВА 1999

ББК 84.4Н
Ф83

Книга выпущена при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Печатается по полному изданию:
Anne Frank. Het Achterhuis.
Dagboekbrieven 12 juni 1942 — 1 augustus 1944.
Samengesteld door Otto Frank en Mirjam Pressler. —
Amsterdam: Uitgeverij Bert Bakker, 1993

Первое полное русское издание:
Анна Франк. Убежище. Дневник в письмах. —
М.: Рудомино, 1994

ISBN 5-7516-0177-7

© 1991, Anne Frank-fonds, Basel
© 1994, издание на русском языке, «Рудомино»
© 1999, издание на русском языке, «Текст»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миллионы людей были принесены в жертву человеческой нетерпимости, зовущейся антисемитизмом. Вся его история есть наглядное доказательство того, какую опасность таят в себе предубеждения, особенно во времена политической нестабильности и социальных потрясений. «Погром», «гетто», «Холокост» — эти слова, пришедшие из разных языков, давно обрели символический смысл, стали трагическими вехами в судьбе еврейского народа, особенно в годы Второй мировой войны.

«Я освобождаю вас от химеры, которая называется «совесть», — внушал Гитлер. — Совесть — это изобретение евреев». Чудовищный результат «освобождения от химеры» известен: миллионы людей были уничтожены только за то, что они — «неарийцы». Среди них и девочка из Амстердама по имени Анна Франк, которая стала известна всему миру такими искренними и такими, в сущности, страшными дневниками.

Антисемитизм имеет очень глубокие корни. Он намного старше Гитлера. До поры до времени он скрывается в глубине умонастроений людей и прорывается в периоды трудностей, перемен и замешательства.

На развитие моих идей мое еврейское происхождение повлияло в огромной степени. Я столкнулся с угрозой уничтожения, как и Анна Франк, когда мне было 14 лет, потому что, как и Анна Франк, был евреем. Именно в те годы эта проблема встала передо мной в полный рост, однако на втором плане моего сознания она существовала всегда, с самого рождения. Прошла большая часть жизни, прежде чем я смог примириться с ней.

Я пережил захват Венгрии нацистами и советскую оккупацию. Книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» поразила меня, стала для меня настоящим открытием — показала, что фашизм и коммунизм имеют много общего и оба эти режима находятся в оппозиции к совершенно иному принципу социальной организации — принципу открытого общества.

В результате своей деятельности я стал мишенью для современной версии антисемитской теории тайного заговора.

Если и существует человек, полностью отвечающий стереотипу еврея-плутократа-большевика, мирового заговорщика-сиониста, то этот человек я. Именно так меня пытались изобразить в Восточной Европе, а также в некоторых западноевропейских странах, в меньшей степени в Америке. Это прекрасный пример, подтверждающий, что добрые дела не остаются безнаказанными. Когда я создавал свой фонд, моей целью было содействовать построению такого общества, в котором теория тайного заговора не могла бы существовать и распространяться.

Мне сионизм не кажется привлекательным. Я интересуюсь состоянием человеческого общества в целом. Я не возражаю против национальных чувств, возражаю лишь против национализма. А вот чувство национальной или этнической принадлежности считаю ценной составляющей открытого общества, живым источником разнообразия. Я горжусь тем, что принадлежу к народу, который внес такой огромный вклад в мировую науку и культуру. Хотя должен признать, что мне потребовалась почти вся жизнь, чтобы прийти к этому заключению.

Невозможно напрямую бороться с антисемитизмом, невозможно истребить его с помощью запретов — этим можно лишь загнать его в подполье. Образование — вот лучший способ борьбы с расовыми и национальными предрассудками.

Антисемитизм — это утеха невежд. Если вы сумеете вытаскивать его на поверхность, выставить на дневной свет, он завянет.

*Джордж СОРОС
Сентябрь 1999 г.*

ИСТОРИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Анна Франк вела дневник с 12 июня 1942 года до 1 августа 1944-го. Сначала она писала свои письма только для себя самой — до весны 1944-го, когда она услышала по радио «Оранже»* выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник.

Она начала переписывать и перерабатывать свой дневник, вносила исправления, вычеркивала отрывки, которые казались ей не очень интересными, и по памяти добавляла другие. Одновременно она продолжала вести и первоначальный дневник, который в научном издании 1986 года называется версией «а», в отличие от версии «б» — переработанного, второго дневника. Последняя запись Анны датирована 1 августа 1944 г. 4 августа восьмерых прятавшихся людей арестовала Зеленая полиция.

В тот же день Мип Хис и Беп Фоскёйл спрятали записи Анны. Мип Хис хранила их в ящике своего письменного стола, и, когда окончательно выяснилось, что Анны больше нет в живых, она передала дневник, не прочитав его, Отто Х. Франку, отцу Анны.

Отто Франк после долгих размышлений решил выполнить волю покойной дочери и издать ее записи в виде книги. Для этого из обоих дневников Анны — первоначального (версия «а») и переработанного ею самой (версия «б») — он составил сокращенную версию «с». Дневник предполагалось выпустить в серии, причем объем текста был задан издательством.

Книга вышла из печати в 1947 году. Тогда еще не было принято непринужденно касаться сексуальных тем, особенно в книгах, адресованных молодежи. Другая важная причина, по которой в книгу не вошли целые фрагменты и некоторые формулировки, заключалась в том, что Отто Франк не хотел вредить памяти жены и товарищей по заточению в Убежище. Анна Франк вела дневник с тринадцати до пятнадцати лет и выражала в этих записках антипатию и возмущение столь же откровенно, как и симпатии.

* Радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Отто Франк скончался в 1980 году. Оригинал дневника своей дочери он официально завещал Государственному институту военных архивов в Амстердаме. Поскольку начиная с пятидесятых годов постоянно возникали сомнения в подлинности дневника, институт подверг все записи тщательному исследованию. Только после того, как их подлинность была установлена без всяких сомнений, дневники вместе с результатами исследований были опубликованы. В ходе исследования проверялись, в частности, родственные отношения, факты, связанные с арестом и депортацией, чернила и бумага, использованные для письма, и почерк Анны Франк. В этом относительно объемном труде собраны также сведения о всех публикациях дневника.

Фонд Анны Франк в Базеле, который в качестве всеобщего наследника Отто Франка унаследовал также авторские права его дочери, решил на основе всех имеющихся текстов предпринять новое издание. Это несколько не умаляет значение редакторской работы, выполненной Отто Франком, — работы, которая послужила широкому распространению книги и ее политическому звучанию. Новое издание вышло под редакцией писательницы и переводчицы Мирьям Пресслер. При этом издание Отто Франка было использовано без сокращений и лишь дополнено отрывками из версий «а» и «б». Текст, представленный Мирьям Пресслер и одобренный Фондом Анны Франк в Базеле, на четверть превышает по объему ранее опубликованную версию и имеет своей целью дать читателю более глубокое представление о внутреннем мире Анны Франк.

Когда Анна Франк писала свою вторую версию («б»), она решила, какие псевдонимы даст тому или иному лицу. Себя она хотела сначала назвать Анной Аулис, потом Анной Робин. Отто Франк не стал использовать эти псевдонимы, а сохранил свою настоящую фамилию, но другие персонажи были названы псевдонимами, как того хотела его дочь. Помощники, которые теперь всем известны, заслуживают того, чтобы их подлинные имена и фамилии также сохранились в книге; имена всех остальных соответствуют научному изданию. В тех случаях, когда человек сам пожелал остаться анонимным, Государственный институт обозначал его произвольно выбранными инициалами.

Вот настоящие имена людей, скрывавшихся вместе с семейством Франк.

Семейство Ван Пелс (из Оснабрюка): Августа (род. 29.9.1890 г.), Герман (род. 31.3.1889 г.), Петер (род. 9.11.1929 г.); Анна назвала их Петронеллой, Гансом и Альфредом Ван Даан, в этом издании — Петронелла, Герман и Петер Ван Даан.

Фриц Пфеффер (род. в 1889 г. в Гисене) и самой Анной и в этой книге назван Альбертом Дюсселом.

Дневник Анны Франк

12 ИЮНЯ 1942 г.

Надеюсь, я смогу тебе все доверить, как не доверяла еще никому, и надеюсь, что ты будешь для меня большой поддержкой.

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Все это время большой поддержкой мне были и ты, и Китти, которой я теперь регулярно пишу. Вести дневник таким образом кажется мне намного приятнее, и теперь я жду не дождусь того часа, когда смогу писать.

Ах, как я рада, что взяла тебя с собой!

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ИЮНЯ 1942 г.

Начну с того, как я тебя получила, то есть как я тебя увидела на столе среди подарков (потому что покупали тебя при мне, но это не в счет).

В пятницу 12 июня я проснулась уже в шесть часов, и это вполне понятно — ведь был мой день рождения. Но нельзя же было встать в шесть утра, поэтому пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Дольше я не вытерпела, пошла в столовую, где меня встретила Моортье, наша кошка, и стала ко мне ласкаться.

В начале восьмого я пошла к папе с мамой, а потом в гостиную разворачивать подарки, и самым первым я увидела тебя, наверняка один из самых лучших подарков. Еще был букет, два пиона. Папа и мама подарили мне голубую блузку, настольную игру, бутылку виноградного сока, который, по-моему, отдает вином (вино ведь делают из винограда), головоломку, баночку крема, два с половиной гильдена и талон на две книги. Потом мне подарили еще одну книгу «Камера Обскура», но такая у Марго уже есть, и я ее сменяла, блюдо домашнего печенья (я, конечно, сама его испекла, потому что я теперь здорово пеку печенье), много сладостей и клубничный торт от мамы. Письмо от бабули пришло день в день, но это, конечно, случайность.

Потом за мной зашла Ханнели, и мы пошли в школу. На перемене я угостила учителей и ребят сливочными печеньями, и потом мы снова должны были заниматься. Я вернулась домой в пять часов, потому что ходила на физкультуру (хотя вообще-то я освобождена из-за того, что у меня вывихиваются руки и ноги) и выбрала для одноклассников игру в честь моего дня рождения — волейбол. Дома уже ждала Санна Ледерман. После физкультуры со мной пошли Ильза Вагнер, Ханнели Хослар и Жаклин ван Маарсен — девочки из нашего класса. Раньше у меня были две самые лучшие подруги, Ханнели и Санна, и кто нас вместе видел, всегда говорил: «Вон идут Анна, Ханна и Санна». С Жаклин ван Маарсен я познакомилась только в Еврейском лицее, и теперь она моя лучшая подруга. Ильза — лучшая подруга Ханнели, а Санна в другой школе, и у нее там свои подруги.

Наш клуб подарил мне замечательную книгу «Голландские предания и легенды», но по ошибке они подарили мне второй том, и поэтому я две другие книги поменяла на первую часть. Тетя Хелена принесла еще одну головоломку, тетя Стефани хорошенькую брошку, а тетя Лени изумительную книгу «Каникулы Дэзи в горах». Сегодня утром я сидела в ванне и думала о том, что было бы великолепно, будь у меня такая собака, как Рин-Тин-Тин*. Я бы тоже назвала ее Рин-Тин-Тин, и была она всегда в школе у консьержа, а в хорошую погоду в помещении для велосипедов.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ИЮНЯ 1942 г.

В воскресенье днем праздновали мое рождение. Рин-Тин-Тин пришелся очень по вкусу моим одноклассникам. Мне подарили две брошки, закладку для книг и две книги. Но сначала я расскажу кое-что о классе и о школе и начну с учеников.

Бетги Блумендаал выглядит немного бедной, я думаю, что так оно и есть, она живет на Ян-Класенстраат где-то в западной части города, и никто из нас не знает, где это. Она очень хорошо учится, но только из-за того, что она такая прилежная, потому что теперь уже видно, что ее способности оставляют желать лучшего. Она довольно тихая девочка.

Жаклин ван Маарсен считается моей лучшей подругой, хотя настоящей подруги у меня еще никогда не было. Сначала я думала, что Жак станет ею, но вышло совсем не так.

Д.К. очень нервная девочка, она всегда что-нибудь забывает и

* Кличка собаки в одноименном фильме.

получает одну шграфную работу за другой. Она очень добродушная, особенно с Х.З.

Э.С. такая болтушка, что вытерпеть ее просто невозможно. Если она о чем-нибудь спрашивает, то уж обязательно начнет крутить пальцами твои пуговицы или теребить тебе волосы. Говорят, что Э. меня терпеть не может, но меня это нисколько не огорчает, потому что мне она тоже не нравится.

Хенни Метс девочка веселая и милая, но ужасно громко говорит, и когда играет на улице, то ведет себя как маленькая.

Очень жаль, что Хенни дружит с одной девочкой, Беппи, которая на нее очень плохо влияет, потому что эта Беппи ужасно подлая и грязнуля.

Про Й.Р. можно писать сочинения. Й. — хвастунья, сплетница, противная, строит из себя взрослую, коварная, лицемерная. Жалко, что ей удалось прибрать к рукам Жак. Й. плачет по всякому поводу, боится боли и страшная жеманница. Всегда наша юффрау Й. права. Она ужасная богачка, и ее шкаф забит хорошенькими платьицами, но они слишком старомодны. Она воображает себя красавицей, хотя в действительности дело обстоит совсем наоборот. Мы с Й. друг друга просто терпеть не можем.

Ильза Вагнер — веселая и отличная девочка, но чересчур дошная и может нудить часами. Ильза довольно сильно привязана ко мне. Вообще-то она умница, но лентяйка.

Ханнели Хослар, или Лис, как ее зовут в школе, чудная девочка, обычно такая стеснительная, а дома ужасно грубая. Все, что ей рассказывают, она выбалтывает матери. Но свое мнение она высказывает откровенно, и я очень хорошо отношусь к ней, особенно в последнее время.

Нанни ван Праах-Сихаар — забавная, маленькая, умная девочка. Мне она нравится. Она довольно хорошенькая. Многого о ней не скажешь.

Эфье де Йонг, по-моему, просто неподражаема. Ей только исполнилось двенадцать, но она настоящая дама. Со мной она ведет себя так, будто я младенец. Еще она всегда готова помочь, и поэтому она мне нравится.

Х.З. — самая красивая девочка в нашем классе. У нее милое лицо, но на уроках она довольно тупа. Я думаю, что ее оставят на второй год, но об этом я ей, конечно, не говорю.

Х.З., к моему великому удивлению, не оставили на второй год.

И в завершение рассказа о напих двенадцати девочках — сижу я с Х.З.

О мальчиках говорить можно много, но все равно будет мало.

Морис Костер — один из многих моих поклонников, но довольно занудный парень.

Салли Спрингер — невероятный пошляк, и идет слух, что он с кем-то спарился. И все-таки он мне кажется чудесным парнем, потому что он ужасно смешной.

Эмиль Боневит — поклонник Х.З., хотя ее это не очень волнует. Он довольно скучный.

Роб Коэн тоже был влюблен в меня, но теперь я больше не могу его выносить. Это лицемерный, лживый, плаксивый, странный и скучный мальчишка, ужасно много из себя строит.

Макс ван де Велде из крестьянской семьи в Медемблике, но он, как сказала бы Марго, вполне подходящий.

Херман Коопман тоже ужасно пошлый, как и Йопи де Беер — страшный ухажер и бабник.

Лео Блом — закадычный друг Йопи де Беера и перенял от него пошлые привычки.

Альберт де Мескита перешел из школы Монтессори номер шесть и перескочил через один класс. Ужасно умный.

Лео Слахер тоже перешел к нам из этой школы, но он не такой умный.

Рю Стопшелмон, маленький и странный мальчишка из Алмело, перевелся позже в нашу школу.

К.Н. делает все, чего делать нельзя.

Жак Кокерноот сидит позади нас вместе с Пам, и мы просто умираем со смеху (Х. и я).

Харри Схаап самый приличный мальчик у нас в классе, он вполне приятный.

О Вернере Йозефе можно было бы сказать то же самое, но он большой тихоня и потому кажется скучным.

Сам Саломон этакий хулиган с задворок, противный парень. (Поклонник!)

Али Рим довольно религиозный, но тоже дрянь.

На этом я заканчиваю. В следующий раз у меня будет так много чего написать тебе, значит, я так много расскажу тебе. Пока, ты такой чудесный!

Для девочки вроде меня такое непривычное чувство — вести дневник! И не только потому, что я раньше никогда не писала. Мне кажется, что позже ни мне самой, ни кому-нибудь другому не будут интересны признания тринадцатилетней школьницы. Но на самом деле это не так важно, просто мне хочется писать, и больше того — высказать откровенно и абсолютно все, что у меня на душе.

«Бумага терпеливее людей». Эта поговорка вспомнилась мне в один из грустных дней, когда я сидела, уронив голову на руки, и от вялости не могла решить — то ли пойти гулять, то ли остаться дома, и в конце концов так и просидела в раздумьях на одном месте. Действительно, бумага все стерпит, и так как я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в картонном переплете, которая носит высокопарное название «дневник», — разве что в моей жизни появится когда-нибудь друг или подруга и станет настоящим другом или подругой, — то кому какое дело.

Вот я и подошла к самому главному, откуда взялась у меня сама идея вести дневник: у меня нет настоящей подруги. Чтобы было совсем понятно, это надо бы объяснить, ведь никто не поймет, что тринадцатилетняя девочка совершенно одинока на всем белом свете. Конечно, это неправда. У меня милые родители и шестнадцатилетняя сестра, в общей сложности у меня наберется не менее тридцати знакомых и так называемых подружек. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках, когда ничего другого не остается, стараются поймать мой взгляд в осколке зеркала. У меня есть родственники, милые тетушки и хороший дом. Посмотреть со стороны — чего мне еще не хватает, кроме настоящей подруги. Со всеми моими знакомыми только и можно, что дурачиться, я с ними никогда ни о чем, кроме как о пустяках, поговорить не могу. Откровенность с ними невозможна, вот что главное. Может быть, что-то во мне самой мешает мне быть откровенной с другими, но факт остается фактом, и, к сожалению, тут ничего не поделаешь. Вот потому и дневник.

Но для того чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду, как делают все, записывать в дневник разные факты; я хочу, чтобы эта тетрадь сама стала мне подругой, и эту подругу я буду звать *Китти*.

История моей жизни! (Идиотка, как я могла это забыть.) Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу вкратце свою биографию, хотя и без удовольствия.

Мой папа, самый изумительный из всех отцов, которых я когда-либо встречала, женился, когда ему уже было 36 лет, на моей

маме, которой было тогда 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне в Германии. 12 июня 1929 года появилась я. До четырех лет я жила во Франкфурте. Мы чистокровные евреи, поэтому мой отец в 1933 году уехал в Голландию. Он стал директором голландского акционерного общества по производству джема — «Опекта». Моя мама, Эдит Франк-Холлендер, в сентябре тоже уехала в Голландию, а Марго и я уехали в Ахен, где жила наша бабушка. В декабре Марго поехала в Голландию, а меня привезли в феврале и поставили на стол, как подарок ко дню рождения Марго. Вскоре я пошла в детский сад при школе Монтессори номер шесть. Там я оставалась до шести лет, потом пошла в первый класс. В шестом классе я попала к директрисе мейфрау Куперус. В конце учебного года мы очень трогательно простились и обе плакали, потому что мне пришлось перейти в Еврейский лицей, где уже училась Марго.

В нашей жизни было довольно много тревог, так как наших родственников, оставшихся в Германии, не миновали законы Гитлера против евреев. После погромов 1938 года два моих дяди, мамы братья, бежали и благополучно прибыли в Северную Америку, а моя старая бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года.

После мая сорокового года пришел конец хорошим временам: сначала война, потом капитуляция, вторжение немцев, и для нас, евреев, начались мучения. Законы против евреев последовали один за другим, и нашу свободу резко ограничили. Евреи должны носить желтую звезду; евреи должны сдать велосипеды; евреям нельзя ездить в трамвае; евреям нельзя ездить в автомобилях, даже в частных; евреям можно делать покупки только от трех до пяти; евреям разрешено ходить только к еврейскому парикмахеру; евреям после восьми вечера и до шести часов утра нельзя выходить на улицу; евреям нельзя появляться ни в театрах, ни в кино, ни в каких других местах для развлечений; евреям нельзя ходить ни в бассейн, ни на теннисный корт, ни на хоккейное поле, ни на другие спортплощадки; евреям нельзя заниматься греблей, евреям вообще нельзя заниматься никаким спортом в общественных местах; после восьми вечера евреям нельзя сидеть ни в своем саду, ни в саду своих знакомых; евреям нельзя ходить в гости к христианам; еврейские дети должны ходить в еврейские школы, и прочая, и прочая. Так продолжалось наше житье-бытье, и нам запрещали то одно, то другое. Жак всегда говорит мне: «Боюсь за что-нибудь братья: а вдруг это запрещено?»

Летом 1941-го бабушка тяжело заболела. Ей должны были сделать операцию, и мой день рождения не особенно удался. Летом

1940-го тоже, ведь тогда только что кончилась война в Голландии. Бабушка умерла в январе 1942-го. Никто не знает, как много я думаю о ней и как люблю ее до сих пор. Этот день рождения в 1942-м мы отпраздновали, чтобы восполнить все предыдущие, и свечка бабушки стояла рядом с другими.

С нами четверыми пока что все хорошо, и таким образом я подошла к сегодняшнему дню и числу, которыми начинается торжественное открытие моего дневника, 20 июня 1942 года.

СУББОТА, 20 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Кумми!

Сразу приступаю к делу; сейчас все тихо и спокойно, мама с папой ушли, а Марго с какими-то ребятами пошла играть в пинг-понг к своей подруге Трес. Я тоже в последнее время ужасно много играю в пинг-понг, так много, что мы с пятью девочками даже основали клуб. Клуб называется «Малая Медведица минус две». Ужасно странное название, но это из-за одной ошибки. Мы хотели дать клубу необычное название и решили, поскольку нас пятеро, назвать его «Созвездием Малой Медведицы». Мы думали, что оно состоит из пяти звезд, но ошиблись, оно, как и Большая Медведица, состоит из семи. Вот поэтому «минус две». У Ильзы Вагнер есть пинг-понг, и большая столовая Вагнеров всегда в нашем распоряжении. Так как мы, пятеро пингпонгистов, ужасно любим мороженое, особенно летом, и от игры нам становится жарко, то каждая игра обычно кончается походом в один из ближайших магазинчиков с мороженым, куда можно ходить евреям, — «Оазис» или «Дельфи». Мы уже совсем не заботимся, есть у нас деньги или нет, потому что в «Оазисе» всегда полно народу и среди всех этих людей непременно найдется какой-нибудь щедрый господин из обширного круга наших знакомых либо тот или другой наш поклонник, которые предлагают нам столько мороженого, сколько и за неделю не съешь.

Я думаю, ты немного удивилась, что я в мои годы уже говорю о поклонниках. К сожалению, или в некоторых случаях, наоборот, вовсе не к сожалению, в нашей школе это, похоже, неизбежное зло. Как только кто-нибудь из мальчиков спрашивает, можно ли ему проводить меня домой на велосипеде, и заводит со мной разговор, то в девяти случаях из десяти я могу быть уверена, что вышеупомянутый юнец имеет дурную привычку сразу влобляться по уши и не отстанет от меня ни на шаг. Постепенно он остывает, особенно если я не обращаю внимания на его пылкие взгляды и весело кручу педали. Иногда, когда мне это надоедает, я нарочно вихляю рулем,

мой портфель падает, и молодой человек из приличия должен соскочить и поднять его, и, пока он поднесет портфель, я успеваю сменить тему разговора. Это еще самые безобидные, а бывают, конечно, и такие, которые посылают воздушные поцелуи или пытаются схватить за руку, но тогда уж точно не на ту напали: я слезаю с велосипеда и отказываюсь больше находиться в его обществе или принимаю обиженный вид и говорю ему в самых сильных выражениях, чтобы он убирался домой.

Ну вот, фундамент нашей дружбы заложен, до завтра.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Весь наш класс трясется от страха. Конечно, по поводу приближающегося педсовета. Полкласса держит пари: кого переведут, кто останется на второй год. Х.З. и я хохочем до слез над двумя мальчиками, что сидят на парте за нами, К.Н. и Жаком Кокерноотом, которые проспорили весь капитал, заработанный на каникулах: «Переведут — нет, оставят — нет, переведут...» — и так с утра до вечера, даже взгляды Х., умоляющие замолчать, и мои сердитые выпады не могут успокоить этих двоих. По-моему, оставят на второй год четверть класса, такие это болваны, но учителя — самые капризные люди в мире, может быть, на этот раз, как исключение, их капризность нам на руку.

Я не очень-то боюсь за себя и своих подруг, с нами все обойдется. Я только не уверена в математике. Ну что ж, подождем. Пока мы подбадриваем друг друга. У меня со всеми учителями и учительницами отношения довольно хорошие. У нас их девять — семеро мужчин и две женщины. Менеер Кеесинг, корифей-математик, одно время на меня ужасно злился, потому что я так много болтаю. Одно замечание следовало за другим, а потом он задал мне в наказание работу — сочинение на тему «Болтунья». «Болтунья»... Ну что тут напишешь. Но пока я не стала ломать голову, записала задание в записную книжку, сунула в сумку и попробовала молчать.

Вечером, когда все уроки были сделаны, я заметила запись о сочинении. Грызла авторучку и обдумывала эту тему. Просто написать что попало и как можно шире разбросать строчки может каждый. А вот найти неоспоримые доказательства в пользу болтовни — вот в чем искусство. Я думала, думала, и вдруг меня осенило; я исписала заданные три страницы и осталась довольна. Я доказыва-

ла, что болтовня присуща женщинам и что я, конечно, постараюсь немного сдержаться, но, наверно, никогда не отучусь, потому что моя мама говорит не меньше меня, если не больше, а против наследственности бороться почти бесполезно.

Менеер Кеесинг очень смеялся над моими доводами, но, когда на следующем его уроке я опять стала болтать, он задал мне второе сочинение. На этот раз оно называлось «Неисправимая болтунья». Я и это ему написала, и на двух уроках Кеесингу не на что было пожаловаться. А на третьем моя болтовня опять вывела его из себя. «Анна Франк, в наказание за болтовню сочинение на тему «Кря-кря-кря», — сказала юффрау Утка!»

Класс заливался хохотом. Я тоже волей-неволей смеялась вместе со всеми, хотя мои изыскательские способности в области болтовни были исчерпаны. Надо было найти что-нибудь новое, очень оригинальное. Моя подруга Санна, замечательная поэтесса, предложила свою помощь — написать сочинение с начала до конца в стихах. Я была в восторге. Кеесинг хотел осмеять меня этим дурацким сочинением, но я своим стихотворением высмею его тройне.

Стихи получились потрясающие! Там было про маму-утку, папу-лебедя и про трех утят, которых папа заклевал насмерть за то, что они слишком много крякали. К счастью, Кеесингу шутка пришлась по душе, он прочел стихи с комментарием в нашем классе и еще в других классах. С тех пор я могу болтать сколько влезет и никаких штрафных работ, наоборот, Кеесинг теперь всегда отпускает шутки.

Твоя Анна

СРЕДА, 24 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Кимми!

Невыносимо жарко, все отдуваются, пыхтят, и в этом пекле мне надо всюду успеть пешком. Только теперь я оценила, какая все же хорошая штука трамвай, особенно с открытыми вагонами, но это теперь запретный плод для нас, евреев, нам только и остается, что бегать на своих двоих. Вчера мне надо было на большой перемене к зубному врачу на Ян-Люкенстраат. Это далеко от нашей школы, на Стадстиммертунен. Поэтому в школе я днем чуть не заснула. К счастью, люди сами предлагали мне что-нибудь попить. Ассистентка у зубного врача на самом деле очень сердечный человек.

Единственное, чем мы еще можем пользоваться, — это паром. Паромщик на Йозеф-Израэльскаде сразу взял нас, как только мы попросили нас переправить. Голландцы, безусловно, не виноваты,

что нам, евреям, так скверно. Если бы только не ходить в школу, на Пасху украли мой велосипед, а мамин велосипед папа отдал на хранение знакомым христианам. Но к счастью, каникулы приближаются быстрыми шагами, еще неделя — и конец мучениям.

Вчера утром случилось кое-что приятное. Я проходила мимо велосипедной стоянки, и тут меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела, что за мной стоит симпатичный парень, с которым я познакомилась накануне вечером у Вилмы. Он ее троюродный брат, а Вилма моя знакомая. Сначала она мне казалась очень милой. Так оно и есть, но она целый день говорит только о мальчишках и ни о чем другом, и это начинает надоедать. Парень подошел, немного стесняясь, и представился: Хелло Силберберх. Я слегка удивилась и не очень поняла, что ему нужно, но скоро все выяснилось. Он хотел составить мне компанию и проводить меня в школу. «Если тебе по дороге, пойдем», — ответила я, и мы пошли вместе. Хелло уже шестнадцать лет, и он очень мило рассказывает всякие истории.

Сегодня утром он опять ждал меня, и, наверно, теперь так и пойдет.

Анна

СРЕДА, 1 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

До сегодняшнего дня я совершенно не могла найти время, чтобы тебе написать. В четверг провела весь день у знакомых, в пятницу к нам пришли гости, и так — до сегодняшнего дня.

За эту неделю мы с Хелло познакомились ближе, он мне много рассказал о своей жизни. Он приехал из Гельзенкирхена и живет тут, в Голландии, без родителей, у дедушки и бабушки. Его родители живут в Бельгии, а ему поехать туда невозможно. У Хелло была девочка, Урсула. Я ее тоже знаю, она образец кротости и скуки. С тех пор как Хелло со мной познакомился, он понял, что с Урсулой ему скучно до одури. Так что я — своего рода противоречивое, никогда не знаешь, на что пригодишься!

В субботу у меня ночевала Жак. Днем она ушла к Ханнели, и я скучала смертельно.

Вечером Хелло должен был прийти ко мне, но около шести он позвонил. Я подошла к телефону, и он сказал:

— Говорит Хельмут Силберберх. Будьте добры, можно позвать Анну?

— Да, Хелло, это Анна.

— Привет, Анна. Как поживаете?

— Спасибо, хорошо.

— Я хотел тебе сказать, что, к сожалению, сегодня не смогу прийти, но все же мне хотелось бы с тобой поговорить. Можно, я через десять минут подойду к твоему дому?

— Хорошо, ну пока!

— Пока, я сейчас буду.

Положив трубку, я скоренько переоделась и немножко поправила волосы. Потом в волнении высунулась из окна. Наконец он пришел. Чудо из чудес — я не помчалась по лестнице стремглав, а спокойно ждала, пока он позвонит. Я спустилась вниз, и он, не дав мне прийти в себя, выпалил:

— Слушай, Анна, моя бабушка считает, что ты еще слишком молода, чтобы с тобой встречаться. Она говорит, мне надо бывать у Лёвенбахов, но ты, наверное, знаешь, что я больше не встречаюсь с Урсулой.

— Почему, разве вы в ссоре?

— Нет, наоборот. Я сказал Урсуле, что мы все равно разные люди и поэтому нам лучше порвать отношения, но пусть она ходит к нам в гости, а я, надеюсь, буду бывать у них. Ведь я думал, что Урсула гуляет с другим мальчиком, и соответственно с ней обращался. Оказывается, это совершенно не так. И теперь мой дядя говорит, что я должен перед ней извиниться, но я, конечно, не хочу, и поэтому я с ней порвал, но это всего лишь одна из множества причин.

Моя бабушка хочет теперь, чтобы я бывал у Урсулы, а не у тебя, но я не хочу и не буду! У стариков бывают иногда страшно устарелые представления, но мне с ними считаться нечего. Конечно, я завищу от бабушки и дедушки, но в каком-то смысле и они нуждаются во мне. Вечерами по средам я теперь свободен, потому что дед с бабушкой думают, будто я хожу на уроки резьбы по дереву, а на самом деле я бываю в кружке сионистской партии. Мне ходить туда нельзя, потому что мои бабушка и дедушка очень против сионизма. Я тоже не фанатик этого дела, но мне интересно. Хотя в последнее время там какая-то неразбериха, и я думаю, что больше туда ходить не стану. В среду я туда пойду в последний раз. Значит, мы можем с тобой видаться по средам вечером, по субботам днем и вечером, в воскресенье днем и так далее.

— Но если твои бабушка и дед этого не хотят, то тебе не следует делать это за их спиной.

— Силой любить не заставишь.

Когда мы проходили мимо книжной лавки Бланкевоорт, там стоял Петер Схифф с двумя ребятами; в первый раз за долгое время он со мной поздоровался, и я страшно обрадовалась.

В понедельник вечером Хелло пришел к нам, чтобы поознако-

миться с моими родителями. Я купила торт, конфеты, чай и печенье, всякой всячины, но нам с Хелло было скучно вот так рядышком сидеть на стульях, мы ушли гулять, и только в десять минут девятого он проводил меня домой. Папа страшно сердился, ему вовсе не понравилось, что я вернулась поздно, пришлось пообещать, что в дальнейшем буду приходить домой без десяти восемь. В эту субботу меня пригласили к Хелло.

Вилма мне рассказала, что Хелло однажды вечером был у нее и она его спросила:

— Кто тебе больше нравится — Урсула или Анна?

Тогда он сказал:

— Не твое дело.

Но когда он уходил (они целый вечер больше не разговаривали друг с другом), он сказал:

— Конечно, Анна, ну, пока, — только ты никому не говори.

И — хоп, исчез за дверью.

По всему заметно, что Хелло теперь в меня влюблен, и для разнообразия мне это нравится. Марго сказала бы: «Хелло — очень подходящий парень», по-моему, тоже и даже больше. Мама от него в восторге. «Умный, вежливый и приятный мальчик». Я рада, что Хелло так понравился всему нашему семейству, но он совсем не понравился моим подругам, которых он считает совершенными детьми — и тут он прав. Как вечно дразнит меня из-за Хелло; я вовсе не влюблена, о нет, но ведь могу же я иметь друзей, кому какое дело.

Мама все еще спрашивает, за кого бы я в будущем хотела выйти замуж, но я думаю, она бы ни за что не отгадала, что за Петера, потому что, когда речь заходит о нем, я не подаю вида. Я люблю Петера так, как еще никогда и никого не любила, и постоянно внушаю сама себе, что Петер гуляет со всеми этими девочками, только чтобы скрыть свои чувства. Возможно, ему теперь тоже кажется, что мы с Хелло влюблены друг в друга. Но это не так. Он просто один из моих дружков, или, как выражается мама, кавалер.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 ИЮЛЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Годовой акт в пятницу в Еврейском театре прошел отлично, мой табель совсем не так плох, «неуд» только один, по алгебре — пять, остальные все семерки, две восьмерки и две шестерки*. Дома все

* В голландских школах десятибалльная система.

довольны, но мои родители насчет отметок совсем не похожи на других родителей, им никогда не важно, плохие или хорошие у меня отметки, гораздо важнее, чтобы я была здоровая, веселая и не слишком грубила. Лишь бы эти три вещи были в порядке, остальное само приложится.

Но я наоборот, мне бы не хотелось быть плохой ученицей. В лицей меня приняли условно, потому что я в общем-то должна была остаться в 7-м классе школы Монтессори номер шесть, но, когда всем еврейским детям надо было переходить в еврейские школы, менеер Элте после недолгих переговоров принял меня и Лис Хослар условно. Лис тоже перевели, но с трудной переэкзаменовкой по геометрии.

Бедная Лис, дома ей почти невозможно заниматься как следует; в ее комнатке целый день играет ее маленькая сестренка, избалованный ребенок примерно двух лет. Габи орет, пока не добьется своего, и если Лис тогда с ней не займется, то орет мефрау Хослар. Таким образом Лис невозможно как следует заниматься, и, хотя она все время берет дополнительные уроки, они тоже не очень-то помогают. Ну и порядок у Хосларов дома! Родители мефрау Хослар живут в соседнем подъезде, но едят тоже у них. Потом еще прислуга, младенец, менеер Хослар, всегда рассеянный и с отсутствующим видом, и мефрау, всегда нервозная и раздраженная, и опять в положении. В этом «доме Яна Стеена»* Лис, и без того неуклюжая, вовсе теряется. Моя сестра Марго тоже получила свой табель, как всегда блестящий. Если бы у нас давали награды «с отличием», она бы точно получила — такая умница!

Папа в последнее время много бывает дома, в конторе ему больше нечего делать. Ужасное чувство — вдруг оказаться лишним. Менеер Клейман принял от него «Опекту», а менеер Кюглер — «Хис и К^о», компанию по суррогатным специям, которая была основана только в 1941 году.

На днях, когда мы с папой гуляли в нашем скверике, он заговорил со мной об укрытии. Сказал, что нам будет очень тяжело жить совершенно отрезанными от мира. Я спросила, почему он об этом заговорил уже сейчас.

— Ты знаешь, Анна, — сказал он на это, — что мы уже больше года переносим к знакомым одежду, мебель и продукты. Мы не хотим оставить немцам наше имущество, а тем более попасться им в руки. Поэтому мы сами уйдем, не дожидаясь, пока нас заберут.

— Но, папа, когда же?

* Голландский художник XVII века, изображал на картинах домашний беспорядок.

Мне стало страшно, такое серьезное лицо было у папы.

— Не волнуйся об этом, мы сами все устроим, наслаждайся беззаботной жизнью, пока это возможно.

И все. О, хоть бы не сбывались эти мрачные слова как можно дольше!

Только что позвонили, пришел Хелло, я заканчиваю.

Твоя Анна

СРЕДА, 8 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось, как будто земля вдруг перевернулась, но, Китти, как видишь, я еще жива, а это, по словам папы, самое главное. Да, в самом деле, я живу, только не спрашивай как и где. Наверно, ты меня сегодня совсем не понимаешь, поэтому придется сначала рассказать тебе все, что произошло в воскресенье. В три часа (Хелло только что ушел и собирался еще вернуться) кто-то позвонил в дверь, я не слышала, потому что лениво загорала в шезлонге на веранде и читала. Чуть позже в дверях кухни показалась взволнованная Марго.

— Папе прислали повестку из СС, — шепнула она. — Мама уже пошла к менееру Ван Даану. (Ван Даан — хороший знакомый отца и его компаньон.)

Я страшно перепугалась. Повестка, каждый знает, что это значит. Концлагеря и камеры-одиночки тут же предстали передо мной, неужели мы позволим отправить туда папу?

— Конечно, он не пойдет, — заявила Марго, когда мы сидели с ней в комнате и ждали маму.

— Мама пошла к Ван Даанам спросить, можем ли мы завтра уйти в наше укрытие. Ван Дааны тоже уйдут с нами. Тогда мы будем там всемером.

Тишина. Говорить мы больше не могли, мысль об отце, который, ничего не подозревая, пошел навестить кого-то в Еврейской богадельне, ожидание мамы, жара, напряжение — от всего этого мы совсем потеряли дар речи.

Вдруг снова звонок.

— Это Хелло, — сказала я.

— Не открывай, — удержала меня Марго, но предосторожность оказалась напрасной: мы услышали голоса мамы и менеера Ван Даана, они разговаривали внизу с Хелло, потом вошли в дом

и заперли за собой двери. При каждом звонке Марго или я должны были теперь прокрадываться вниз и смотреть, не папа ли это; других мы не впускали. Нас с Марго отослали из комнаты, Ван Даан хотел поговорить с мамой наедине.

Когда мы с Марго сидели в нашей спальне, она мне сказала, что повестка пришла не папе, а ей. Я снова испугалась и заплакала. Марго шестнадцать лет, значит, вот таких юных девушек они хотят высылать без родителей? Но к счастью, она от нас не уйдет, мама сама так сказала, и, наверно, папа тоже подготавливал меня именно к этому, когда говорил со мной об укрытии. Что за укрытие? Где мы спрячемся? В городе, в деревне, в каком-нибудь доме, в хижине — когда, как, где?.. Нельзя было задавать все эти вопросы, но они у меня постоянно вертелись в голове.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в школьную сумку. Первым делом я взяла эту картонную тетрадь, потом бигуди, носовые платки, учебники, гребенку, старые письма. Я думала о том, как мы будем скрываться, и поэтому совала в сумку всякую ерунду, но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.

В пять часов наконец вернулся папа, мы позвонили менееру Клейману и попросили его зайти вечером. Ван Даан пошел за Мип. Мип пришла, уложила башмаки, платья, куртки, белье и чулки в сумку и пообещала вечером опять зайти. Потом у нас в квартире стало тихо, никто из четверых не хотел есть, было по-прежнему жарко, и все было ужасно непривычно.

Нашу большую верхнюю комнату мы сдаем некоему менееру Гольдшмидту, мужчине в разводе, за тридцать, которому, видно, в этот вечер нечего было делать; поэтому он торчал у нас до десяти, и никак нельзя было его выжить.

В одиннадцать пришли Мип и Ян Хис. Мип с 1933 года работает у папы в фирме и стала близкой знакомой, как и ее новоиспеченный супруг Ян. В сумке Мип и в глубоких карманах Яна снова стали исчезать ботинки, чулки, книги и белье; в половине двенадцатого и сами они исчезли.

Я устала до полусмерти, и, хотя я знала, что последнюю ночь сплю в своей кровати, я тут же заснула, и в половине шестого утра меня разбудила мама. К счастью, было не так жарко, как в воскресенье. Весь день лил теплый дождь. Мы все четверо столько на себя надели теплого, будто собирались ночевать в холодильнике. Но нам надо было взять с собой как можно больше одежды. В нашем положении ни один еврей не отважился бы выйти из дома с чемоданом, полным одежды. На мне было две рубашки, трое штанов, платье, а сверху юбка, куртка, летнее пальто, две пары чулок, зимние

ботинки, шапка, шарф и еще много всего, я уже дома чуть не задохнулась, но всем было не до этого.

Марго набила портфель учебниками, взяла велосипед со стоянки и поехала вслед за Мип в неизвестную мне даль. Я ведь все еще не знала, где находится таинственное место нашего назначения.

В половине восьмого мы заперли за собой дверь; единственное существо, с которым мне пришлось проститься, была Моортье, моя маленькая киса, которая должна была найти приют у соседей, просьба об этом была в записке, адресованной менееру Гольдшмидту.

Неубранные постели, остатки завтрака на столе, фунт мяса для кошки на кухне — все это производило впечатление, будто мы бежали, сломя голову. Но нам было безразлично, что скажут люди. Мы хотели уйти, только уйти и благополучно добраться до места, больше ничего. Завтра продолжу.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 9 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Так мы шли под проливным дождем: папа, мама и я, у каждого портфель и хозяйственная сумка, до отказа набитые чем попало. Рабочие, которые рано ехали на работу, смотрели на нас сочувственно; по их лицам было видно, как им жаль, что они не могут как-нибудь подвезти нас; желтая звезда бросалась всем в глаза и говорила сама за себя.

Только по дороге я мало-помалу узнала от родителей весь план укрытия. Уже много месяцев они переносили в безопасное место как можно больше нашей обстановки и одежды. Все было подготовлено, и шестнадцатого июля мы должны были скрыться. Но из-за этой повестки пришлось план укрытия осуществить на десять дней раньше, и надо было мириться с тем, что помещение еще не совсем подготовлено.

Само Убежище находится в папиной конторе. Посторонним это понять трудновато, поэтому я объясню подробнее. У папы немного служащих: менеер Кюглер, Клейман и Мип, потом еще Беп Фоскёйл, двадцатитрехлетняя стенографистка. Все они знали о нашем приходе. Менееру Фоскёйлу, отцу Беп, и еще двум работникам склада мы ничего не сказали.

План дома такой: в первом этаже большой склад, он же пакгауз. Он, в свою очередь, разделен на различные помещения, как, например, комната, где размальвуют корицу, гвоздику, суррогат перца, и кладовка. Рядом с дверью на склад обычная входная дверь

дома, которая через еще одну проходную дверь ведет на лестницу. Если по ней подняться, то окажешься перед дверью с матовым стеклом, на котором когда-то черными буквами было написано: «Контора». Это большая передняя контора, очень большая, очень светлая, вся заполненная вещами. Днем там работают Беп, Мип и менеер Клейман. Через кабинетик с несгораемым шкафом, гардеробом и большим шкафом с припасами входишь в маленькую, душную, темноватую заднюю комнатку, где раньше сидели менеер Кюглер и менеер Ван Даан, а теперь остался только первый. Из коридора тоже есть вход прямо в контору Кюглера, но только через стеклянную дверь, которую можно открыть изнутри, а снаружи только ключом. Из конторы Кюглера по длинному узкому коридору вдоль закутка, где хранится уголь, поднимаешься на четыре ступеньки и входишь в гордость всего здания — директорский кабинет. Там темная, солидная мебель, линолеум и ковры на полу, радиоприемник, роскошная лампа — словом, шикарно! Рядом большая вместительная кухня с титаном, двумя газовыми плитами, а дальше уборная. Это все во втором этаже. Из нижнего коридора обычная деревянная лестница ведет наверх. Наверху маленькая площадка. Направо и налево от нее двери. Левая ведет в переднюю часть дома с помещением пакгауза, с передней мансардой и передним чердаком. На другой стороне здания от передней части дома — еще одна длинная, ужасно крутая, настоящая голландская лестница, на которой ноги можно сломать, ведет ко второму выходу на улицу.

Справа от площадки находится «Задний Дом». Никто бы не подумал, что за этой простой, выкрашенной серой краской дверью скрывается столько комнат. Перед дверью ступенька, и ты там. Сразу против этого входа крутая лесенка. Налево маленький коридорчик и комната, которая должна служить гостиной и спальней семье Франк, а рядом есть еще одна, поменьше: это спальня и классная комната барышень Франк. Направо от лестницы комнатка без окон, с умывальником и отдельной уборной. Из комнатки есть дверь в нашу с Марго спальню. Когда поднимаешься по лестнице и открываешь дверь наверху, то просто удивляешься, что в таком старом доме на канале вдруг обнаруживается такая большая, светлая и просторная комната. В этой комнате стоит плита (благодаря тому, что раньше здесь находилась лаборатория Кюглера) и стол для мойки посуды. Значит, тут будет кухня и одновременно спальня супругов Ван Даан, общая гостиная, столовая и кабинет. Крошечная проходная каморка будет апартаментами Петера Ван Даана. Там есть еще мансарда и чердак, как и в передней части дома. Видишь, вот я и описала тебе весь наш чудесный Задний Дом!

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 10 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Очень может быть, я тебе ужасно надоела длинными описаниями нашего жилья. Но должна же ты знать, где я приземлилась! Как я приземлилась, ты узнаешь из всех моих следующих писем.

Сначала продолжение моего рассказа, потому что, как ты знаешь, я еще не все рассказала. Когда мы пришли на Принсенхрахт, 263, Мип тут же увела нас по длинному коридору, по деревянной лестнице, прямо наверх, в Задний Дом. Она заперла за нами двери, и мы остались одни. Марго приехала на велосипеде намного раньше и уже ждала нас. Наша гостиная, да и все остальные комнаты были так заполнены барахлом — описать невозможно! Все картонные коробки, которые в предыдущие месяцы присылались в контору, стояли на полу и на кроватях. Маленькая комната была до потолка завалена постельным бельем. Надо было сразу взяться за уборку, если мы хотели вечером лечь спать в более или менее постыльные постели. Мама и Марго не могли и пальцем пошевелить. Они лежали на голых кроватях, уставшие, истомившиеся и Бог знает какие еще, но мы с папой, главные «уборщики» в семействе, хотели тут же приступить к делу.

Мы целый день распаковывали коробки, раскладывали по полкам, стучали молотком и убирались до тех пор, пока вечером, смертельно усталые, не упали в чистые постели. Весь день мы не ели горячего, но нам это было все равно. Мама и Марго были слишком усталые и издерганные, чтобы есть, а у нас с папой было слишком много работы. Во вторник с утра мы начали с того, чего не закончили в понедельник. Беп и Мип купили продукты по нашим карточкам, папа наладил затемнение, где его было недостаточно, мы оттирали пол на кухне и снова работали с утра до вечера. До среды у меня даже почти времени не было, чтобы подумать об огромном повороте, который произошел в моей жизни. И только в среду, впервые после нашего прихода в Убежище, я нашла возможность сообщить тебе все и в то же время хорошенько осознать, что со мной произошло и что еще может произойти.

Твоя Анна

СУББОТА, 11 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Папа, мама и Марго все еще не могут привыкнуть к звону колокола с Вестерторен, который каждые четверть часа сообщает, сколько сейчас времени. А я — да, мне сразу очень понравилось, особенно

ночью, это меня как-то успокаивает. Наверно, тебе очень хочется знать, нравится ли мне в нашем Убежище. Честно говоря, сама еще не знаю. Мне кажется, я никогда не буду чувствовать себя тут как дома, но этим я вовсе не хочу сказать, что мне здесь жутко, скорее всего, мне кажется, что я попала в какой-то очень своеобразный пансион на каникулы. Довольно странный взгляд на Убежище, но ничего не поделаешь. Задний Дом — идеальное место для укрытия, хотя тут сыро и стены косые, все-таки во всем Амстердаме, да, пожалуй, и во всей Голландии тем, кто хочет скрыться, не соорудить более удобного тайника.

До сих пор наша комнатка с пустыми стенами выглядела совсем голой. К счастью, папа еще заранее захватил всю мою коллекцию открыток и кинозвезд, и я при помощи клея и кисточки всю стену комнаты превратила в картинку, так что внешний вид стал намного веселее, а когда придут Ван Дааны, мы сделаем из досок, которые лежат на чердаке, стенные шкафчики и другие милые вещички. Марго и мама снова немного пришли в себя. Вчера мама впервые решила варить гороховый суп, но, пока она разговаривала внизу, забыла про суп, который начисто сгорел; горох совершенно обуглился, и его нельзя было отодрать от кастрюли.

Вчера вечером мы вчетвером спустились в кабинет директора и включили английскую радиопередачу. Я страшно боялась, что кто-нибудь может нас услышать, и просто умоляла папу вернуться со мной наверх. Мама поняла мой страх и поднялась со мной. Вообще мы очень беспокоимся, как бы нас не услышали или не увидели соседи. В первый же день мы сшили занавески, собственно говоря, это нельзя назвать занавесками, это просто несколько отдельных непривлекательных лоскутьев разной формы, качества и узоров, которые мы с папой ужасно непрофессионально криво сшили. Эти роскошные гардины прикрепили кнопками к оконным рамам, и, пока мы тут, их снимать не будут.

Справа от нашего дома находится филиал фирмы из Заандама, «Кех», слева — мебельная мастерская, значит, эти люди уходят по окончании рабочего дня, однако шум все же может туда проникнуть. Поэтому мы запретили Марго кашлять ночью, хотя она страшно простудилась, и даем ей огромное количество кодеина.

Я ужасно радуюсь прибытию Ван Даанов, которое намечено на вторник. Станет намного уютнее и не так тихо. Именно от тишины я очень нервничаю по вечерам и ночью, я бы отдала что угодно, лишь бы у нас почевал кто-нибудь из наших защитников. Здесь вовсе не так ужасно, потому что нам можно тут самим готовить, а

внизу в папочкиной конторе слушать радио. Менеер Клейман и Мип, и Беп Фоскёйл тоже, они так нам помогли! Мы уже ели ревеня, клубнику и вишни, и я не думаю, что мы здесь в первое время будем скучать. У нас также есть и что почитать, и мы еще купим множество настольных игр. Конечно, ни ходить на улицу, ни смотреть в окно нам вовсе нельзя. А также мы должны вести себя очень тихо, чтобы внизу нас не услышали.

Вчера у нас было много работы, надо было очистить от косточек две корзины вишен, для конторы. Менеер Кюглер хотел законсервировать вишни. Из ящиков из-под вишен мы сделаем полки для книг.

Только что меня позвали.

Твоя Анна

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

То, что нам вообще нельзя выходить на улицу, угнетает меня больше, чем я могу выразить, и я ужасно боюсь, что нас могут обнаружить и расстрелять. Это, конечно, не очень приятная перспектива.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 ИЮЛЯ 1942 г.

В этот же день, месяц назад, они все были такие милые со мной, потому что у меня был день рождения, но теперь я с каждым днем все больше чувствую, как я отдаляюсь от мамы и Марго. Сегодня я много работала, и все меня безумно хвалили, а через пять минут они снова меня ругают.

Ясно видно разницу, как они обращаются с Марго и как — со мной. Марго, например, сломала пылесос, и поэтому у нас целый день нет света. Мама сказала: «Aber, Margot, man sieht, daß du keine Arbeit gewohnt bist, sonst hättest du gewußt, daß man einen Staubsauger nicht an der Schnur rauszieht»*. Марго что-то ответила, и на этом история закончилась.

Но сегодня днем я хотела что-то переписать из маминого списка продуктов, так как почерк у мамы ужасно неразборчивый, но она этого не хотела, и я тут же снова получила строгий выговор, в чем приняла участие вся семья.

Я не подхожу им, и я это отчетливо вижу, особенно последнее время. Они так сентиментальничают друг с другом, а я предпочитаю

* Но, Марго, видно, что ты не привыкла ни к какой работе, иначе ты бы знала, что пылесос не выдергивают за шнур (нем.).

давать волю чувствам, когда я одна. И потом они еще говорят, что нам так хорошо вчетвером и что мы так гармонично подходим друг к другу, а то, что я это совсем по-другому чувствую, об этом они ни на миг не задумываются.

Один только папа иногда меня понимает, но чаще всего он на стороне мамы и Марго. А еще я терпеть не могу, когда они при посторонних рассказывают о том, как я плакала и какая я разумная, мне это кажется ужасным, а иной раз они говорят о Моортье, и этого я совсем не могу вытерпеть, так как это мое уязвимое и слабое место. По Моортье я тоскую каждую минуту, и никто не знает, как много я о ней думаю. Каждый раз, как я думаю о ней, глаза мои наполняются слезами. Моортье такая милая, и я ее так люблю, и я даже строю в мечтах планы, чтобы она снова вернулась.

Мне здесь всегда так прекрасно мечтается, но реальность такова, что мы должны находиться здесь, пока не кончится война. Нам нельзя никогда выходить на улицу, и приходиться к нам могут только Мип, ее муж Ян, Беп Фоскёйл, менеер Фоскёйл, менеер Кюглер, менеер Клейман и мэфрау Клейман, но она не приходит, потому что считает это слишком опасным.

СЕНТЯБРЬ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Папочка всегда такой милый. Он понимает меня абсолютно, и я хотела бы хоть раз поговорить с ним откровенно, только бы не залиться сразу слезами. Но, говорят, это из-за моего возраста. Я хотела бы все время писать, но тогда будет уж слишком скучно.

До сих пор я записывала в мою тетрадь в основном одни мысли, а до интересных рассказов, которые я потом смогла бы кому-то прочитать, так и не дошла. Но в дальнейшем я лучше не буду или буду меньше изливать свои чувства и больше придерживаться действительности.

ПЯТНИЦА, 14 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Я тебя покинула на целый месяц, но у нас не так много нового, чтобы рассказывать каждый день что-нибудь интересное. 13 июля пришли Ван Дааны. Мы думали, что это будет четырнадцатого, но, так как немцы между 13 и 16 июля все больше и больше допекали

людей, слали повсюду повестки, Ван Дааны решили, что безопаснее прийти на день раньше, чем на день позже.

Утром, в половине десятого (мы еще завтракали), пришел Петер Ван Даан, довольно скучный и застенчивый дылда, которому еще нет шестнадцати и чье общество не много обещает. Через полчаса явились мефрау и менеер Ван Даан, она, к нашему всеобщему восторгу, с большим ночным горшком в шляпной коробке. «Без горшка я нигде не чувствую себя дома», — объяснила она, и горшок был первым предметом, который нашел себе место под диваном-кроватью. Менеер не принес горшка, но зато под мышкой — складной чайный столик.

В первый день нашего совместного существования мы дружно ели вместе, и через три дня у нас было такое чувство, как будто мы стали одной большой семьей. Само собой разумеется, у Ван Даанов было еще много чего рассказать о той неделе, которую они после нас провели на земле обетованной. Кроме всего остального, нам было особенно интересно узнать, что случилось с нашей квартирой и с менеером Гольдшмидтом.

Менеер Ван Даан рассказал: «В понедельник в девять часов утра нам позвонил менеер Гольдшмидт и спросил, могу ли я ненадолго зайти. Я тотчас пошел и застал его в сильном возбуждении. Он показал мне записку, которую оставила семья Франк, и собирался, следуя предписанию в ней, отнести кошку соседям, с чем я вполне согласился. Он боялся обыска, и поэтому мы прошлись по всем комнатам, немного прибрались и убрали со стола. Вдруг я обнаружил на письменном столе мефрау Франк блокнот, в котором был записан адрес в Маастрихте. Хотя я знал, что мефрау оставила это умышленно, я сделал вид, что ужасно удивлен и испуган, и стал умолять менеера Гольдшмидта непременно сжечь этот несчастный листок. Я все время старательно показывал, что ничего не знаю о вашем исчезновении, но, после того как я увидел эту бумажку, мне в голову пришла хорошая идея. «Менеер Гольдшмидт, — сказал я, — теперь я вдруг сообразил, что может означать этот адрес. Я припоминаю, что примерно полгода назад к нам в контору приходил один высокопоставленный офицер, как оказалось, близкий друг детства менеера Франка, который обещал помочь ему в случае нужды и точно жил в Маастрихте. Я думаю, этот офицер сдержал слово и тем или другим способом переправит менеера Франка в Бельгию, а оттуда в Швейцарию. Рассказывайте это знакомым в том случае, если кто-то из них будет у вас спрашивать о Франках. Конечно, лучше не упоминать Маастрихт». С этим я ушел. Теперь большинство знакомых уже в курсе дела, потому что мне передавали эту версию много раз». Мы были в восторге от этой истории, но еще

больше хохотали над силой воображения людей, когда менеер Ван Даан рассказывал о наших знакомых. Например, одна семья с Мерведеплейн видела нас всех четверых рано утром, проезжающих мимо на велосипедах, а другая дама утверждала, что сама видела, как нас глубокой ночью увозила военная машина.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 21 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Наше укрытие только теперь стало настоящим тайником. Менеер Кюглер решил, что будет лучше перед нашей входной дверью поместить шкаф (потому что сейчас много обысков — ищут велосипеды), но, конечно, подвижной шкаф, который открывался бы как дверь. Менеер Фоскёйл соорудил эту штуку. (Мы поведали менееру Фоскёйлу о семерых скрывающихся, и он готов помогать во всем.)

Теперь, когда спускаешься вниз, нужно сначала нагнуться, а потом прыгнуть, так как ступенька снята. Через три дня мы все набили страшные шишки на лбу, потому что все стукались головой о низкую притолоку. Потом Петер сделал ее как можно мягче, прибив к ней тряпку, набитую древесной ватой. Посмотрим, поможет ли!

Учусь я немного, до сентября я сама себя отпустила на каникулы. Потом папа собирается давать мне уроки, но для этого надо сначала купить новые учебники.

Жизнь тут однообразная. Сегодня Петер помыл голову, но в этом нет ничего особенного. Мы с менеером Ван Дааном постоянно ссоримся. Мама обращается со мной, как с маленькой, а я этого не выношу. В остальном стало как будто лучше. Петер мне все еще не нравится, он противный парень, весь день валяется на кровати, иногда что-то мастерит, а потом опять спит. Такой тюфяк!

Мама сегодня утром опять читала противную нотацию. Наши мнения прямо противоположны. Папа — милашка, хотя он может иногда минут пять на меня злиться.

Погода теплая, и вопреки всему мы извлекаем из этого как можно больше пользы, лежа на чердаке на раскладушке.

Твоя Анна

21 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Менеер Ван Даан в последнее время подлизывается ко мне, а я никак не реагирую.

СРЕДА, 2 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Менеер и меффрау Ван Даан страшно поссорились. Такого я еще в жизни не видела, потому что папа с мамой ни за что на свете не стали бы так орать друг на друга. Повод настолько пустячный, что о нем и говорить не стоило. Впрочем, каждый на свой лад!

Конечно, это ужасно неприятно для Петера, он же находится сейчас между двух огней, но Петера уже никто не принимает всерьез, потому что он невероятный неженка и лентяй. Вчера он страшно заволновался оттого, что у него язык стал синего цвета вместо красного. Однако это редкое явление исчезло так же быстро, как и возникло. Сегодня он обмотал шею толстым шарфом, так как она одеревенела, а еще менеер жалуется на прострел в спине. Боли между легкими, сердцем и почками ему тоже не чужды. Типичный ипохондрик! (Кажется, это так называется?)

Мама и меффрау Ван Даан не очень ладят друг с другом. Поводов для недовольства достаточно. В качестве небольшого примера хочу рассказать тебе, что меффрау Ван Даан забрала из общего бельевого шкафа все свои простыни и оставила только три. Она, конечно, считает, что маминым бельем могут пользоваться все. Ей, наверно, очень не понравится, когда она увидит, что мама последовала ее хорошему примеру.

А еще меффрау ужасно бесит, что пользуются ее сервизом, а не нашим. Все время пытается узнать, где мы припрятали наши тарелки, и не подозревает, что сидит в двух шагах от них! Ведь мы спрятали их на чердаке, в картонных коробках, за кучей реклам «Опекты». Пока мы прячемся, они в неприступном месте. Тем лучше! Мне все время не везет. Вчера я вдребезги разбила суповую тарелку из сервиза меффрау.

Меффрау сердито закричала: «Ой, будь же осторожнее! Это единственное, что у меня осталось!»

Пожалуйста, имей в виду, Китти, что эти две дамы говорят у нас по-голландски безобразно (о господах я не смею ничего сказать, их бы это ужасно обидело). Если б ты только услышала эту тарбарщину, ты бы расхохоталась. Мы уже не обращаем внимания, поправлять все равно не имеет смысла. Я не буду, когда я пишу о

маме и мефрау Ван Даан, передавать их оригинальный говор, а буду писать на нормальном голландском.

На прошлой неделе произошло небольшое нарушение нашей монотонной жизни, повод к тому — книга про женщин и Петер. Должна тебе сказать, что Марго и Петеру разрешают читать почти все книги, которые нам приносит менеер Клейман, но эту особую книгу о женском вопросе взрослые все же решили придержать в своих руках. Это сразу разожгло у Петера любопытство. О чем таком запрещенном написано в этой книге? Он тайком вытащил ее у матери, пока та болтала внизу, и скрылся с добычей на чердаке. Два дня все шло гладко. Мефрау Ван Даан давно знала, чем он занимается, однако не выдавала его, пока менеер Ван Даан не попал на след. Он рассердился, отнял у Петера книгу и решил, что на этом дело кончено. Но он не представлял себе, насколько разгорелось любопытство у его сына, который ничуть не растерялся после решительного поступка папашки. Он стал придумывать, как бы дочитать эту более чем интересную книгу.

Тем временем мефрау посоветовалась с мамой, какого та мнения. Мама сказала, что и для Марго эта книга не подходит, хотя во многих других книгах она не видит зла. «Между Марго и Петером большая разница, мефрау Ван Даан, — сказала ей мама. — Во-первых, Марго девочка, а девочки взрослеют раньше мальчиков, во-вторых, Марго прочитала больше серьезных книг и она не выискивает вещи, которые ей уже не запрещены, и, в-третьих, Марго гораздо развитее и умнее, и это естественно после четырех лет лица».

Мефрау Ван Даан согласилась, но все же считала, что в принципе не стоит давать молодежи книги, предназначенные для взрослых.

Между тем Петер улучил момент, когда никто не обращал внимания ни на него, ни на книгу. Вечером, в половине восьмого, когда все семейство слушало радио в кабинете директора, он снова забрался со своим сокровищем на чердак. В половине девятого он должен был опять сойти вниз, но книга была такой захватывающей, что он, забыв о времени, спустился с чердачной лестницы как раз в тот момент, когда его отец входил в комнату. Понятно, что тут последовало; стук, удар, рывок, и вот книжка на столе, а Петер снова на чердаке.

Так обстояли дела, когда супруги пришли ужинать. Петер остался наверху, никто о нем не вспоминал, его оставили без ужина. Мы продолжали есть, весело болтая, когда вдруг до нас донесся пронзительный свист. Все положили вилки и, побледнев, в ужасе уставились друг на друга.

Тут мы услышали голос Петера, кричащего через печную трубу: «Не воображайте, что я спущусь!»

Менеер Ван Даан вскочил, уронил на пол салфетку и, покраснев как рак, закричал: «Нет, это уж слишком!» Папа схватил его за руку, боясь, как бы он не наделал беды, и они вместе поднялись наверх. Петер долго сопротивлялся, отбиваясь руками и ногами, после чего его препроводили в его комнату, закрыли дверь и мы продолжали есть.

Мефрау Ван Даан хотела отложить для сыночка бутерброд, но менеер был неумолим. «Если он сейчас же не попросит прощения, пусть спит на чердаке».

Мы протестовали, считая, что остаться без ужина — достаточное наказание. Если Петер простудится, то нельзя даже позвать врача.

Петер не попросил прощения, он снова сидел на чердаке. Менеер Ван Даан больше не вмешивался, но на следующее утро увидел, что постель Петера смята. В семь часов он опять забрался на чердак и только после дружеских уговоров папы согласился сойти вниз. Три дня все ходили хмурые, упрямо молчали, а потом все пошло по-старому.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня расскажу тебе про будничные новости в нашем Убежище. Над моим диваном повесили лампочку, так что в случае стрельбы я могу дергать за веревочку. Однако пока этого делать нельзя, так как наше окно днем и ночью приоткрыто.

Мужская половина Ван Даанов соорудила очень удобный продуктовый шкаф, его проморили и натянули настоящие сетки от мух. Эта шикарная вещь стояла сначала в комнате Петера, но была перемещена на чердак, так как там прохладнее. Вместо нее здесь теперь полка. Я ему посоветовала перенести туда стол, с симпатичной скатертью, а там, где теперь стол, повесить на стену шкафчик. Тогда может получиться вполне уютный уголок, хотя я там не очень-то хотела бы спать.

Мефрау Ван Даан невыносима. Я получаю от верхних постоянные выговоры за мою вечную болтовню. А я не обращаю внимания! У мадам новая причуда. Вдруг ей взбрело в голову не мыть кастрюли. Если осталась хоть какая-нибудь еда, то она не складывает ее на стеклянное блюдо, а оставляет портиться в кастрюле. А

когда потом днем для Марго остается много кастрюль, то мадам говорит: «Ох, Марготь, Марготь, у тебя дел по горло!»

Менеер Клейман приносит мне каждую неделю какие-нибудь книги для девочек. Я в восторге от серии о Йоопе тер Хейле. Мне очень по душе все, что пишет Сисси ван Марксвелдт. «Веселое лето» я прочла уже четыре раза и в смешных местах все равно хохочу.

Мы с папой составляем теперь родословную его семьи, и он мне рассказывает что-нибудь обо всех.

Мы начали заниматься. Я усердно занимаюсь французским и каждый день вызубриваю пять неправильных глаголов. Но я ужасно много забыла из того, что учила в школе.

Петер пыхтит над своими английскими уроками. Мы только что получили некоторые учебники; запас тетрадей, карандашей, наклеек и резинок я принесла с собой из дому в большом количестве. Пим (это папино ласкательное прозвище) хочет брать уроки голландского. Я, конечно, согласилась на это, как вознаграждение за его помощь по-французскому и по другим предметам. Но ляпсусы, которые он делает, просто невероятны!

Иногда слушаю передачи «Оранже», только что выступал принц Бернард. В январе у них родится ребенок, сказал он. Я очень рада, а у нас здесь все удивляются, почему я такая поклонница «Оранже».

Несколько дней назад мы вечером говорили о том, что я все-таки еще очень глупая, и в результате я засела за зубрежку, мне абсолютно не хочется в четырнадцать или в пятнадцать лет быть первоклассницей. Потом зашел разговор о том, что мне почти ничего не разрешают читать. Мама читает сейчас «Господа, дамы, слуги», мне это, конечно, запрещено (а Марго можно!), сначала надо стать чуть более образованной, как моя талантливая сестрица. Потом мы говорили и о моем невежестве в области философии, психологии и физиологии (я сразу же посмотрела в словарь, как писать эти трудные слова!), тут я и в самом деле ничего не знаю. Может быть, к будущему году стану поумнее!

С ужасом я обнаружила, что у меня на зиму только одно платье с длинными рукавами и три шерстяные кофточки. Папа позволил мне связать себе пуловер из белой овечьей шерсти. Шерсть, правда, не очень красивая, но зато очень теплая. Мы спрятали еще кое-какую одежду у других людей, но достать ее можно будет, к сожалению, только после войны, если что-нибудь уцелеет.

Как раз когда я тебе что-то писала про меффрау Ван Даан, она вошла в комнату, я тут же захлопнула тетрадь.

— Эй, Анна, можно мне взглянуть?

— Нет, меффрау.

— Ну, только последнюю страничку.

— Нет, и последнюю нельзя.

Я перепугалась, конечно, до смерти, ведь именно на этой странице я писала про нее не особенно лестные слова.

Каждый день что-нибудь случается, но я слишком ленива и устала, чтобы все описывать.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 25 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

У папы есть старый знакомый, менеер Дреер, мужчина лет семидесяти пяти, ужасно тугой на ухо, больной и бедный, и тянет на себе, в качестве тягостного приложения, женщину на двадцать семь лет его моложе, тоже бедную, ее руки и ноги обвешаны настоящими и поддельными браслетами и кольцами, которые остались еще со старых золотых времен. Этот менеер Дреер уже доставил папе много хлопот, и я всегда восхищалась ангельским терпением, с каким папа выслушивал по телефону этого жалкого человечка. Мама всегда советовала папе, пока мы еще были дома, поставить около телефона граммофон, такой, который через каждые три минуты говорил бы «да, менеер Дреер» и «нет, менеер Дреер», так как старик все равно не мог расслышать папины обстоятельные ответы.

Сегодня менеер Дреер позвонил в контору и спросил менеера Кюглера, не может ли тот зайти на минутку. Менеер Кюглер идти не хотел и решил послать Мип. Мип позвонила и сказала, что не сможет. Меффрау Дреер звонила потом три раза, но так как Мип целый день якобы отсутствовала, то ей приходилось поддельвать по телефону голос Беп. Внизу (в конторе), а также наверху стоял жуткий хохот, и теперь каждый раз, как звонит телефон, Беп говорит: «Это меффрау Дреер!» Из-за чего Мип уже заранее начинает смеяться и разговаривает по телефону с людьми, очень невежливо хихикая. Да-да, это что-то особенное, такой потрясающей фирмы, как наша, где так веселятся директора вместе с секретаршами, не сыщешь во всем белом свете!

Вечерами я иногда хожу к Ван Даанам, немного поболтать. Тогда мы едим «нафталиновые» печенья с патокой (коробка с печеньем стояла в платяном шкафу, который пересыпан нафталином от моли) и веселимся. Недавно разговор зашел о Петере. Я рассказала, что Петер часто гладит меня по щеке и что я этого не люблю. Они спросили меня, типично по-родительски, не могу ли я полю-

бить Петера, потому что он наверняка меня очень любит. Я подумала: «Ой-ой-ой!» — и сказала: «О нет!» Представляешь? Потом я сказала, что Петер ведет себя немного неловко и что я думала, он стесняется. Так бывает со всеми мальчиками, которые пока нечасто встречались с девочками.

Я должна сказать, что «подпольный комитет» Заднего Дома (отделение господ) оказался весьма изобретательным. Послушай, что они теперь придумали, чтобы менеер Брокс, торговый агент фирмы «Опекта», наш знакомый и тайный хранитель нашего имущества, получил от нас весточку! Они напечатают письмо лавочнику, косвенному клиенту «Опекты» в Зеус-Вландерен, с тем чтобы он заполнил вложенную записку в качестве ответа и, вложив ее в прилагаемый конверт, выслал обратно. На этом конверте папа напишет адрес. Когда этот конверт из Зеус-Вландерен вернется, вложенная записка будет вынута и папа напишет другую собственной рукой, давая тем о себе знать, и вложит в конверт. Таким образом Брокс сможет прочитать это, не подозревая, где мы. Они выбрали именно Зеус-Вландерен, потому что эта область находится близко от Бельгии и, значит, письмо могло быть нелегально переправлено через границу и потому что туда никого не пускают без специального разрешения. Простой торговый агент вроде Брокса такое разрешение вряд ли получит.

Папа вчера опять разыграл комедию. Его мутило от усталости, и он свалился в кровать. Так как у него мерзли ноги, то я надела ему мои спальные тапочки. Через пять минут они уже валялись около его кровати. Потом ему стал мешать свет, и он забрался с головой под одеяла. Когда свет был выключен, он очень осторожно вылез из-под одеял. Это было ужасно комично. Потом разговор зашел о том, что Петер называет Марго «тетей». Вдруг из глубины раздался папин голос: «Здравствуйте, я ваша тетя».

Кошка Муши становится все более милой и ласковой со мной, но я все еще побаиваюсь ее.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня у нас с мамой была так называемая «дискуссия», но самое неприятное то, что я сразу пускаюсь в слезы, я ничего не могу с собой поделать. Папа всегда мил со мной, и он понимает меня намного лучше. Ах, в такие минуты я маму снова терпеть не могу, и

я ей тоже чужая, это очевидно, она даже не имеет понятия, что я думаю о самых простых вещах.

Речь зашла о прислуге, о том, что надо бы называть ее «помощницей по хозяйству» и что это именно так и будет называться после войны. Я была не совсем согласна, и тогда она сказала, что я, мол, слишком часто говорю о том, что будет после, и что я при этом представляю себя взрослой дамой. Но это вовсе не так, почему же мне нельзя иногда строить воздушные замки, ведь ничего в этом страшного нет, зачем же это так серьезно воспринимать! По крайней мере, хоть папочка меня защищает, без него я бы здесь почти наверняка не выдержала.

С Марго у меня тоже отношения не ахти. Хотя в нашей семье никогда не бывает таких скандалов, как наверху, все-таки мне обстановка далеко не всегда приятна. У меня совершенно другой характер, чем у мамы и Марго. Я понимаю своих подруг лучше, чем собственную мать. Как жаль!

Мефрау Ван Даан уже в который раз не в духе, она ужасно капризна и прячет все больше личных вещей. Жаль, что мама не отвечает на каждую «ван-даановскую» пропажу «франковской» пропажей.

Очевидно, некоторым людям доставляет особенное удовольствие воспитывать не только своих детей, но и детей своих знакомых, Ван Дааны именно такие. Марго воспитывать нечего: она от природы сама доброта, ум, сердечность, но ее недостающую долю пороков с избытком восполняю я. Сколько раз во время еды случается перебранка. Папа и мама всегда пылко меня защищают, без них я не смогла бы хладнокровно опять и опять вступать в борьбу. Хотя они меня снова и снова предупреждают, что я должна меньше говорить, ни во что не вмешиваться и вести себя скромнее, чаще всего мне это не удается. Не будь папа каждый раз так терпелив, я бы уже давно потеряла надежду, что хоть когда-нибудь смогу достаточно соответствовать родительским требованиям, хотя они вовсе не такие уж высокие.

Если я беру мало овощей, которых терпеть не могу, а вместо них ем картошку, Ван Дааны, особенно мефрау, не могут не возмутиться моей «избалованностью».

— Давай, Анна, возьми-ка еще немного овощей, — следует тут же.

— Нет, спасибо, мефрау, — отвечаю я, — мне достаточно картошки.

— Овощи очень полезны, твоя мама сама так говорит, возьми еще, — настаивает она, пока не вмешается папа и не поддержит мой отказ.

Тогда мефрау рывкает:

— Вам следовало бы побывать у нас дома, там, по крайней мере, детей воспитывали. Что это за воспитание! Вы вконец избаловали Анну, я бы никогда такое не одобрила. Если бы Анна была моей дочерью...

Этим всегда начинается и заканчивается ее тирада слов. «Если бы Анна была моей дочерью». Ну, к счастью, я ей не дочь.

Но чтобы вернуться к нашей теме о воспитании: вчера, после последних многозначительных слов мефрау, наступила тишина. Потом папа ответил:

— Я считаю, что Анна очень хорошо воспитана, по крайней мере она уже так многому научилась, что больше не отвечает на ваши долгие проповеди. А что касается овощей, то тут я ничего другого не могу сказать, как только: «Vice versa! *»

Мефрау была побита, и к тому же основательно. Это «vice versa» было, конечно, прямым попаданием в мадам, потому что она по вечерам не может выносить ни бобовых, ни любых видов капусты, ведь от них она «пускает ветры». Впрочем, и я тоже. Ах, какая же она идиотка. Пусть, по крайней мере, в отношении меня придержит язык.

Ужасно забавно видеть, как мефрау Ван Даан легко краснеет. А я-то нет, и от этого она страшно злится в душе.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мое вчерашнее письмо было далеко не закончено, когда мне пришлось оторваться. Я не могу отказать себе в удовольствии рассказать тебе еще об одном разногласии, но, прежде чем я к этому приступлю, вот еще что: мне так странно, что взрослые ссорятся так быстро, так часто и по поводу всевозможных мелочей. До сих пор я всегда думала, что спорить — детская привычка, которая позже проходит. Конечно, иногда может быть причина для «настоящей» ссоры. Но эта вечная перебранка тут у нас — не что иное, как дразги. Поскольку эти дразги стали обычным делом, я должна была бы в общем-то к ним привыкнуть. Однако это не так, и, наверное, так и не будет, пока почти в каждой «дискуссии» (это слово употребляют тут вместо «ссоры», конечно, совершенно ошибочно, но немцы не придумали ничего лучшего!) речь заходит обо мне. Ни-

* Наоборот (*лат.*). Здесь в смысле: «На воре шапка горит».

чего, ну просто ничего не находят они во мне хорошего: мое поведение, характер, манеры — они оговаривают и обсуждают меня по частям, с ног до головы и с головы до ног, и то, к чему я совершенно не привыкла, это грубые слова и крик по моему адресу, которые мне надо мужественно глотать, по мнению облеченной полномочиями стороны. Это не в моих силах! Я не намерена допускать все эти оскорбления, я им еще покажу, что Анна Франк не вчера родилась, они еще раскроют глаза и тут же заткнут пасть, когда я им покажу, что им бы следовало начать не с моего, а прежде всего с собственного воспитания. Что за манера вести себя! Просто варварство. До сих пор меня каждый раз снова и снова поражает такая невоспитанность и прежде всего... глупость (мефрау Ван Даан). Но как только я к этому привыкну, а это уже скоро произойдет, я им выскажу все начистоту, тогда они по-другому заговорят! Разве я и на самом деле такая невоспитанная, норовистая, упрямая, нескромная, глупая, ленивая и т. д. и т. п., как утверждают верхние? Ах нет, конечно, я знаю, у меня много ошибок и недостатков, но они их просто невероятно преувеличивают! Если бы ты только знала, Китти, как я порой киплю от этой ругани и издевательств. Уж точно не долго еще осталось ждать, когда мой накопленный гнев выплеснется наружу.

Но теперь хватит об этом, я тебе уже давно надоела со своими ссорами, но все же я не могу так оставить, я дам тебе проследить особо интересную дискуссию за столом. Речь тем или иным образом зашла об исключительной скромности Пима. Его скромность — факт неоспоримый, даже самые большие идиоты не стали бы подвергать ее сомнению. Вдруг мефрау Ван Даан сказала, так как она непременно должна перевести любой разговор на себя:

— Я тоже очень скромная, гораздо скромнее, чем мой муж!

Представляешь? Ведь уже эта фраза ясно показывает ее скромность!

Менеер Ван Даан, который считал нужным поподробнее объяснить это «чем мой муж», ответил очень хладнокровно:

— Я и не хочу быть скромным. Опыт моей жизни показывает, что нескромные люди достигают гораздо большего, чем скромные. — И затем, обращаясь ко мне: — Лучше не будь скромницей, Анна, этим уж точно многого не добьешься.

С этой точкой зрения мама была совершенно согласна. Но мефрау Ван Даан, как обычно, должна была вставить свое словечко на воспитательную тему. Но на этот раз она обратилась не прямо ко мне, а к моим родителям:

— Надо иметь своеобразный взгляд на жизнь, чтобы подобное говорить Анне. Во времена моей юности было по-другому, хотя что

там говорить, несомненно, это еще и сейчас по-другому, кроме как в вашем современном семействе!

Это последнее относилось к тому, что мама неоднократно защищала современное воспитание. Мефрау Ван Даан была красная как рак от возбуждения. У людей, которые краснеют, поднимается температура, а от этого они еще больше взвинчиваются и быстрее проигрывают противнику.

Некраснеющая мама хотела на этом всю эту историю поскорее закончить и, не долго думая, ответила:

— Мефрау Ван Даан, я тоже, честно говоря, считаю, что куда лучше быть чуть менее скромным в жизни. Мой муж, Марго и Петер — все трое скромны сверх обычного. Нельзя сказать, что ваш муж, Анна, вы и я — нескромные, но мы не так легко дадим себя в обиду.

Мефрау Ван Даан: Но как же, мефрау, я вас не понимаю! Я на самом деле необыкновенно скромна. Как вам пришло в голову назвать меня нескромной?

Мама: Вы ни в коем случае не нескромная, но никто не почитал бы вас особой скромницей.

Мефрау: Я бы очень хотела узнать, в чем моя нескромность! Если бы я тут сама о себе не заботилась — уж никто другой этого точно не сделает, — то я должна была бы умереть с голоду, но это еще не значит, что я не такая же скромная, как ваш муж.

Мама, понятно, рассмеялась, слыша эти смехотворные оправдания. Мефрау Ван Даан пришла в раздражение и дополнила свой изящный рассказ длинной серией прекрасных немецко-голландских и голландско-немецких выражений: прирожденная ораторша так запуталась в собственных словах, что в конце концов поднялась со стула, чтобы выйти из комнаты, но тут ее взгляд упал на меня. Если б ты только это видела! К несчастью, именно в то мгновение, когда мефрау повернулась к нам спиной, я сочувственно и иронически покачала головой, не нарочно, а совсем нечаянно, так напряженно я следила за всем потоком речи. Мефрау вернулась и начала браниться громко, по-немецки, язвительно и некультурно, точь-в-точь как толстая, красная базарная баба. Просто заглядение. Если бы я умела рисовать, я бы лучше всего изобразила ее именно в этой позе, так смешна была эта маленькая, дурная глупая женщина! Но я знаю теперь одну вещь, и это вот что: только тогда хорошо узнаешь человека, когда один раз с ним поссоришься по-настоящему. Тогда лишь сможешь судить о его характере!

Твоя Анна

Милая Китти!

Скрываясь, переживаешь странные вещи! Представь себе, из-за того, что у нас нет ванны, мы моемся в тазике, и так как горячая вода есть только в конторе (я всегда так называю весь нижний этаж), то мы, все семеро, ходим туда по очереди пользоваться этим большим достоянием. Но так как мы все семеро еще и такие разные и проблема стеснительности для некоторых стоит выше, чем для других, то каждый член семейства нашел себе особое место для купания. Петер принимает ванну в кухне, хотя там стеклянная дверь. Если он собирается принять ванну, то посещает нас всех по очереди и сообщает, что ближайшие полчаса мы не должны ходить мимо кухни. Этой меры, по его мнению, достаточно. Менеер же моется наверху. Безопасность в своей собственной комнате возмещает ему труд тащить горячую воду по всем лестницам. Мефрау пока вообще обходится без ванны, она выжидает, какое место окажется самым лучшим. Папа моется в кабинете директора, мама на кухне, за печной перегородкой. Марго и я предпочли плескаться в передней конторе. По субботам днем там закрывают занавески, и тогда мы совершаем омовение в темноте, а пока та, которая ждет своей очереди, смотрит сквозь щелку в занавеске на улицу и изумляется смешным людям.

С прошлой недели мне эта «ванная» перестала нравиться, и я начала искать более комфортабельную обстановку. Именно Петер подсказал мне идею — ставить мой тазик в просторной уборной в конторе. Там я могу садиться, включать свет, закрыть дверь на крючок, сама выливать воду без чьей-либо помощи и быть в безопасности от нескромных взглядов. В воскресенье я впервые пользовалась моей прекрасной ванной, и, как ни странно, мне это нравится больше, чем какое-либо другое место.

В среду внизу был водопроводчик, чтобы переложить в коридоре водопроводные и канализационные трубы от уборной в конторе. Это для того, чтобы трубы не замерзли, если будет холодная зима. Посещение водопроводчика было для всех крайне неприятным. Нам нельзя было не только в течение дня включать воду, но и пользоваться уборной. Конечно, очень неприлично рассказывать тебе о том, что же мы только не делали, чтоб справиться с этой бедой. Я не такая чопорная, чтобы не говорить о подобных вещах. Мы с папой с начала нашего заточения обзавелись импровизированным горшком, то есть за отсутствием ночной вазы пожертвовали для этой цели стеклянную банку. Такие банки мы во время посещения водопроводчика поставили в комнату, и там днем хранились

наши испражнения. Это было еще далеко не так ужасно по сравнению с тем, что целый день мне надо было сидеть тихо и не разговаривать. Ты себе не можешь представить, с каким трудом это удалось юффрау Кря-Кря. Мы уже и так, в обычные дни, вынуждены шептаться; а вовсе не разговаривать и не двигаться — еще в десять раз ужаснее.

После того как я три дня подряд сидела, прилипнув одним местом, моя попка стала совершенно жесткой и болела. Вечерняя зарядка помогла.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 1 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Вчера я страшно перепугалась. Вдруг в восемь часов раздался очень резкий звонок. Я думала, не иначе как кто-то пришел, ты сама понимаешь кто. Но когда они все стали уверять меня, что это наверняка или мальчишки шалят, или почта, я немного успокоилась.

Дни здесь становятся ужасно тихие. Левинсон, маленький еврей-аптекарь и химик, работает на кухне для менеера Кюглера. Он очень хорошо знает весь дом, и поэтому мы постоянно боимся, что ему придет в голову пойти взглянуть на бывшую лабораторию. Мы ведем себя тихо, как новорожденные мышата. Кто бы мог предположить три месяца назад, что Анна, подвижная, как ртуть, час за часом должна будет и сможет так тихо сидеть? 29-го был день рождения меффрау Ван Даан. Хотя это не отмечалось широко, все же ее почтили цветами, подарочками и вкусной едой. Похоже, что красные гвоздики от ее господина супруга — семейная традиция.

Чтобы еще остановиться на меффрау Ван Даан, могу тебе сказать, что меня страшно раздражают ее вечные попытки флиртовать с папой. Она гладит его по щеке и по волосам, задирает очень высоко свою юбочку, пытается острить и таким образом привлечь к себе внимание Пима. К счастью, Пим считает ее некрасивой и неинтересной и не обращает внимания на ее флирт. Я, как ты знаешь, довольно ревнива, так что я этого не выношу. Мама ведь такого тоже не проделывает с менеером. Я ей это прямо в лицо заявила.

Петеру иногда приходят в голову забавные идеи. Одно пристрастие, которое служит нам поводом для веселья, у нас с ним общее, это переодевание. Он надел ужасно узкое платье своей матери, я — его костюм, и так мы появились: на нем шляпа, на мне кепка. Взрослые валялись от смеха, и мы веселились не меньше.

Беп купила мне и Марго в «Бейенкорфе» новые юбки. Гадкая ткань, как джут, из которого делают мешки для картофеля. Такая штука, которую раньше магазины не посмели бы продавать, теперь стоит — одна 7,75 гульденов, а другая 24 гульдена. Еще что-то интересное в качестве сюрприза! Беп заказала в какой-то организации письменные курсы стенографии для меня, Марго и Петера. Вот увидишь, какими первоклассными стенографистами мы будем в следующем году. В любом случае я считаю, что это безумно важно — выучить по-настоящему такую тайнопись.

У меня страшная боль в указательном пальце (на левой руке), и теперь я не могу гладить, к счастью!

Менеер Ван Даан хотел, чтобы я лучше пересела за столом к нему, так как Марго, по его мнению, ест последнее время недостаточно. А мне такая перемена тоже вполне нравится. В саду теперь всегда бродит такой маленький черный котенок, который снова напоминает мне о моей Моортье... о моя родная! Мама беспрестанно делает какие-нибудь замечания, особенно за столом, поэтому перемена мест радует. Теперь Марго страдает от этого или, лучше сказать, не страдает, потому что к ней у мамы не такие колкие придирки. Этот примерный ребенок! «Примерным ребенком» я теперь ее дразню все время, чего она не выносит. Может быть, она от этого отучится, пора бы уж.

В завершение всякой всячицы — особо остроумная шутка менеера Ван Даана.

«Кто говорит 39 раз «клик» и 1 раз «клак»?

Сороконожка с одним протезом».

Пока, твоя Анна

СУББОТА, 3 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Вчера меня ужасно дразнили, потому что я лежала с менеером Ван Дааном на кровати. «Уже в таком возрасте, позор!» и так далее в подобных выражениях. Пóшло, конечно. Я бы никогда не согласилась спать с менеером Ван Дааном, в привычном значении этого слова, конечно. Вчера снова была стычка, и мама безумно вышла из себя, она поведала папочке обо всех моих грехах и начала ужасно плакать, я, конечно, тоже, а у меня уже и до этого ужасно болела голова. Наконец-то я рассказала папочке, что я гораздо больше люблю его, чем маму. На что он ответил, что это со временем пройдет, но я этому не верю. Ведь маму я не выношу, и я должна себя силой заставлять не грубить ей постоянно и оставаться спокойной.

Я могла бы ударить ее прямо в лицо, я не знаю, откуда это, почему она вызывает у меня такую страшную антипатию. Папа сказал, что если мама плохо себя чувствует или у нее болит голова, то я сама разок должна предложить что-нибудь для нее сделать, но я этого не делаю, ведь я ее не люблю, а потому и не хочу этого делать. Я вполне могу себе представить, что однажды мама умрет, но то, что папа однажды умрет, мне кажется, я не переживу. Это, конечно, ужасно подло с моей стороны, но я так чувствую. Я надеюсь, что мама никогда не прочтает этого, да и все остальное тоже.

В последнее время мне разрешают читать немного более взрослые книги. Сейчас я читаю «Детство Евы» Нико ван Схютелен. Я не вижу особо большой разницы между детской книгой и этой. Ева думала, что дети, как яблоки, растут на деревьях и что аист их срывает с дерева, когда они созреют, и приносит их матерям. Но кошка ее подруги окотилась, и котята появились из кошки. Тут она подумала, что кошка, прямо как курица, откладывает яйца, высиживает их, а матери, у которых появляются дети, тоже за пару дней до этого поднимаются наверх, чтоб отложить яйцо и потом его высиживать. Когда ребеночек появляется, матери чувствуют еще немного слабость от долгого сидения на корточках. Теперь Еве тоже захотелось иметь ребеночка. Она взяла шерстяной шарф и положила его на пол, чтобы яйцо выпало на него. Потом она села на корточки и начала тужиться. При этом она закудахтала, но яйцо не появилось. В конце концов, после очень долгого сидения, что-то выскочило, но не яйцо, а колбаска. Еве было так стыдно. Она думала, что заболела. Смешно, а? В «Детстве Евы» говорится также о том, как женщины на улице продают свое тело и спрашивают за это кучу денег. Я бы со стыда сторела перед таким мужчиной. Далее там еще говорится, что у Евы начались месячные. О, этого я так жажду, тогда я, по крайней мере, стану взрослой.

Папа снова ворчит и грозит, что отберет мой дневник, о непреодолимый ужас! В дальнейшем я его лучше припрячу.

Анна Франк

СРЕДА, 7 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Теперь я представляю себе, что... я еду в Швейцарию. Мы с папой спим в одной комнате, в то время как кабинет мальчиков* стал моей комнаткой, где я сижу и принимаю моих гостей. Вот мне купили в качестве сюрприза новый мебельный гарнитур с чайным столом,

* Здесь подразумеваются двоюродные братья — Бернارد и Стефан.

письменным столом, креслами и диваном, просто замечательно. Через пару дней папа дает мне 150 гульденов, в другой валюте, конечно, но я все же буду говорить «гульден», и он говорит, что я могу купить на них все, исключительно для себя самой, что я считаю необходимым. (Позже я буду получать каждую неделю по гульдену. На него я тоже смогу покупать, что сама пожелаю.) Мы с Бернардом идем по магазинам, и я покупаю:

3 летние рубашки по $0,50 = 1,50$.

3 пары летних брюк по $0,50 = 1,50$.

3 зимние рубашки по $0,75 = 2,25$.

3 пары зимних брюк по $0,75 = 2,25$.

2 нижние юбки по $0,50 = 1,00$.

2 бюстгалтера (самого маленького размера) по $0,50 = 1,00$.

5 пижам по $1,00 = 5,00$.

1 летний халат по $2,50 = 2,50$.

1 зимний халат по $3,00 = 3,00$.

2 ночные куртки по $0,75 = 1,50$.

1 маленькая подушечка по $1,00 = 1,00$.

1 пара летних тапочек по $1,00 = 1,00$.

1 пара зимних тапочек по $1,50 = 1,50$.

1 пара летних ботинок (школьных) по $1,50 = 1,50$.

1 пара летних ботинок (выходных) по $2,00 = 2,00$.

1 пара зимних ботинок (школьных) по $2,50 = 2,50$.

1 пара зимних ботинок (выходных) по $3,00 = 3,00$.

2 фартука по $0,50 = 1,00$.

25 носовых платков по $0,05 = 1,25$.

4 пары шелковых чулок по $0,75 = 3,00$.

4 пары гольфов по $0,50 = 2,00$.

4 пары носков по $0,25 = 1,00$.

2 пары толстых чулок по $1,00 = 2,00$.

3 клубка белой шерсти (на брюки, шапку) = $1,50$.

3 клубка синей шерсти (свитер, юбка) = $1,50$.

3 клубка цветной шерсти (шапка, шарф) = $1,50$,

шарфы, пояса, воротнички, пуговицы = $1,25$.

Еще также 2 школьных платья (летних), 2 школьных платья (зимних), 2 выходных платья (летних), 2 выходных платья (зимних), 1 летнюю юбку, 1 выходную зимнюю юбку, 1 школьную зимнюю юбку, 1 дождевик, 1 летнее пальто, 1 зимнее пальто, 2 шляпы, 2 шапки.

Все вместе 108 гульденов.

2 сумки, 1 платье для катания на коньках, 1 пару коньков с ботинками, 1 шкатулку (с пудрой, вазелином, жидкой пудрой, кремом для очистки лица, маслом от загара, ватками, аптечкой, румя-

нами, губной помадой, карандашом для бровей, ароматическими солями, ароматической пудрой, одеколоном, мылом, пуховкой).

Потом еще 4 свитерочка по 1,50; 4 блузки по 1,00; разные вещички на 10,00; книги и подарочки на 4,50.

ПЯТНИЦА, 9 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня ничего, кроме страшных и угнетающих вестей, сообщить не могу. Многих наших знакомых евреев хватают группами. Гестапо обходится с ними отнюдь не мягко, их просто отвозят в вагонах для скота в Вестерборк, большой лагерь для евреев в Дренте. Мип рассказала о ком-то, кто сбежал из Вестерборка. Вестерборк, должно быть, ужасен. Есть людям почти не дают, а пить и подавно. Только один час в день есть вода, один туалет и один умывальник на несколько тысяч человек. Спят они все вповалку, мужчины и женщины. Женщинам и детям часто бреют головы. Сбежать почти невозможно. Люди заклеены бритыми головами, а многие и еврейской внешностью.

Если уж в Голландии так ужасно, каково же им будет в далеких и варварских краях, куда их ссылают? Мы предполагаем, что большинство убивают. Английское радио говорит об отравлении газом, может быть, это самый быстрый способ умерщвления.

Я совершенно растеряна. Мип рассказывает все эти жуткие случаи так захватывающе, и она сама тоже в страшном волнении. Недавно, например, одна старая, парализованная еврейка сидела у ее двери и должна была ждать гестаповцев, которые поехали за машиной, чтобы ее увезти. Бедная старушка была так напугана громкой стрельбой по пролетающим английским самолетам и пронзительными вспышками прожекторов. Все же Мип не посмела впустить ее в дом, этого никто бы не сделал. Господа немцы не скупятся на наказания.

Беп тоже притихла. Ее друг должен отправиться в Германию. Она каждый раз боится, что самолеты, которые пролетают над нашими домами, сбросят бомбы, которые зачастую весят не меньше миллиона кило, на голову Бертусу. Шутки вроде «Весь миллион на него не свалится!» или «Одной бомбы тоже хватит!» мне кажутся здесь не очень к месту. Бертус, безусловно, не единственный, кого отправляют, каждый день переполненные поезда увозят молодых людей. По пути, если поезд останавливается на какой-нибудь маленькой станции, они иногда тайком выбирают из вагона и пытаются спрятаться. Может быть, очень немногим это и удастся.

Моя жалобная песня еще не кончена. Ты слышала когда-нибудь о заложниках? Они это применяют теперь в качестве нового наказания для тех, кто борется против немцев. Это самое жуткое, что ты можешь себе представить. Ни в чем не повинных уважаемых граждан сажают в тюрьму, чтобы они там ждали своей смерти. Если случается саботаж и виновного не находят, то гестапо просто-напросто ставит к стенке человек пять заложников. Часто сообщения о смерти этих людей печатают в газете. «Роковой несчастный случай» — так именуют это преступление.

Прекрасный народ эти немцы, и, по сути дела, я тоже принадлежу к этому народу! Но нет, Гитлер нас уже давно лишил гражданства. И кстати, в мире нет большей вражды, чем между немцами и евреями.

Твоя Анна

СРЕДА, 14 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

У меня страшно много дел. Вчера я сначала перевела главу из «*La belle Nivernaise*» * и выписала слова. Потом решила гадкую задачу, а потом перевела еще три страницы из французской грамматики. Сегодня французская грамматика и история. Я даже и не думаю каждый день решать эти гадкие задачи. Папа их тоже терпеть не может, у меня получается чуть ли не лучше, чем у него. Но на самом деле у нас у обоих не выходит, так что мы каждый раз должны призывать Марго. Я так много занимаюсь стенографией, мне это ужасно нравится. Я лучшая из нас троих.

Я прочитала «*Стормерс*». Это здорово, но далеко не дотягивает до «*Йооп тер Хейл*». Кстати, большей частью встречаются те же слова, но это естественно у той же писательницы. Сисси ван Марксфельдт пишет потрясающе. Я уж точно дам ее почитать и моим детям.

Кроме того, я прочла множество пьесок Кёрнера. Мне нравится, как он пишет. Например, «Хедвиг», «Кузен из Бремена», «Гувернантка», «Зеленое домино» и другие. Мама, Марго и я снова лучшие друзья, так все же намного приятнее. Вчера вечером мы с Марго вместе лежали в моей постели, было безумно тесно, но именно поэтому забавно. Она спросила, нельзя ли ей почитать мой дневник.

— Некоторые места — да, — сказала я и спросила насчет ее дневника. Мне тоже разрешено его почитать.

* «Прекрасная Нивернезка» (фр.) — повесть А.Доде.

Так разговор зашел о будущем, и я спросила ее, кем она хочет стать. Но она не пожелала рассказать об этом, она делает из этого большую тайну. Я слышала краем уха — что-то в области преподавания. Я, конечно, не знаю, точно ли это, но догадываюсь, что в том направлении. Вообще-то мне не надо быть такой любопытной.

Сегодня утром я лежала на кровати Петера, после того как согнала его. Он был зол на меня, но это меня меньше всего волнует. Он мог бы быть со мной более дружелюбным, я ведь вчера вечером дала ему яблоко.

Один раз я спросила Марго, считает ли она меня ужасно уродливой. Она сказала, что я забавно выгляжу и что у меня красивые глаза. Вполне туманно, ты не находишь? Ну, до следующего раза!

Анна Франк

P.S. Сегодня утром мы все снова взвешивались. Марго весит теперь 120 фунтов, мама — 124, папа — 141, Анна — 87, Петер — 134, мейфрау Ван Даан — 106, менеер Ван Даан — 150. За три месяца, что я тут, я поправилась на 17 фунтов. Ужасно много, а?!

ВТОРНИК, 20 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

У меня до сих пор дрожит рука, хотя прошло уже два часа с тех пор, как мы пережили шок. Тебе следует знать, что у нас в доме есть пять огнетушителей «Минимакс». Из-за того, что они внизу такие умники, никто нас не предупредил, когда плотник, или как там еще называют такого типа, заряжал аппараты. И мы поэтому вели себя совсем не осторожно, пока я на площадке с внешней стороны (напротив нашей двери-шкафа) не услышала стук молотка. Я тут же подумала, что это плотник, предупредила Бел, которая в это время обедала, что ей нельзя вниз. Мы с папой заняли пост у дверей, чтобы услышать, когда этот человек уйдет. Поработав с четверть часа, он там снаружи (так нам показалось!) положил свой молоток и другие инструменты на наш шкаф и постучал в нашу дверь. Мы похолодели. Значит, он все-таки что-то услышал и хочет теперь исследовать эту таинственную громаду? Похоже было на то; постукивание, рывки, толчки туда-сюда продолжались.

Я чуть не упала в обморок от страха, что этому совершенно постороннему человеку удастся обнаружить наш прекрасный тайник. И только я подумала, что все, со мной, покончено, как мы услышали голос менеера Клеймана: «Откройте же, это я!»

Мы сразу открыли. Что произошло? Крючок, на котором держится подвижной шкаф, застрял, и поэтому никто не мог предупредить нас о плотнике. Тот спустился вниз, и Клейман хотел забрать Беп, но снова не смог открыть дверь. Могу сказать тебе, что я вздохнула с немалым облегчением. Этот человек, о котором я думала, что он хочет к нам попасть, принимал в моем воображении все большие размеры. В конце концов он стал похож на великана и был самым ужасным фашистом из всех существующих. Фу, к счастью, на этот раз все очень хорошо обошлось.

В понедельник было здорово. Мип и Ян ночевали у нас. Мы с Марго легли на одну ночь спать к папе с мамой, чтобы супружеская пара Хис могла занять наше место. Почетное меню было великолепно. Небольшой помехой оказалось то, что в папиной лампе произошло короткое замыкание, и мы вдруг очутились в темноте. Что делать? Электрические пробки в доме были, но вворачивать пробки надо в самом конце темного склада, и вечером это сомнительное удовольствие. Все же господа на это отважились, и через десять минут иллюминацию из свечек можно было убрать.

Сегодня утром я встала рано. Ян был уже одет. Ему надо было уходить в половине девятого, поэтому он уже в восемь сидел наверху за завтраком. Мип одевалась и была еще в нижней сорочке, когда я вошла. У Мип такие же шерстяные штанишки, как и у меня для велосипеда. Марго и я тоже пошли одеваться, и наверх мы поднялись намного раньше, чем обычно. За завтраком было весело, а потом Мип спустилась вниз. Лило как из ведра, и она радовалась, что ей теперь не надо ехать в контору на велосипеде. Мы с папочкой пошли застилать постели, а потом я выучила пять французских неправильных глаголов. Какое усердие, а?!

Марго и Петер сидели в нашей комнате и читали, а Муши сидела на диване у Марго. После моих французских неправильностей я тоже села с ними вместе и читала «И вечно поют леса». Это очень красивая, но ужасно необычная книга, я уже почти дочитала ее.

На следующей неделе Беп тоже останется у нас ночевать.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 29 ОКТЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Я очень беспокоюсь, папа заболел. У него высокая температура и красная сыпь, похоже, это корь. Представляешь, мы даже доктора вызвать не можем! Мама заставляет его сильно потеть. Может быть,

это собьет температуру. Сегодня утром Мип рассказала, что из квартиры Ван Даанов на Зейдер-Амстеллаан вынесли всю мебель. Мы еще не рассказали мефру, она в последнее время и так уже «нервничает», и у нас нет никакого желания выслушивать еще одну жалобную песнь о ее прекрасном сервизе и шикарных стульчиках, которые остались в квартире. Нам тоже пришлось оставить дома почти все красивое, что толку сейчас в этих жалобах?

Папа хочет, чтоб я теперь начала читать еще и книги Хеббеля и других известных немецких писателей. Читать по-немецки теперь уже относительно легко. Только я обычно шепчу, вместо того чтобы читать про себя. Но это пройдет. Папа достал из большого книжного шкафа драмы Гёте и Шиллера, он хочет мне каждый вечер что-нибудь читать вслух. Мы уже начали «Дон Карлоса». Чтобы последовать хорошему примеру папы, мама сунула мне в руки свой молитвенник. Я из приличия прочитала кое-какие молитвы по-немецки. Мне они кажутся красивыми, но это меня не так интересует. Зачем только она заставляет меня быть такой набожной и религиозной?

Завтра в первый раз затопят печь. Наверно, мы будем сидеть в ужасном дыму, трубу давным-давно не прочищали. Будем надеяться, что в трубе будет тяга!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 2 НОЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

В пятницу вечером у нас была Беп. Было вполне мило, но она плохо спала, потому что выпила вина. Больше ничего особенного. Вчера у меня ужасно болела голова и я рано пошла спать. Марго меня опять раздражает.

Сегодня утром я начала сортировать ящичек с конторской картошкой, потому что его опрокинули и все было в таком беспорядке! Я скоро чуть было с ума не сошла и спросила Марго и Петера, не хотят ли они мне помочь. Но эти двое оказались слишком ленивы. Так что я все снова убрала обратно. Я не идиотка, чтоб это делать одной!

Анна Франк

P.S. Я еще забыла сообщить тебе важную новость, что у меня, наверное, скоро начнутся месячные. Я так думаю, потому что у меня в трусах все время остается какая-то липкая штука и мама это предсказывает. Я просто жду — не дождусь. Мне это кажется

таким важным, только жаль, что я не смогу пользоваться дамскими прокладками, ведь их теперь не достать, а этими мамиными затычками могут пользоваться только рожавшие женщины.

22 ЯНВАРЯ 1944 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Теперь я бы такого написать не смогла. Сейчас, когда я полтора года спустя перечитываю мой дневник, я ужасно удивляюсь, что я когда-то была таким невинным подростком. Я понимаю, что, как бы сильно я того ни хотела, но такой я уже больше никогда не стану. Свои выходки, высказывания о Марго, маме и папе я понимаю так хорошо, как если б написала об этом вчера. Но то, что я так, без стеснения, написала о других вещах, не могу себе даже вообразить. Я в самом деле стыжусь, когда читаю те страницы, где идет речь о предметах, которые я хотела бы представить себе куда красивее. Я их так некрасиво описала. Ну да ладно, хватит об этом.

Что я тоже отлично понимаю, так это тоску по дому и по Моорте. Часто сознательно, но еще чаще бессознательно все это время, что я здесь была и есть, я тосковала по любви и ласке. Эта тоска иногда сильнее, а иногда слабее, но она есть всегда.

ЧЕТВЕРГ, 5 НОЯБРЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Наконец-то у англичан несколько удач в Африке, и Сталинград все еще не сдался, так что господа ужасно веселы и сегодня утром у нас был кофе и чай. Больше ничего особенного.

Я на неделе много читала и мало работала. Так и надо в этом мире, и уж наверняка и так можно продвинуться вперед.

В последнее время наши отношения с мамой стали лучше, но мы никогда не бываем откровенны. Папа прячет в душе что-то, чего он не хочет показывать. Все же он, как всегда, ужасно мил. Несколько дней топится печь и вся комната в дыму. Я все-таки намного больше люблю центральное отопление, и, наверно, я в этом не исключение. Марго я не могу назвать иначе, как дрянью, и она меня ужасно раздражает день и ночь.

Анна Франк

Милая Китти!

Мама страшно нервничает, и для меня это всегда очень опасно. Случайно ли, что ни папа, ни мама никогда не бранят Марго, а все валят на мою голову? Вчера вечером, например, Марго читала книгу с чудесными иллюстрациями; она встала и отложила книгу, чтобы потом опять взяться за чтение. Мне как раз делать было нечего, я взяла книгу посмотреть картинки. Марго вернулась, увидела «свою» книгу у меня в руках, нахмурилась и злобно попросила вернуть. А мне хотелось еще немножко посмотреть. Марго сердилась все больше, вмешалась мама и сказала: «Книгу читает Марго, так что отдай ей!»

В комнату вошел папа; даже не зная, в чем дело, он решил, что Марго обижает, и напал на меня: «Посмотрел бы я на тебя, если бы Марго листала твою книгу!»

Я тут же уступила, положила книгу и вышла из комнаты — они решили, что я обиделась. Но я не обиделась и не рассердилась, а очень расстроилась. Нехорошо с папиной стороны судить, не узнав, в чем дело. Я сама отдала бы книгу Марго, даже еще скорее, если бы папа и мама не вмешались, будто произошла великая несправедливость, и не стали бы сразу на защиту Марго.

Вполне понятно, что за Марго заступает мама. Они всегда стоят друг за дружку. Я так к этому привыкла, что не обращаю внимания ни на выговоры мамы, ни на приступы раздражения Марго. Я их люблю просто как маму и Марго, а как на людей мне на них чихать. Папа — другое дело. Когда он отдает предпочтение Марго, одобряет все, что она делает, поощряет ее и нежен с ней, у меня внутри что-то ноет, потому что папа для меня — все на свете! Он для меня во всем пример, и никого другого во всем свете я не люблю, кроме папы. Он сам не сознает, что обращается с Марго не так, как со мной. Ведь Марго самая умная, самая милая, самая красивая и самая лучшая. Но ведь я тоже имею право на серьезное отношение. В семье я всегда была клоуном и шалуньей, и мне всегда за все поступки приходилось платить вдвойне: один раз попреками, а второй раз — отчаянием во мне самой. Меня больше не удовлетворяют ни поверхностные проявления нежности, ни так называемые «серьезные разговоры». Я жажду от отца чего-то, что он мне дать не в состоянии. Я не ревную его к Марго, никогда этого не было, не надо мне ни ее красоты, ни ее ума, я хочу только, чтобы отец любил меня по-настоящему, не только как своего ребенка, но как Анну, какая я есть.

Я цепляюсь за папу, потому что с каждым днем все пренебрежительнее отношусь к маме и он один еще поддерживает во мне

последние остатки любви к семье. Он не понимает, что мне необходимо иногда высказать все про маму. Он не хочет говорить, избегает всяческих разговоров о маминых недостатках.

А ведь мама со всеми ее недостатками доставляет мне больше всего переживаний. Я не знаю, как себя держать, не могу вслух высказать свою обиду на ее небрежность, сарказм или жестокость, но и за собой не всегда чувствую вину.

Я во всем полная противоположность маме, оттого у нас сами собой происходят стычки. Не берусь судить о ее характере, тут я не судья, я смотрю на нее только как на мать. Но для меня мама — не такая мать, какая мне нужна. Мне приходится быть матерью самой себе. Я от них отделилась, нахожу с трудом свой путь, а уж потом будет видно, куда он меня заведет. Это происходит прежде всего оттого, что я вообразила себе идеал, какими должны быть мать и жена, но в той, кого я должна называть «матерью», я не вижу ни малейшего сходства с этим идеалом.

Я постоянно стараюсь не обращать больше внимания на то, в чем мама подает мне плохой пример, я хочу видеть в ней только хорошие стороны и искать в самой себе то, чего не нахожу в маме. Но это не удается; и хуже всего, что ни папа, ни мама не осознают, что они не могут мне дать то, что мне нужно, и что я их за это осуждаю. Найдутся ли такие родители, которые вполне могут удовлетворить своих детей?

Иногда я думаю, что Бог хочет испытать меня, и сейчас, и в дальнейшем. Мне надо самой становиться лучше, без примеров и без разговоров, тогда в будущем я стану сильной.

Кто будет читать когда-нибудь эти письма, кроме меня самой? Кто, кроме меня самой, утешит меня? Потому что я часто нуждаюсь в утешении, не раз я падала духом и больше промахивалась, чем попадала в цель. Я знаю это и снова и снова, каждый день заново, стараюсь исправиться. Со мной обращаются непоследовательно. Один день Анну считают такой разумной, и ей все можно знать, а на следующий день я снова слышу, что Анна еще маленькая глупая овечка, которая не знает ни о чем и воображает, что на удивление много узнала из книг! Но я уже не ребенок и не баловница, над всеми поступками которой можно еще и посмеяться. У меня свои идеалы, идеи и планы, но я их еще не умею выразить словами.

Ах; во мне подымается столько сомнений вечерами, когда я одна, а иногда и днем, когда мне приходится терпеть всех этих людей, которые у меня стоят поперек горла и которые всегда неправильно меня воспринимают. Поэтому в конце концов я всегда возвращаюсь к своему дневнику. С этого я начинаю, этим и кончаю, потому что Китти всегда терпелива. Я обещаю ей выдержать до

конца, несмотря ни на что, проложить свою дорогу, а слезы проглотить. Только вот как бы мне хотелось увидеть результаты или чтобы любящая рука меня хоть раз поддержала.

Не осуждай меня, но пойми, что и у меня иногда терпение лопается!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 9 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Кумми!

Вчера у Петера был день рождения, ему исполнилось шестнадцать. В восемь часов я уже пошла наверх, и мы вместе с Петером разглядывали подарки. Он получил кроме всего прочего настольную биржевую игру, бритву и зажигалку, не потому, что он так много курит, вовсе нет, а потому, что это шикарно!

Самый большой сюрприз приготовил менеер Ван Даан, сообщив в час дня, что англичане высадились в Тунисе, Алжире, Касабланке и Оране.

«Это начало конца», — сказали все, но Черчилль, английский премьер-министр, который, наверно, слышал такой же возглас и у себя в Англии, сказал: «Эта высадка чрезвычайно важна, но пусть не думают, что это начало конца. Скорее, я бы сказал, конец начала». Чувствуешь разницу? Но все же есть основания для оптимизма. Сталинград, город в России, который защищается уже три месяца, все еще не сдался немцам.

Чтобы вести рассказ в духе нашего Убежища, надо хоть раз написать о том, как нас снабжают продуктами. (Да будет тебе известно, что наше верхнее отделение — настоящие чревоугодники!)

Хлеб нам поставляет очень славный булочник, знакомый Клеймана. Конечно, мы получаем меньше, чем дома, но достаточно. Продовольственные карточки нам тоже покупают на черном рынке. Цены на них растут непрерывно, то, что стоило 27 гульденов, стоит теперь уже 33. И это всего лишь за клочок бумажки, на котором что-то напечатано!

Чтобы в доме был непортящийся запас, кроме наших ста консервных банок, мы купили 270 фунтов бобовых. Это рассчитано не только на нас, но и на контору. Мешки с бобами висели на крючках в нашем коридорчике с внутренней стороны подвижного шкафа. От тяжести на мешках кое-где разошлись швы. Поэтому мы решили перенести зимний запас на чердак и доверили Петеру перетащить мешки. Пять из шести мешков уже благополучно очутились наверху, и Петер взялся было за шестой, как вдруг нижний

шов распоролся и ливень, нет, град бобов обрушился на лестницу. В мешке было примерно 50 фунтов, так что грохот был, как на Страшном суде. Внизу, наверно, подумали, что старый дом со всем его содержимым валится им на голову. Петер сперва перепугался, но тут же стал оглушительно хохотать, когда увидел меня, стоящую на нижней ступеньке, словно островок среди бобовых волн, это коричневое добро окружило меня по щиколотку. Мы сразу принялись собирать бобы, но они такие скользкие и мелкие, что забиваются во все возможные и невозможные уголки и дырочки. Теперь каждый раз, когда кто-нибудь поднимается по лестнице, он непременно наклоняется, чтобы сдать мефрау Ван Даан горсть бобов.

Чуть не забыла сообщить, что папа выздоровел.

Твоя Анна

P.S. Только что было сообщение по радио, что Алжир взят. Марокко, Касабланка и Оран уже несколько дней в руках англичан. Дело только за Тунисом.

ВТОРНИК, 10 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Великолепная новость, мы хотим принять восьмого в наше Убежище!

Да, так и есть, мы всегда считали, что тут вполне найдутся место и еда для восьмого. Мы только боялись, как бы не обременить еще больше Кюглера и Клеймана. Но так как ужасные вопиющие новости извне в отношении евреев становились все ужаснее, папа посоветовался с этими двумя авторитетными людьми, и они сказали, что план превосходный. «Опасность для семерых так же велика, как и для восьмерых», — сказали они и были вполне правы. Когда с этим было улажено, мы стали перебирать в памяти наших знакомых, чтобы найти какого-нибудь одинокого человека, который хорошо вписался бы в наше семейство нелегалов. Вычислить такого человека оказалось нетрудно. После того как папа отверг всех родственников Ван Даанов, наш выбор пал на зубного врача по имени Альфред Дюссел. Он живет с одной милой женщиной — христианкой, намного моложе его, с которой он, скорее всего, не распisan, но это не важно. Его знают как спокойного и образованного человека, и, судя по поверхностному знакомству, он показался и нам, и Ван Даанам симпатичным человеком. Мип тоже с ним знакома, так что может привести в исполнение план укрытия. Когда Дюссел

придет, он будет спать в моей комнате вместо Марго, которая в качестве ложа получит раскладушку!*□. Мы попросим его что-нибудь принести с собой, чтобы запломбировать пещеры в наших зубах.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 12 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Приходила Мип и рассказала нам, что она была у доктора Дюссела. Дюссел спросил Мип напрямую, как только она вошла в комнату, не знает ли она случайно для него места, где бы укрыться. Он был просто счастлив, когда Мип ему рассказала, что кое-что есть и что он как можно скорее должен туда отправиться, лучше всего уже в субботу. Это показалось ему несколько трудноватым, ему надо было еще привести в порядок картотеку, принять двух пациентов и закончить все расчеты. Сегодня утром Мип нам об этом сообщила. Мы считали, что лучше так долго не затягивать. Вся эта подготовка только потребует объяснений с разными людьми, которым лучше ничего не знать. Мип спросила, нельзя ли так все устроить, чтобы отправиться в субботу. Дюссел сказал, что это невозможно, и придет теперь в понедельник.

Мне кажется странным, что он сразу не ухватился за предложение. Если его заберут на улице, он не сможет ни картотеку привести в порядок, ни помочь пациентам. К чему тогда откладывать? Я лично считаю глупым, что папа ему уступил.

Других новостей нет.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 17 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Дюссел прибыл. Все сошло благополучно. В одиннадцать утра, сказала ему Мип, он должен стоять в условленном месте перед почтой, там его заберет с собой некий господин. Дюссел стоял там, где договорились, точно вовремя. Менеер Клейман подошел к нему и сказал, что тот упомянутый господин прийти пока не смог и не хочет ли он пройти на минутку в контору к Мип. Клейман сел в трамвай, поехал обратно в контору, а Дюссел пошел пешком той же дорогой.

* После прихода Дюссела Марго должна была спать в комнате родителей.

В двадцать минут двенадцатого Дюссел постучался в дверь конторы. Мип предложила ему снять пальто, чтобы не увидели желтую звезду, и провела его в директорский кабинет, где его занимал Клейман, пока не ушла уборщица. Под предлогом, что контора не свободна, Мип поднялась с Дюсселом наверх, открыла подвижной шкаф, и перед его ошалевшими глазами ступила вовнутрь.

Мы всемером сидели наверху за столом, встречая нового жильца коньяком и кофе. Сначала Мип привела его в нашу комнату. Он сразу узнал нашу мебель, но ему и в голову не пришло, что мы находимся над ним. Когда Мип ему об этом сказала, он чуть в обморок не упал от удивления. Но к счастью, Мип не дала ему опомниться и привела его наверх. Дюссел плюхнулся на стул и смотрел на нас всех, не в состоянии выговорить ни слова, будто желая вначале прочесть правду на наших лицах. Потом он начал, заикаясь: «Но... aber, sind u dan nicht in België? Ist der Militär nicht gekommen? Das Auto? Die Vlucht ist sie nicht geklukt?»*

Мы ему рассказали, как все было, что мы сами нарочно распространили эти слухи насчет офицера и машины, чтобы людей, а также немцев, которые, возможно, станут нас искать, направить на ложный путь. Дюссел онемел от такой изобретательности, и ему не осталось ничего другого, как только удивленно осматриваться по сторонам, когда он обнюхивал наш сверхпрактичный и прекрасный Задний Домик. Мы вместе поели, потом он немного поспал, потом выпил с нами чаю и разложил свои мелкие пожитки, которые еще раньше принесла Мип, и уже чувствовал себя вполне как дома. Особенно после того, как получил в руки следующие отпечатанные правила распорядка для скрывающихся в Заднем Доме (сочиненные Ван Дааном).

ПРОСПЕКТ И ПУТЕВОДИТЕЛЬ

по Убежищу, специально учрежденному для временного пребывания евреев и им подобных.

Открыто круглый год. Красивая, тихая, лесистая местность в самом центре Амстердама. Никаких коммуналок. Проезд трамваем 13 и 17, а также на машинах и велосипедах. В определенных случаях, если немецкие власти запрещают пользоваться этими средствами передвижения, то пешком. Меблированные и немеблированные

* ...Но, разве вы не в Бельгии? Значит, офицер не приехал? А машина? Бегство сорвалось?.. (ломаный нем.)

ные квартиры и комнаты всегда имеются в распоряжении, с пансионом и без него.

Квартирная плата. Бесплатно.

Диета. Обезжиренная.

Проточная вода. В ванной комнате (к сожалению, без ванны), а также на различных внутренних и внешних стенах. Великолепные места для топки.

Просторные помещения для хранения всякого имущества. Два больших современных несгораемых шкафа.

Собственная радиостанция. Прямая трансляция из Лондона, Нью-Йорка, Тель-Авива и многих других городов. К услугам всех жильцов начиная с шести часов вечера, при этом нет никаких запрещенных радиоканалов, если не считать того, что немецкие станции можно слушать только в порядке исключения, например классическую музыку и тому подобное. Строго запрещается слушать немецкие новости (независимо от того, откуда они передаются) и распространять их.

Часы отдыха. С 10 часов вечера до 7.30 утра, в воскресенье — до 10.15 утра. В зависимости от обстоятельств часы отдыха могут быть назначены и среди дня, по распоряжению дирекции. Часы отдыха соблюдаются строжайшим образом в целях общей безопасности!!!

Канкулы. Вне этого дома пока отменяются.

Применение языка. В любое время суток необходимо говорить тихо. Разрешены все культурные языки, значит, не немецкий.

Чтение и развлечения. Запрещается читать немецкие книги, за исключением научных и классических, все остальное — по желанию.

Гимнастика. Ежедневно.

Пение. Исключительно тихо и после 6 часов вечера.

Фильмы. По согласованию с остальными.

Занятия. Стенография — каждую неделю письменный урок. Английский, французский, математика и история в любое время дня. Оплата ответными уроками, например уроком голландского.

Специальное отделение для мелких домашних животных с хорошим присмотром (за исключением паразитов, для которых необходимо специальное разрешение).

Часы принятия пищи. Завтрак. Ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, в 9 часов утра, по воскресеньям и праздникам примерно в 11.30.

Обед. Довольно обильный. С 13.15 до 13.45.

Ужин. Холодный и (или) горячий в разное время, в зависимости от передачи последних известий.

Обязательства по отношению к отряду продовольственного снабжения. Постоянная готовность помочь им в конторской работе.

Купание. В воскресенье начиная с 9 часов в распоряжении всех жильцов имеется таз. Купаться можно в уборной, на кухне, в директорском кабинете, в передней конторе — по выбору.

Крепкие напитки разрешаются только по назначению врача.

Конец.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 19 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Как мы и ожидали, Дюссел оказался очень славным человеком. Он, конечно, согласился жить со мной в одной комнате. Честно говоря, мне не очень приятно, что посторонний человек пользуется всем в моей комнате, но ради доброго дела можно и потерпеть, и я с удовольствием приношу эту маленькую жертву. «Если мы только можем спасти кого-нибудь из наших знакомых, остальное не имеет значения», — сказал папа, и он совершенно прав.

В первый же день Дюссел подробно расспросил меня о разных вещах, например: когда приходит уборщица, когда мы умываемся, когда можно пользоваться уборной. Ты будешь смеяться, но когда находишься на нелегальном положении, то все это не так просто. Днем мы не должны шуметь, чтобы внизу нас не услышали, а если есть кто-то посторонний, как, например, уборщица, то мы все должны быть особенно осторожны. Я все подробно объясняла Дюсселу, но одно меня при этом удивило: как туго он соображает. Он все переспрашивает по два раза, да и тогда еще плохо запоминает. Может быть, это пройдет, он просто еще не опомнился от удивления. В остальном все в порядке.

Дюссел много рассказывал нам о внешнем мире, которого мы уже так давно лишены. Все, что он знал, было прискорбно. Множество друзей и знакомых пропали, их ждет страшный конец. Каждый вечер по улицам ползут зеленые или серые военные машины. Звонят во все двери и спрашивают, живут ли там евреи. Если да, то тут же забирают всю семью, если нет, едут дальше. Никто не может избежать своей судьбы, если не скроется. Часто ходят со списками и звонят только туда, где, как им известно, их ждет богатая добыча. Им нередко платят деньги, сколько-то за душу. Это похоже на охоту за рабами в старое время. Но это никакая не шутка, для шутки это слишком драматично. По вечерам в темноте я вижу ряды хороших, ни в чем не повинных людей, они идут, с

плачущими детьми, все идут и идут, ими командуют несколько эдаких типов, их бьют, мучают до того, что они валятся с ног. Никому нет пощады. Старики, дети, младенцы, беременные женщины, больные, все, все идут вместе на смерть.

Как хорошо нам тут, как хорошо и спокойно. Нас не касался бы весь этот ужас, если бы мы только не боялись за всех, кто нам так дорог и кому мы уже не можем помочь. Мне стыдно оттого, что я лежу в теплой постели, в то время как мои самые любимые подруги где-то там упали на землю или их сбили с ног. Мне самой становится жутко, когда я думаю обо всех, с кем я чувствовала себя всегда связанной так тесно и кто теперь отдан в руки самых свирепых палачей, каких еще не бывало на свете. И все это потому, что они евреи.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 20 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мы все не знаем толком, как нам быть. До сих пор к нам доходило мало сведений о судьбе евреев и нам казалось — лучше быть как можно более бодрыми. Когда Мип иногда проговаривалась об ужасной участи кого-то из знакомых, мама и мейфрау Ван Даан начинали каждый раз плакать, так что Мип решила, что лучше больше ничего не рассказывать. Но Дюссела тут же засыпали вопросами, и истории, которые он рассказал, были настолько жуткие и варварские, что невозможно их впустить в одно ухо и через другое выпустить. Все же, когда эти новости немного потускнеют, мы снова будем смеяться и друг друга поддразнивать. Ни нам, ни им там не будет пользы, если мы останемся такими угрюмыми, как сейчас. И какой смысл превращать Задний Дом в Меланхолическое Убежище?

Что бы я ни делала, я невольно думаю о тех, кто пропал. Стоит мне над чем-нибудь рассмеяться, как я в ужасе спохватываюсь и говорю сама себе: это позор, что я так веселюсь. Но разве я должна весь день плакать? Нет, не могу я так, и эта угрюмость, наверно, пройдет.

К этим грустным делам у меня еще прибавилась одна проблема личного характера; правда, по сравнению с огромным несчастьем, о котором я только что писала, она кажется мелочью. Все же не могу тебе не рассказать, что в последнее время я чувствую себя такой покинутой, какая-то большая пустота вокруг меня. Раньше я об этом никогда особенно не задумывалась, и развлечения, подруги занимали все мои мысли. Теперь я думаю либо о несчастьях,

либо о себе самой. И я наконец пришла к открытию, что папа, какой бы он ни был милый, все же не может заменить мне весь мой прежний мир. Мама и Марго уже давно не занимают места в моей душе.

Но зачем надоедать тебе всеми этими глупостями, я ужасно неблагодарная, Китти, я это знаю, но часто у меня голова идет кругом, когда слишком много сыплется на меня и потом еще надо думать обо всех других кошмарах!

Твоя Анна

СУББОТА, 28 НОЯБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

Мы жгли слишком много света и перерасходовали лимит на электричество. Следствие: чрезмерная экономия и в перспективе отключение тока. Четырнадцать дней без света, приятно, а? Но кто знает, может, еще обойдется! С четырех или половины пятого слишком темно, чтобы читать. Как только мы не коротаем время: загадываем загадки, делаем в темноте гимнастику, разговариваем по-английски или по-французски, обсуждаем книги, — в конце концов все надоедает. Со вчерашнего вечера я нашла кое-что новое: подсматривать в мощный бинокль в освещенные окна соседей за нашим домом. Днем нам нельзя раздвигать занавески ни на сантиметр, но когда темно, то не так опасно.

Я никогда раньше не предполагала, что соседи могут быть такими интересными людьми, по крайней мере наши. Некоторых я застала за ужином, одна семья как раз смотрела фильм, а зубной врач напротив лечил старую боязливую даму.

Менеер Дюссел, человек, про которого всегда говорили, что он замечательно умеет обращаться с детьми и очень их любит, оказался совершенно ветхозаветным воспитателем и вечно читает длинные проповеди насчет хороших манер. Так как я имею редкое счастье (!) делить мою, к сожалению, ужасно тесную комнату с высокопоставленным-благовоспитанным господином и так как я, по всеобщему мнению, считаюсь самой невоспитанной из трех молодых людей, то мне достаточно трудно избежать непрерывных старческих попреков и наставлений и притворяться глухой. Но это бы еще ничего, не будь он таким великим ябедой и вдобавок не найди адресата для своих жалоб в лице мамы! Только я получу от него порцию, как мама, считая, что этого недостаточно, добавит еще, а если мне особенно везет, через пять минут меня призывает к ответу меффрау и я получаю на десерт!

На самом деле, не думай, что это просто, — быть средоточием невоспитанности нашего придирчивого семейства нелегалов.

Вечером в постели, когда я думаю о многочисленных грехах и проступках, которые мне приписывают, я так запутываюсь в огромном количестве вещей, которые мне надо передумать, что начинаю смеяться или плакать, смотря по настроению. И я засыпаю, совсем запутавшись: я хочу быть не такой, какая я есть, или быть не такой, какой я хочу быть, или, возможно, и поступать не так, как я хочу или как я поступаю.

О Боже мой, теперь я еще и тебя запутала, прости меня, но я не люблю зачеркивать, а выбрасывать бумагу во времена ее большой нехватки нельзя. Так что могу тебе только посоветовать: не перечитывай вышестоящее предложение еще раз и, уж во всяком случае, не углубляйся в него, так как все равно не разберешься!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Китти!

В этом году Ханука* и День святого Николая** почти совпали, разница всего в один день. Ко дню Хануки мы не очень хлопотали, обменялись кое-какими мильми вещичками, и потом — свечи. Зажгли их всего на десять минут, так как свечей не хватало, но, если при этом спеть, — уже неплохо. Менеер Ван Даан смастерил деревянный подсвечник, так что и с этим было в порядке.

День святого Николая, в субботу, был гораздо лучше! Нам было очень любопытно, о чем Беп и Мип все время за едой шептались с папой, мы подозревали, что они что-то затевают. И правда, в восемь часов мы все спустились по деревянной лестнице в крошечной тьме коридора (мне было жутко, и я бы лучше осталась наверху в безопасности!) в проходную комнатку. Так как в этой комнатке нет окон, то можно было зажечь свет. Когда свет зажгли, папа открыл большой шкаф.

«Ах, как здорово!» — закричали все.

В углу стояла большая корзина, убранная праздничной бумагой, наверху была прикреплена маска Черного Пита***. Мы тут же взяли корзину наверх. Для каждого был милый подарок с подходящим стишком. Ты сама, конечно, знаешь, что за стихи пишут на День святого Николая, и я их тебе писать не буду.

* Еврейский праздник.

** 5 декабря, в этот день обмениваются подарками и стихами.

*** Негр, помощник святого Николая.

Я получила пряничную куклу, папа — подставки для книг и т. д. и т. п. В любом случае все было здорово придумано, и так как мы, все восемь человек, еще ни разу в нашей жизни не отмечали День святого Николая, то эта премьера пришлось к месту.

Твоя Анна

P.S. Для «нижних» у нас, конечно, тоже было кое-что, оставшееся еще от старых добрых времен, кроме того, для Мип и Беп деньги никогда не лишние.

Сегодня мы узнали, что пепельницу для менеера Ван Даана, рамку для Дюссела и папины подставки для книг сделал менеер Фоскэйл сам. Для меня загадка, как можно своими руками делать такие художественные вещи!

ЧЕТВЕРГ, 10 ДЕКАБРЯ 1942 г.

Милая Кимми!

Менеер Ван Даан раньше занимался торговлей колбасными и мясными изделиями и специями. Его пригласили в фирму как специалиста по специям, а теперь он проявляет себя с «колбасной» стороны, против чего мы не возражаем.

Мы заказали много мяса (конечно, на черном рынке), чтобы законсервировать на случай, если для нас наступят трудные времена. Он хотел приготовить колбасу для жарения, хелдерскую и свиную колбасу. Очень занятно было смотреть, как он сначала пропускает куски мяса через мясорубку, два-три раза, потом мясной фарш смешивает со всем необходимым и, наконец, через маленькую воронку наполняет этой массой кишки. Уже за обедом мы ели жареную колбасу с кислой капустой, но хелдерскую, которая предназначалась для консервирования, надо было сначала хорошенько просушить, поэтому ее подвесили на палке на двух веревочках под потолком. Каждый, кто входил в комнату и видел выставленные напоказ колбасы, начинал хохотать. Вид и впрямь был препотешный.

В комнате был чудовищный беспорядок. Мясистый менеер Ван Даан в фартуке мейфрау возился с мясом, он казался гораздо толще, чем на самом деле. Он был похож на настоящего мясника — руки в крови, лицо красное, забрызганный фартук. Мейфрау занималась всем сразу: учила голландский по книге, мешала суп, смотрела за мясом, вздыхала и жаловалась на свое сломанное верхнее ребро. Вот что случается, когда пожилые дамы (!) делают такие прециди-

отские гимнастические упражнения, чтобы согнать жир с толстого зада!

У Дюссела воспалился глаз, он сидел у печки и прикладывал примочки с ромашковым отваром. Пим сидел на стуле, освещенный тонким лучом солнца, который струился из окна, и корчился. Наверняка у него опять были ревматические боли, потому что он как-то весь согнулся и с раздраженным видом следил за работой менеера Ван Даана. Он был точь-в-точь похож на эдакого старичка-инвалида из богоугодного заведения. Петер носился по комнате с кошкой Муши, мама, Марго и я чистили вареную картошку. Но, честно говоря, все мы выполняли свою работу кое-как, потому что смотрели на Ван Даана.

Дюссел открыл зубоврачебную практику. Шутки ради я тебе расскажу, как прошел первый прием.

Мама гладила белье, и мефрау, которой выпало стать первой, села на стул посреди комнаты. Дюссел начал важно доставать из своей коробочки инструменты, попросил одеколону для дезинфекции и вазелину вместо воска. Он заглянул в рот мефрау, коснулся ее переднего зуба, потом коренного, причем мефрау каждый раз сжималась, как будто изнывала от боли, в то же время испуская нечленораздельные звуки. После длительного обследования (по крайней мере, для мефрау, на самом деле это длилось не долее двух минут) Дюссел начал было выскрести ей душло. Но куда там, что ты, об этом и думать было нечего! Мефрау дико отбивалась руками и ногами, так что Дюссел в какой-то момент выпустил из рук крючок и... он застрял в зубе у мефрау. Тут и впрямь началось не поймешь что! Мефрау металась, плакала (насколько это возможно с инструментом во рту), пробовала вытащить крючок изо рта и тем самым еще глубже всаживала его в зуб. Дюссел стоял перед ней совершенно спокойно, уперев руки в боки, и смотрел на этот спектакль. Все остальные зрители хохотали до изнеможения. Это, конечно, было низко, ведь я знаю точно, что я бы орала еще в сто раз громче. После бесконечного верчения, рывков, криков и призывов мефрау наконец вытащила крючок, и менеер Дюссел как ни в чем не бывало продолжил свою работу. Он делал все так быстро, что мефрау не успела больше ничего выкинуть, но у него никогда в жизни не бывало столько помощников. Два ассистента — это немало, менеер и я помогали хорошо. Сцена была похожа на картинку времен средневековья под названием «Шарлатан за работой». Между тем терпение пациентки лопнуло, ей нужно было смотреть за «ее» супом и за «ее» обедом. Одно точно: к зубному врачу мефрау обратится не так скоро!

Твоя Анна

Милая Китти!

Удобно сижу у окна в передней конторе и наблюдаю в щелку между толстыми занавесями, что делается на улице. Здесь уже сумерки, но света еще достаточно, чтобы тебе писать.

Очень странно смотреть, как люди ходят по улице, кажется, они все ужасно торопятся куда-то и чуть не спотыкаются о собственные ноги. Велосипедисты, ну, за их темпом вовсе не уследить, я даже не могу различить, что за тип сидит на драндулете. Люди в этом районе выглядят не особенно привлекательно, особенно дети такие грязные, что их противно было бы взять даже щипцами, настоящие дети задворок, с сопливыми носами, и говорят они на таком языке, что я почти ничего не понимаю.

Вчера днем мы здесь с Марго купались, и я сказала: «Если бы переловить на удочку одного за другим ребятишек, что тут проходят, посадить их в ванну, перестирать их белье и починить, потом снова их отпустить, то тогда...»

На это Марго ответила: «Они бы назавтра выглядели такими же грязными и оборванными, как и прежде».

Но что я болтаю, за окном еще много интересного: машины, баржи, дождь. Я слышу трамвай, детей, и мне хорошо.

Наши мысли так же однообразны, как мы сами. Все время вертятся как карусель: от евреев — к еде, от еды — к политике. Кстати, о евреях; вчера через занавеску я видела, будто это какое-то чудо света, двух евреев. Такое странное чувство: как будто я предала этих людей и теперь подглядываю за их несчастьем.

Прямо напротив дома, на воде, причалена жилая баржа, на ней живет какой-то человек с женой и детьми. У этого мужчины есть маленькая брехливая собачонка. Собачонку мы знаем только по лаю и по ее хвостику, что нам виден, когда она ходит по желобу баржи.

Фу, пошел дождь, и почти все люди спрятались под зонтиками, мне не видно ничего, кроме дождевиков, а иногда затылки под шапками. Но мне и не надо больше ничего видеть, мало-помалу женщины эти стали мне знакомы до мелочей, раздутые от картофеля, в зеленых или красных пальто, на сбитых каблуках, с сумками в руках, со злобными либо с добродушными лицами, в зависимости от настроения их мужей.

Твоя Анна

Милая Китти!

Убежище с радостью приняло весть, что к Рождеству каждый получит дополнительно четверть фунта масла. В газете, правда, написано полфунта, но это относится только к тем счастливым смертным, которые получают свои продуктовые карточки от государства, а не к скрывающимся евреям, которые из-за дороговизны покупают на черном рынке четыре карточки вместо восьми. Мы, все вместе, испечем что-нибудь на масле. Я сегодня утром испекла печенье и два торта. Здесь наверху очень много народу, и мама запретила мне заниматься или читать, пока все хозяйственные дела не будут закончены. Мефрау Ван Даан лежит со своим ушибленным ребром в постели, целый день жалуется, заставляет беспрестанно делать ей новые перевязки и всем недовольна. Я буду рада, когда она снова встанет на ножки и сама почистит свои перышки, потому что я должна сказать, что она необыкновенно прилежная и чистюля, а когда душа и тело ее в хорошей форме, то и веселая.

Будто я днем недостаточно слышу «тсс, тсс», потому что я всегда «слишком шумлю», так моему господину соседу по комнате пришла идея и по ночам то и дело на меня шикать. По его, выходит, мне нельзя даже повернуться в постели. Я и не подумаю обращать на это внимание и в следующий раз в ответ скажу «тсс».

Он с каждым днем становится все противнее и эгоистичнее. Щедро обещанные им печенья после первой недели я больше не видела. Особенно по воскресеньям он меня бесит тем, что так рано зажигает свет и десять минут делает зарядку.

Мне, измученной бедняжке, кажется, будто это длится часами, так как стулья, с помощью которых удлинена моя кровать, беспрестанно двигаются туда-сюда под моей сонной головой. Закончив упражнения на гибкость несколькими яростными взмахами рук, мейнер приступает к туалету. Трусы висят на крючке, значит, сначала туда и снова назад. Галстук лежит на столе, снова, толкаясь и натываясь на стулья, и назад таким же образом.

Но не хватит ли ворчать на старых и противных господ, все равно от этого лучше не станет, и все мои меры отмщения, как, например, вывернуть лампочку, залепить дверь, спрятать одежду, придется (а жаль!) во имя сохранения мира в дальнейшем не предпринимать.

Ах, я становлюсь такой разумной! Тут все надо делать с умом: учиться, слушать, держать язык за зубами, помогать, быть милой,

уступать — да мало ли что еще! Боюсь, что мой ум, и так не ахти какой большой, я израсходую слишком быстро и на послевоенное время ничего не останется.

Твоя Анна

СРЕДА, 13 ЯНВАРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Сегодня утром мне опять во всем мешали, и поэтому я не могла ничего как следует доделать до конца.

У нас новое занятие, а именно — наполнять пакетики соусом для жарения (в порошке). Этот соус — изделие «Хис и Ко». Менеер Кюглер не может найти работников, к тому же, если это делаем мы, выходит намного дешевле. Работа вроде тех, что дают заключенным, необыкновенно скучная, от нее кружится голова и появляется глупый смех.

Там, на воле, ужасно. Днем и ночью несчастных людей увозят и разрешают взять с собой только рюкзак и немного денег. Но даже и это у них по дороге отнимают. Семьи разлучают, мужчин, женщин, детей отрывают друг от друга. Дети, приходя домой из школы, не застают своих родителей. Женщины, которые делают покупки, находят по возвращении свой дом опечатанным, а семью исчезнувшей. Уже и голландские христиане боятся — их сыновей отсылают в Германию. Боятся все. И каждую ночь сотни самолетов летят над Голландией в немецкие города и взрывают там землю своими бомбами, и каждый час в России и в Африке гибнут сотни, даже тысячи людей. Никто не может остаться в стороне. Весь земной шар воюет, и, хотя у союзников дела идут лучше, конца еще не видно. А нам, нам живется хорошо, да, лучше, чем миллионам других. Мы пока в безопасности и покое и «проедаем наши деньги». Мы так эгоистичны, что говорим о «после войны», радуемся новой одежде и обуви, а на самом деле надо бы экономить каждый цент, чтобы после войны помочь тем, другим людям и спасти то, что еще можно спасти.

Дети тут ходят в одних тонких блузках, в деревянных башмаках, без пальто, без шапок, без чулок, и никто им не помогает. В желудках у них пусто, они жуют морковь, из своих холодных квартир они выходят на холодные улицы, приходят в школу, в еще более холодный класс. Да, даже в Голландии дошло до того, что дети на улице то и дело цепляются за прохожих и просят кусок хлеба. Я бы могла часами рассказывать тебе об ужасах, которые принесла война, но я сама от этого становлюсь еще более подав-

ленной. Нам ничего другого не остается, как только насколько возможно терпеливо ждать, пока придет конец этим несчастьям. Как евреи, так и христиане ждут, весь земной шар ждет, и многие ждут своей смерти.

Твоя Анна

СУББОТА, 30 ЯНВАРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Я киплю от бешенства, но не должна это показывать, мне хочется топтать ногами, орать, разочек как следует тряхнуть маму, плакать, не знаю, чего бы еще я ей не сделала за жестокие слова, насмешливые взгляды, обвинения, которыми она меня осypает, как стрелами из туго натянутого лука, каждый день заново, и эти стрелы так трудно вытащить из моего тела. Мне хочется крикнуть маме, Марго, Ван Даанам, Дюсселу и папе тоже: «Оставьте меня в покое, дайте мне, в конце концов, одну ночь поспать так, чтобы подушка не становилась мокрой от слез, не резало глаза и голова не трещала. Отпустите меня, я хочу уйти от всех и от всего, лучше всего уйти из мира!» Но я этого не могу, я не могу показать им мое отчаяние, не могу приоткрыть им раны, которые они мне наносят, я не смогла бы вынести их сочувствие и добродушные насмешки, от этого я бы тоже закричала.

Все считают меня жеманной, стоит мне заговорить, смешной, если я молчу, дерзкой, стоит мне ответить, хитрой, если мне в голову придет хорошая идея, ленивой, если я устану, эгоистичной, стоит мне откусить лишний кусок, глупой, трусливой, расчетливой и т. д., т. п. Целый день я не слышу ничего иного, кроме как, что я невьюшимое существо, и, хотя я смеюсь над этим и делаю вид, что мне плевать, все же мне это вовсе не безразлично. Я бы хотела попросить Господа Бога сделать меня другой по натуре, чтобы не восстанавливать против себя всех людей.

Это невозможно, такой я родилась, и не может быть, чтобы я была плохой, я это чувствую. Я стараюсь всем угодить гораздо больше, чем это может прийти им в голову. Я пытаюсь смеяться там у них наверху, потому что не хочу показывать им свои переживания.

Не раз я швыряла маме в лицо после множества несправедливых упреков: «Мне все равно плевать на то, что ты говоришь. Лучше оставь меня, я же безнадежный случай». Конечно, тогда мне говорили, что я вела себя дерзко, и дня два меня немного игнорировали, а потом вдруг все снова забывалось и со мной обращались, как и со всеми остальными.

Мне невозможно один день быть миленькой, а на другой день выплескивать им в лицо свою ненависть. Лучше я выберу «золотую середину», хотя ничего «золотого» в ней нет, и буду держать свои мысли при себе, и попробую хоть раз быть с ними такой же пренебрежительной, как и они со мной. Ах, если б только мне это удалось!

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 5 ФЕВРАЛЯ 1943 г.

Милая Китти!

Я давно не писала тебе ничего о ссорах, но на самом деле ничего не изменилось. Сначала менеер Дюссел трагически воспринимал эти тут же забываемые стычки, но теперь он к ним уже привыкает и не старается более быть в них посредником.

В Марго и Петере нет абсолютно никаких признаков «молодости», оба они такие скучные, спокойные. По сравнению с ними я ужасно выделяюсь, вечно только и слышишь: «Марго и Петер этого тоже не делают, только взгляни на свою милую сестру!» Как мне это противно! Но тебе я признаюсь, что я ни в коем случае не желаю стать такой, как Марго. На мой вкус, она слишком вялая, безразличная, каждому дает себя переубедить и вечно во всем уступает. Я бы хотела быть немного тверже духом! Но подобные теории лучше оставить при себе, они бы меня невероятно высмеяли, если б я выступила с такой самозащитой.

За столом атмосфера зачастую напряженная. К счастью, иной раз взрывы еще утихомириваются благодаря едокам супа. Едоки супа — это все те, кто приходит к нам снизу на чашку супа.

Сегодня за обедом Ван Даан снова отметил, что Марго ест слишком мало. «Наверняка, чтобы сохранить тонкую талию!» — добавил он насмешливым тоном.

Мама, которая всегда горой стоит за Марго, громко сказала: «Вашу глупую болтовню я больше не могу слушать!»

Меффрау покраснела как рак, менеер смотрел перед собой и молчал. Но часто мы над чем-нибудь смеемся. Недавно меффрау несла эдакую великолепную чушь. Она рассказывала о прошлом, о том, как они хорошо ладили с ее отцом, и о том, как много она флиртовала. «И знаете, — продолжала она, — если господин начинает давать волло рукам, говорил мой отец, то надо ему сказать: «Менеер, я дама», тогда он поймет, что ты имеешь в виду». Мы хохотали, как над хорошей шуткой.

Петер, хотя чаще всего он тихий, тоже иногда дает повод для

веселья. К своему несчастью, он помешан на иностранных словах, значения которых не знает. Однажды в полдень из-за посетителей в конторе нельзя было пользоваться уборной, а ему было остро необходимо, и он не спустил воду. Чтобы предупредить нас о не очень-то приятном запахе, он повесил на двери уборной записку с надписью: «SVP* — газ». Он, конечно, хотел написать «осторожно, газ», но «SVP» показалось ему шикарнее. То, что это обозначает «пожалуйста», ему и в голову не пришло.

СУББОТА, 27 ФЕВРАЛЯ 1943 г.

Милая Кимми!

Каждый день Пим ждет вторжения. У Черчилля было воспаление легких, ему постепенно становится лучше. Ганди, индийский борец за свободу, в который раз объявил голодовку.

Мефрау уверяет, что она фаталистка. Но кто больше всех трусит, когда стреляют? Не кто иной, как Петронелла Ван Даан!

Ян принес нам послание епископов к народу, которое оглашают в церквях. Послание было будоражащее, написано замечательно. «Нидерландцы! Не сидите сложа руки. Пусть каждый борется своим оружием за свободу страны, народа и веры! Помогайте, жертвуйте, не поддавайтесь колебаниям!» Это они провозглашают прямо с церковной кафедры. Поможет ли это? Нашим единоверцам, несомненно, нет.

Представляешь, у нас теперь новая неприятность! Владелец этого дома, не предупредив ни Кюглера, ни Клеймана, продал дом. Однажды утром новый хозяин явился с архитектором осматривать дом. К счастью, при этом был Клейман и показал господам все, кроме нашего Заднего Домика. Он якобы забыл дома ключ от внутренней двери. Новый хозяин не стал расспрашивать. Только бы он не вернулся, чтобы все-таки осмотреть Задний Дом, это могло бы для нас плохо кончиться.

Папа освободил для меня и Марго ящик с картотекой и вложил туда карточки, на которых с одной стороны ничего не написано. Это будет нашей книжной картотекой. Ты должна знать, что мы обе записываем названия книг, которые мы прочитали, кем они написаны и дату. Я еще кое-что узнала, слова «бордель» и «кокотка». Я для этого обзавелась особой книжечкой.

Новая система распределения масла и маргарина. Каждому выдают его порцию на тарелке. Распределение очень несправедливое.

* S'il vous plait — пожалуйста (*фр.*).

Ван Дааны, которые всегда готовят завтрак, берут себе в полтора раза больше, чем мы. Мои старички слишком боятся ссоры, чтобы что-либо высказать. А жаль. Я считаю, таким людям надо платить той же монетой.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 4 МАРТА 1943 г.

Милая Китти!

У мейфрау новое имя, мы называем ее миссис Бивербрук. Тебе, конечно, непонятно почему, сейчас я тебе объясню: по английскому радио некий мистер Бивербрук часто говорит о том, что Германию недостаточно бомбят. Мейфрау Ван Даан всегда всем противоречит, даже Черчиллю и службе новостей, но с менеером Бивербруком она полностью согласна. Поэтому мы решили, что лучше всего ей выйти замуж за менеера Бивербрука, и, так как она почувствовала себя этим польщенной, ее уже теперь называют миссис Бивербрук.

У нас будет новый работник склада, прежнего отправляют в Германию. Жалко его, но для нас хорошо, так как новый не знает дома. Мы все еще боимся работников склада.

Ганди снова ест.

Торговля на черном рынке процветает. Мы могли бы есть до ожирения, если б у нас было достаточно денег, чтобы платить баснословные цены. Наш зеленщик покупает картофель у «Вермахта» и в мешках приносит его в директорский кабинет. Он знает, что мы скрываемся, и поэтому всегда приходит аккуратно в обеденный перерыв, когда на складе никого нет.

Мы не можем вздохнуть, чтоб не чихнуть и не закашляться, столько перца пропускают через мельницы. Каждый, кто поднимается наверх, приветствует нас «апчхи». Мейфрау утверждает, что она не ходит вниз, она бы разболелась, если б ей пришлось вдыхать еще больше перца. По-моему, у папы вовсе не приятная фирма, ничего, кроме желатина и острого перца. Если кто-то торгует продуктами, то надобно ведь и что-нибудь сладкое иметь! Сегодня утром вновь над моей головой гремели, словно гроза, ругательства, и, будто вспышки молнии, в моих ушах звенели слова о том, какая «Анна плохая», «Ван Дааны хорошие». «Donderwetterwetter!»*

Твоя Анна

*Черт побери! (*искаж. нем.*)

Милая Китти!

Вчера вечером у нас было короткое замыкание, кроме того, пальба не прекращалась. Я еще не отучилась от страха при всякой стрельбе и звуке пролетающих самолетов и почти каждую ночь лежу в постели у папы, чтобы успокоиться. Возможно, я веду себя как ребенок, но если бы ты сама разок такое испытала! Орудия так грохочут, что не слышишь собственных слов. Миссис Бивербрук, фаталистка, чуть не заплакала и говорила очень робким голосом: «О, как это неприятно, о, как громко они стреляют!» — и это означало: «Мне так страшно!»

При свечах казалось еще не так страшно, как потом, когда стало совсем темно. Я дрожала, будто у меня поднялась температура, и умоляла папу опять зажечь свечку. Он был неумолим, свет не зажгли. Вдруг застрочили пулеметы, это еще в десять раз страшнее, чем пушки. Мама вскочила с постели и, к великому раздражению Пима, зажгла свечу. Ее решительный ответ на его ворчание был: «Анна ведь не старьей солдат!» И на этом баста!

Рассказывала ли я тебе о других страхах мейфрау? Кажется, нет. Чтобы быть в курсе всех происшествий Убежища, надо тебе знать и это. Однажды ночью мейфрау слышала на чердаке воров, ей послышались очень тяжелые шаги, и она так испугалась, что разбудила мужа. Как раз в этот момент воры исчезли, и все, что услышал менеер, было громкое биение испуганного сердца фаталистки.

— Ох, Путти (ласкательное имя менеера), они наверняка забрали колбасы и все наши бобовые. А Петер! Ох, Петер, лежит ли он еще в своей постели?

— Петера они уж точно не украли. Не трусь и дай мне поспать!

Но не тут-то было! Мейфрау со страху больше не могла уснуть.

Несколько ночей спустя всю верхнюю семью разбудил таинственный шум. Петер с карманным фонариком пошел на чердак и — тррррр! — кто убежал? Стая больших крыс!

Узнав, кто эти воры, мы оставили Муши спать на чердаке, и непрошенные гости больше не показываются... во всяком случае ночью.

Несколько дней назад, вечером, Петер поднялся на чердак за старыми газетами (было только полвосьмого и еще светло). Чтобы слезть с лестницы, ему надо было крепко держаться за лок. Не глядя, он положил руку... и чуть не упал с лестницы от боли и страха. Оказалось, он положил руку на большую крысу, которая

сильно укусила его. Рукав пижамы насквозь промок от крови, когда он, бледный как полотно и с трясущимися коленками, появился у нас. Ничего удивительного. Не так приятно погладить большую крысу, а в придачу еще и быть укушенным — это чудовищно.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 12 МАРТА 1943 г.

Милая Китти!

Разреши тебе представить: Мама Франк, борец за права детей! Лишняя порция масла для молодых, проблемы современной молодежи — во всем мама заступает за молодежь и после дозы препирательств почти всегда добивается своего.

Испортилась банка консервированных языков — пир для Муши и Моффи*.

Ты еще не знакома с Моффи, а между тем она была в фирме до того, как мы стали скрываться. Она живет при конторе и складе и на складе пугает крыс. Ее политическое прозвище тоже легко объяснить. Одно время у фирмы «Хис и К^о» было две кошки, одна для склада, другая для чердака. Стоило им встретиться друг с другом, как обязательно начиналась страшная потасовка. Та, что на складе, всегда нападала, но чердачная в конце концов все же выходила победительницей. Точно как в политике. Поэтому и прозвали складскую кошку Немец, или Моффи, а чердачную Англичанин, или Томми. Томми потом усыпили, а Моффи служит нам всем развлечением, когда мы спускаемся вниз.

Мы съели так много бобов и фасоли, что я их больше видеть не могу. Стоит мне только о них подумать, как меня уже тошнит.

Вечернюю выдачу хлеба совсем отменили.

Только что папочка сказал, что у него плохое настроение. У него снова такие грустные глазки, бедный мой папочка!

Я просто не могу оторваться от семейного романа «*Стук в дверь*» Ины Будье-Баккер. Книга необычайно хорошо написана, правда, что касается войны, писателей или женской эмансипации, не так хорошо, но, откровенно говоря, это меня мало интересует.

Ужасные налеты бомбардировщиков на Германию. Менеер Ван Даан в плохом настроении. Повод: недостаток курева.

Дискуссия насчет того, съесть или не съесть консервы, решена в пользу нашей стороны.

Мне не лезут больше ни одни ботинки, кроме высоких лыжных,

* Моф — пренебрежительное название немцев в Нидерландах.

в которых ходить по дому страшно неудобно. Пара соломенных сандалий за 6.50 гульденов продержалась всего неделю, после чего они отказались служить. Может быть, Мип раздобудет что-нибудь на черном рынке. Мне надо еще подстричь папе волосы. Пим уверяет, что никогда не будет после войны ходить к другому парикмахеру — так хорошо я выполняю эту работу. Если б только я не так часто прихватывала его ух!

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 18 МАРТА 1943 г.

Милая моя Kimm!

Турция вступила в войну. Все в большом волнении. С нетерпением ждем сообщений по радио.

ПЯТНИЦА, 19 МАРТА 1943 г.

Милая Kimm!

Уже через час последовало разочарование и рассеяло радость. Турция еще не вступила в войну. Их министр говорил только о скором отказе от нейтралитета. На Даме* стоял продавец газет и кричал: «Турция на стороне Англии!» Газеты шли нарасхват. Таким образом радостный слух дошел и до нас.

Кредитки в тысячу гульденов объявлены недействительными. Это настоящая петля для спекулянтов и им подобных, но еще больше для тех, кто скрывается или у кого есть «черные» деньги. Если хочешь обменять тысячегульденую купюру, надо точно объяснить и предъявить доказательства — откуда ты ее взял. Пока что еще можно ими платить налоги, но и это только до следующей недели. Купюры в пятьсот гульденов будут аннулированы одновременно. У «Хис и Ко» были еще «черные» тысячегульденные купюры, они оплатили налоги на долгое время вперед, таким образом все сошло.

Дюссел получил педальную бормашинку, и скоро наступит моя очередь серьезного осмотра.

Дюссел ужасно непослушен в соблюдении правил для нелегалов. Он не только пишет письма своей жене, но и состоит в любезной переписке с различными другими людьми. Он заставляет Марго, учительницу голландского в Убежище, исправлять эти письма. Папа строго запретил ему продолжать это дело. Исправления

* Центральная площадь в Амстердаме.

Марго прекратились, но я думаю, что он в скором времени снова начнет писать.

Фюрер всех немцев выступал перед ранеными солдатами. Это было грустно слушать. Вопросы и ответы следовали примерно таким образом:

— Меня зовут Генрих Шеппель.

— Где ранен?

— Под Сталинградом.

— Какие ранения?

— Отморожены две ступни и перелом сустава левой руки.

Так, дословно, радио передавало нам этот отвратительный ма-рионеточный театр. Казалось, будто раненые гордятся своими увечьями, чем больше, тем лучше. А один от волнения, что он мог подать фюреру руку (в том случае, если она у него еще была), слова почти не мог вымолвить!

Я уронила душистое мыло Дюссела на пол. Я наступила на него, и теперь целый кусок выдавлен. Я уже попросила заранее у папы возместить ему ущерб, тем более что Дюссел получает не более одного куска мыла в месяц.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 25 МАРТА 1943 г.

Милая Китти!

Вчера вечером мама, папа, Марго и я мирно сидели друг с другом, как вдруг вошел Петер и стал что-то шептать папе на ухо. Я услышала что-то вроде «на складе упала бочка» и «кто-то трясет дверь».

Марго тоже так поняла, но пыталась меня немного успокоить, потому что я, конечно, побелела как мел и ужасно нервничала. Мы втроем ждали; между тем папа ушел с Петером вниз. Не прошло и двух минут, как явилась меффрау Ван Даан, которая внизу слушала радио, она рассказала, что Пим попросил ее выключить приемник и потихоньку уйти наверх. Но когда хочешь ступать очень тихо, то ступеньки старой лестницы как раз скрипят вдвое громче. Прошло еще пять минут, пока пришли Петер и Пим, оба бледные до кончика носа, и рассказали нам о своих приключениях.

Они сели внизу у лестницы и стали ждать, безрезультатно. Но вдруг, представь себе, услышали два громких удара, как будто здесь в доме хлопнули две двери. Пим одним прыжком оказался наверху. Петер предупредил Дюссела, который после долгой возни и шуршания наконец тоже появился наверху. Тут мы все в одних чулках поднялись этажом выше к Ван Даанам. Менеер был страшно про-

стужен и уже лежал в постели, так что мы все собрались вокруг его ложа и шепотом делились своими подозрениями. Всякий раз, когда менеер сильно кашлял, я и мейфра думали, что нас хватит удар от страха. Это продолжалось до тех пор, пока кому-то из нас не пришла в голову блестящая идея дать ему кодеин. Кашель тут же успокоился.

Мы снова ждали и ждали, но больше ничего не было слышно, и тогда мы все предположили, что воры, услышав шаги в доме, обычно таком тихом, дали деру. К несчастью, радиоприемник внизу был все еще настроен на английскую станцию, да и вокруг него были аккуратно расставлены стулья. Если дверь взломана и это заметит противовоздушная оборона и предупредит полицию, то последствия могут быть весьма неприятные. Так что менеер Ван Даан встал, надел брюки, пальто, шляпу и следом за папой очень осторожно спустился по лестнице, за ним — Петер, который на всякий случай вооружился тяжелым молотком. Дамы наверху (в том числе и мы с Марго) ждали в тревоге, пока через пять минут господ не появились наверху и не рассказали, что в доме все тихо. Было договорено, что мы не будем ни открывать кран, ни спускать воду в уборной, но так как от волнения почти у всех жителей дома прихватило желудка, то ты можешь себе представить, какая там стояла вонь, когда мы все друг за дружкой сделали свое дело.

Но, как говорится, беда никогда не приходит одна. Так и теперь. Номер 1 было то, что часы на Вестерторен не играли, а ведь это меня обычно так успокаивало. Номер 2 было то, что менеер Фоскэйл вчера вечером ушел раньше и мы не знали точно, удалось ли Беп завладеть ключом и не забыла ли она запереть дверь.

Но сейчас это было не так важно, все еще был вечер, и мы оставались в неизвестности, хотя все же немного пришли в себя, так как примерно с четверти девятого, когда в наш дом забрался вор, до половины одиннадцатого больше ничего не слышали. Так что при ближайшем рассмотрении нам показалось маловероятным, чтобы вор взломал дверь так рано вечером, когда на улице еще могут быть прохожие. Кроме того, одному из нас пришло в голову, что вполне возможно, мастер на соседнем складе фирмы «Кех» еще работал, а ведь находясь в состоянии тревоги и при наших тонких стенках можно запросто ошибиться в звуках, да еще и воображение в подобных рискованных случаях играет часто немаловажную роль.

Так что мы пошли спать, но не всем удалось заснуть. Папа, как и мама и менеер Дюссел, часто просыпался, а про себя могу сказать, хоть и с небольшим преувеличением, что не сомкнула глаз. Сегодня утром господ спустились вниз и подергали входную дверь, чтобы убедиться, закрыта ли она еще. Но все было в порядке!

Происшествия, далеко не из приятных, были, конечно, рассказаны всей конторе в красках, ведь какое-то время спустя можно легко посмеяться над такими вещами, и только Беп приняла все всерьез.

Твоя Анна

P.S. Сегодня утром засорилась уборная, и папе пришлось длинной деревянной палкой выковыривать из унитаза все клубничные рецепты (в настоящее время — наша туалетная бумага) с несколькими килограммами какашек. Палку потом сожгли.

СУББОТА, 27 МАРТА 1943 г.

Милая Китти!

Курс стенографии закончен, теперь мы начинаем практиковаться на скорость. Какими мы становимся умниками! Чтобы поведать тебе еще кое-что о моих «убивающих дни занятиях» (называю их так потому, что мы не делаем ничего иного, как стараемся возможно быстрее скоротать дни, чтобы приблизить конец нашего пребывания в Убежище). Я обожаю мифологию и особенно увлекаюсь греческими и римскими богами. Тут считают, что это временное увлечение; они еще никогда не слыхали о подростке — почитательнице богов. Ну что ж, тогда я первая!

Менеер Ван Даан простужен, или, лучше сказать, у него немного першит в горле. Он из этого делает неизвестно что. Полоскания с ромашковым отваром, нёбо смазывает настойкой мирры, эвкалиптовый бальзам на грудь, нос, зубы, язык, и к тому же он еще не в духе!

Раутер, один из крупных мофов, произнес речь: «Все евреи до первого июля должны покинуть германские земли. С первого апреля до первого мая будет очищена провинция Утрехт (как будто речь идет о тараканах), с первого мая до первого июня — провинции Северная и Южная Голландия». Как стадо бедной, больной, брошенной скотины, гонят этих несчастных людей в грязные места убоя. Но лучше я об этом помолчу, собственные мысли доводят меня только до кошмаров!

Еще одна приятная новость: немецкий отдел биржи труда поврежден пожаром. Через несколько дней последовал загс. Мужчины в форме немецкой полиции связали охрану, и таким образом были свистнуты важные документы.

Твоя Анна

Милля Китти!

Настроение вовсе не для шуток (смотри дату), напротив, сегодня я вправе применить поговорку: пришла беда — отвори ворота.

Во-первых, у нашего увеселителя менеера Клеймана вчера началось тяжелое желудочное кровотечение, и ему по крайней мере три недели придется лежать в постели. Надо тебе знать, что он часто страдает желудочными кровотечениями, против чего, похоже, ничего не помогает. Во-вторых, у Беп грипп. В-третьих, менеер Фоскэйл на следующей неделе ложится в больницу. Наверно, у него язва желудка и ему предстоит операция. И в-четвертых, из Франкфурта приехали директора фирмы «Помозин», чтобы обсудить новые поставки «Опекты». Все пункты этого обсуждения папа обговорил с Клейманом, в такой короткий срок Кюглер не мог быть как следует проинформирован.

Франкфуртские господа прибыли, папа уже заранее трясся по поводу результатов переговоров. «Если бы я мог при этом присутствовать, ах, если бы мне можно было быть внизу!» — выкрикивал он.

«Тогда иди и ложись на пол, прижми к полу ухо. Ведь господа придут в директорский кабинет, и ты все сможешь услышать». У папы лицо прояснилось, и вчера в половине одиннадцатого утра Марго и Пим заняли свой пост на полу (два уха услышат больше, чем одно). Утром переговоры не кончились, а днем папа был уже не в состоянии продолжать операцию подслушивания. Его разбило от непривычной и неудобной позы. В половине третьего, когда мы слышали голоса в коридоре, я заняла его место. Марго составила мне компанию. Разговор был порою такой затянутый и скучный, что вдруг я заснула на жестком, холодном линолеуме. Марго не рещалась меня толкнуть, опасаясь, что внизу нас услышат, а окликнуть было совсем невозможно. Я проспала добрых полчаса, потом в ужасе проснулась, забыв все из важных переговоров. К счастью, Марго была внимательнее.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 2 АПРЕЛЯ 1943 г.

Милля Китти!

Ах, список моих грехов опять пополнился чем-то ужасным. Вчера вечером я лежала в постели и ждала, когда папа придет ко мне помолиться и сказать «спокойной ночи», и тут вошла мама, села ко мне на постель и спросила очень робко:

— Анна, пока папочка не придет, не помолиться ли нам с тобой?

— Нет, Манса, — ответила я.

Мама встала, постояла около моей постели, а потом медленно пошла к дверям. Вдруг она обернулась и с искаженным лицом проговорила:

— Я не хочу на тебя сердиться, насильно любить не заставишь!

Когда она выходила за дверь, в ее глазах стояли слезы. Я не пошевелилась и сразу почувствовала, как было подло с моей стороны так грубо оттолкнуть ее, но я знала, что иначе не могла. Я не могу так лицемерить и против воли молиться с ней, просто не могу! Я сочувствовала маме, очень глубоко сочувствовала, потому что первый раз в жизни я заметила, что мое холодное отношение ей не безразлично. Я увидела печаль на ее лице, когда она сказала, что насильно любить не заставишь. Говорить правду — жестоко, но ведь она сама оттолкнула меня от себя, она сама сделала меня бесчувственной ко всяким проявлениям ее любви ко мне своими бестактными замечаниями, грубыми шутками над теми вещами, которые я воспринимаю вовсе не как шутки. Так же как каждый раз все сжимается во мне от ее жестких слов, так сжалось сердце у нее, когда она поняла, что любовь между нами на самом деле исчезла.

Она полночи проплакала и всю ночь плохо спала. Папа на меня не смотрит, а когда взглянет, я читаю в его глазах: «Как ты могла быть такой злой, как ты смеешь доставлять матери такие огорчения!»

Все ждут, чтобы я извинилась, но на этот раз я не могу просить прощения, потому что я сказала только правду и рано или поздно мама все равно должна узнать об этом. Я кажусь — и так оно и есть — равнодушной к маминым слезам и папиным взглядам, потому что они оба впервые столкнулись с тем, что у меня не выходит из головы. Могу только посочувствовать маме, которая сама должна решить, как ей держать себя. Я же буду молчать, останусь холодна и впредь не буду отступать от правды, потому что чем дольше скрываешь правду, тем труднее ее услышать!

Твоя Анна

ВТОРНИК, 27 АПРЕЛЯ 1943 г.

Милая Китти!

Весь дом содрогается от ссоры. Мама и я, Ван Даан и папа, мама и мефрау — все друг на друга злятся. Приятная атмосфера, а? Список Аннинных грехов, как обычно, обсуждался по всем пунктам.

В прошлую субботу иностранные господа снова прибыли в гости. Они остались до шести часов, мы все сидели наверху и не смели пошевеливаться. Когда в доме никого больше нет или поблизости никто не работает, то в директорском кабинете слышен каждый шаг. У меня опять сидячая лихорадка, сидеть подолгу тихо, как мышка, в самом деле не шутка.

Менеер Фоскёйл уже лежит в больнице Бинненхастхёйс, а менеер Клейман снова в конторе, желудочное кровотечение остановилось быстрее, чем обычно. Он рассказал, что загс еще больше изуродован пожарной командой, которая, вместо того чтобы тушить огонь, залила водой все здание. Это меня радует!

«Карлтон-отель» разрушен. Два английских самолета с большим грузом зажигательных бомб на борту налетели прямо на «Officersheim»*. Весь угол Вейзелстраат-Сингел сгорел. Воздушные налеты на немецкие города усиливаются с каждым днем. Ночью мы больше не знаем покоя, у меня под глазами черные круги оттого, что я не высыпаюсь.

Еда у нас никудышная. На завтрак сухой хлеб и суррогатный кофе. На обед уже четырнадцать дней шпинат или салат. Картофелины двадцать сантиметров длиной, гнилые и сладкие на вкус. Кто хочет похудеть, побывайте в Убежище! Верхние горько жалуются, нам это кажется не такой уж трагедией.

Всех мужчин, которые воевали в 1940-м или были мобилизованы, призывают, чтобы работать на фюрера в лагерях для военнопленных. Это, наверное, мера предосторожности на случай высадки союзников!

Твоя Анна

СУББОТА, 1 МАЯ 1943 г.

Милая Kimmil!

У Дюссела был день рождения. До сих пор он делал вид, будто об этом ничего знать не желает, но, когда Мип пришла с большой продуктовой сумкой, из которой вываливались пакетики, он заволновался, как маленький ребенок. Его Лотье прислала ему яйца, масло, печенье, лимонад, хлеб, коньяк, пряник, цветы, апельсины, шоколад, книги и почтовую бумагу. Он соорудил праздничный стол, который целых три дня был выставлен напоказ, этот старый дурак! Не подумай, что он голодает, мы нашли в его шкафу хлеб, сыр, джем и яйца. Это позор в высшей степени, что он, принятый нами

* «Офицерский клуб» (нем.).

здесь с такой любовью и только затем, чтобы спасти его от гибели, теперь набивает брюхо за нашей спиной и ничем не делится. Мы же всем с ним поделились! Еще более мерзко, по-нашему, выглядит его мелочность и по отношению к Клейману, Фоскёйлу и Бел, им ничего от него не достается. Апельсины, которые так необходимы Клейману для его больного желудка, по мнению Дюссела, не менее полезны для его собственного желудка.

Сегодня ночью я четыре раза вынуждена была собирать все мои пожитки, так громко пуляли. Сегодня я сунула в чемоданчик самые необходимые на случай бегства причиндалы. Но правильно говорит мама: «Куда же ты убежишь?»

Целая Голландия наказана за забастовку множества рабочих. Поэтому ввели осадное положение, и каждый получит одним талоном на масло меньше. Какие детки непослушные!

Вчера вечером я помыла маме голову, это в наше время тоже не так просто. Мы вынуждены обходиться липким зеленым мылом, потому что шампунь кончился, и, во-вторых, Манс не может как следует расчесать свои волосы, так как на семейной гребенке не более десяти зубцов.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2 МАЯ 1943 г.

Когда я обдумываю, как мы здесь живем, то чаще всего прихожу к выводу, что по сравнению с другими евреями, которые не скрываются, мы живем как в раю, но что потом, когда все снова встанет на свои места, я все же буду удивляться, как мы, которые раньше так аккуратно содержали дом, до такой степени, да, вполне можно так сказать, опустились. Опустились в том, что касается наших манер. Например, с того времени, что мы здесь, на нашем столе одна и та же клеенка, которая от постоянного употребления стала очень грязной. Я часто пытаюсь хоть немного привести ее в порядок тряпкой, в которой столько дыр, что ее уже и тряпкой-то не назовешь, новой она была давным-давно, задолго до того, как мы стали скрываться; но как усердно ни три стол, все же не очень-то многого добьешься. Ван Дааны всю зиму спят на фланелевой простыне, которую здесь выстирать невозможно, потому что стиральный порошок, по карточкам, слишком большая редкость, и, кроме того, он никуда не годится. Папа ходит в обтрепанных брюках, и галстук его тоже говорит об износе. Мамин корсет сегодня лопнул от старости, и починить его больше нельзя, а Марго носит бюстгальтер, который мал ей на два номера. Мама и Марго всю зиму проносили на двоих три рубашонки, а мои мне так малы, что даже до пупа не

достають. Это еще терпимо, но все же я иногда с ужасом думаю: как мы сможем, износив все, от моих трусов и до папиной бритвенной кисточки, когда-нибудь в дальнейшем снова достичь прежнего довоенного положения?

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2 МАЯ 1943 г.

Настроения в Убежище по поводу войны.

Менеер Ван Даан. Этот уважаемый господин отличается, по нашему общему мнению, глубоким пониманием политики. Но все же предсказывает нам, что мы вынуждены будем пребывать здесь до конца 43-го. Это ужасно долго, но все же выдержать можно. Но кто даст нам гарантию, что эта война, никому не приносящая ничего иного, кроме ущерба и горя, тогда закончится? И кто даст нам гарантию, что с нами и нашими сожителями по Убежищу к тому времени не произойдет чего-нибудь? Абсолютно никто! И потому мы живем в каждодневном напряжении. В напряжении от ожидания и надежды, но также и от страха, когда слышим звуки в доме или на улице, когда ужасно стреляют или когда в газете печатают новые «объявления», потому что каждый день может произойти и такое, что некоторые из наших помощников вынуждены будут сами здесь скрываться. «Скрываться» стало самым обычным словом. Какая масса людей скрывается; в соотношении со всем населением их, конечно, не много, и все же в будущем мы точно будем удивлены, узнав, как много в Голландии хороших людей, которые взяли к себе евреев и христиан-беженцев, с деньгами или без них. А еще невероятно сколько людей, по слухам, имеет фальшивые документы.

Мефрау Ван Даан. Когда эта прекрасная (лишь по ее мнению) дама услышала, что не так трудно, как прежде, обзавестись фальшивым документом, она тут же предложила сделать это каждому из нас. Будто это ничего не стоит и деньги растут у папы и менеера Ван Даана в кармане. Мефрау Ван Даан постоянно несет самую великую чушь, и Пугги часто выходит из себя. Но это легко себе представить, потому что один день Керли говорит: «Я в будущем покрещусь», а на другой день: «Я давно мечтаю попасть в Иерусалим, ведь только среди евреев я чувствую себя в своей тарелке!»

Пим большой оптимист, но он всегда находит для этого причину.

Менеер Дюссел выдумывает что ни попадя, а если кто-то вздумает противоречить его светлости, то не на того напали. Я думаю,

дома у менеера Альфреда Дюссела правило: что он скажет, то и закон. Но к Анне Франк это правило совершенно не подходит.

Что же думают о войне другие обитатели Убежища, не интересно. Только эти четверо принимаются в расчет в политике, даже, скорее всего, двое, но мадам Ван Даан и Дюссел сами себя причисляют к ним.

ВТОРНИК, 18 МАЯ 1943 г.

Милая Кит!

Я была свидетельницей упорного воздушного боя между немецкими и английскими летчиками. К сожалению, нескольким союзникам пришлось выпрыгнуть из горящих машин. Наш молочник, который живет в Халфвех, увидел сидящих возле дороги четырех канадцев, один из них свободно говорил по-голландски. Он попросил у молочника прикурить и рассказал, что экипаж их машины состоял из шести человек. Пилот сгорел, а пятый их товарищ где-то спрятался. Появилась Зеленая полиция* и забрала всех четверых, целых и невредимых. Как это возможно, после такого великолепного спуска с парашютом проявить такое присутствие духа!

Хотя стало тепло, нам приходится через день топить печки, чтобы сжечь очистки и мусор. В помойные ведра ничего бросать нельзя, потому что мы все время должны опасаться складского рабочего. Как легко самая маленькая неосторожность может нас выдать!

Всем студентам надо подписать выданный властями лист о том, что они «симпатизируют всем немцам и расположены к новой власти». Восемьдесят процентов и не подумали идти против совести и отказаться от своих убеждений, но последствия не заставили себя ждать. Всех студентов, которые не подписались, отправляют в Германию на принудительные работы. Что же останется от голландской молодежи, если все должны выполнять тяжелую работу в Германии?

Из-за слишком сильной пальбы мама сегодня ночью закрыла окно; я была в кровати у Пима. Вдруг над нашей головой мэфрау прыгнула со своей кровати, будто ее укусила Мушси; тут же последовал сильный удар. Звук был, словно у моей кровати упала зажигательная бомба. Я закричала: «Свет! Свет!»

Пим щелкнул выключателем. Я была уверена, что комната через две минуты запылает. Ничего не произошло. Мы все поспешили наверх посмотреть, что там случилось. Менеер и мэфрау уви-

* Части полиции, охотившиеся за евреями.

дели в открытое окно зарево, менеер решил, что горит тут, рядом, а мефрау подумала, что пламя охватило наш дом. Когда раздался удар, мадамочка уже стояла на своих трясущихся ногах.

Дюссел остался наверху курить сигарету, мы снова залезли в постели. Не прошло и четверти часа, как опять возобновилась стрельба. Мефрау тут же поднялась с кровати и сошла по лестнице в комнату к Дюсселу, ища у него успокоения, которого ей не дано было найти у своего супруга. Дюссел принял ее со словами: «Иди ко мне в постель, моя детка!»

От этого мы разразились безудержным смехом. Орудийные залпы были нам уже ничем, страх как ветром дуло.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 ИЮНЯ 1943 г.

Милая Китти!

Папино стихотворение к моему дню рождения очень уж красиво, так что я не могу не поделиться с тобой.

Марго пришлось сделать перевод, потому что Пим сочиняет по-немецки. Решай сама, не прекрасно ли Марго выполнила свою добровольную работу. После общепринятого короткого изложения происшествий этого года следует:

Уже не ребенок — и все же всех младше,
И от досады ты чуть не плачешь.
Ведь каждый хочет тебя учить.
«Смотри на меня», «Мы прожили жизнь.
И знаем лучше, что к чему,
Следуй же опыту моему».
Да, да, так длится не день, не год.
Свои недостатки видит ли кто?
В своем глазу не видать бревна.
Соломинка же в чужом — видна.
Совсем не легко родителем быть
И справедливо судить и рядить.
Но как избежать тебе нареканий,
Живя бок о бок со стариками?
Во имя мира — нравученья
Глотай, как таблетки глотаешь с мученьем.
Но месяцы здесь не пропали зря,
Сама ты не избегала труда.
В занятиях ты ни на миг не скучала,
Училась много и книги читала.

Но нету труднее для нас вопроса —
Одеждам твоим вышло время сноса.
«Что ни надену, мне все мало,
Совсем разодралось мое белье.
Брюки малы, до пула рубашка,
Обувь давно уже просит кашки».
Шутка ли? На десять сантиметров
Выросла ты за зиму и лето.

Кусок на тему о еде Марго не смогла перевести в рифму, и поэтому я его вообще выкинула. Не правда ли, красивое стихотворение?

Вообще меня ужасно избаловали — я получила очень красивые вещи. В том числе толстую книгу о моем любимом предмете, мифологии Греции и Рима. На недостаток сладостей тоже пожаловаться не могу, каждый дал что-то из своих последних запасов. Как младшего отпрыска из семьи нелегалов, меня в самом деле почтили более, чем я заслужила.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 15 ИЮНЯ 1943 г.

Милая Китти!

Случилось много всего, но я часто думаю, что своей неинтересной болтовней я тебе уже страшно надоела и что ты была бы рада получать поменьше писем. Так что передам тебе новости вкратце.

Менееру Фоскэйлу не оперировали желудок. Когда его положили на операционный стол и открыли желудок, то доктора увидели, что у него рак в опасной для жизни форме, запущенный настолько, что оперировать уже нечего. Поэтому его снова зашили, три недели держали в постели, давали хорошую пищу, а потом отправили домой. Но при этом они совершили непростительную глупость, а именно — этому бедному человеку рассказали в подробностях, что ему предстоит. Он больше не в состоянии работать, сидит дома в окружении своих восьмерых детей и мучается мыслями о предстоящей смерти. Я ему невероятно сочувствую и ужасно сожалею, что нам нельзя выходить, иначе я бы непременно его часто навещала, чтоб его развлечь. Для нас катастрофа, что добрый Фоскэйл не может больше сообщать нам обо всем, что происходит на складе и что там слышно. Он был нашим лучшим помощником и поддержкой, всегда предупреждал нас об опасности, нам его страшно не хватает.

В следующем месяце наша очередь сдавать радиоприемник. У Клеймана припрятан дома маленький приемничек, который мы

получим взамен большого «Филипса». Жаль, конечно, что придется сдать этот красивый ящик, но дом, в котором скрываются, не должен ни в коем случае добровольно накликать на себя гнев властей. Маленькое радио мы, конечно, поставим наверху. У прячущихся евреев со спрятанными деньгами может быть припрятано и радио.

Все пытаются найти старый аппарат, чтобы сдать его вместо своего «источника поддержки духа». Это на самом деле так, если известия извне становятся все хуже, то радио своим удивительным голосом помогает нам не терять мужество и каждый раз снова говорить: «Выше голову, не падай духом, еще настанут другие времена!»

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 ИЮЛЯ 1943 г.

Дорогая Китти!

Чтобы уже в который раз вернуться к теме воспитания, скажу тебе, что я очень стараюсь быть услужливой, приветливой и милой и все делать таким образом, чтобы ливень наставлений превратился в морозящий дождик. Это чудовищно трудно — быть такой примерной с людьми, которых ты не выносишь. Но я на самом деле вижу, что я большего добиваюсь, когда чутьчку лицемерю, вместо того чтобы по привычке всем напрямик высказать свое мнение (хотя никто меня никогда о моем мнении не спрашивает или не дорожит им). Конечно, я очень часто выхожу из роли и не могу сдержать гнев при виде несправедливости; таким образом, снова по четыре недели болтают о самой наглой девочке на свете. Тебе не кажется, что меня иногда можно пожалеть? Хорошо хоть, что я не брюзга, иначе бы скисла и не сумела бы сохранять хорошее настроение. Обычно я ищу во взбучках юмористическую сторону, но это мне лучше удастся, если осыпают бранью кого-нибудь другого, чем если я сама становлюсь жертвой.

Далее я решила (это стоило мне долгих размышлений) пока что забросить стенографию. Во-первых, чтобы еще больше времени уделить моим другим занятиям, а во-вторых, из-за моих глаз, ведь с ними страшная беда. Я стала жутко близорукой, и мне уже давно нужно бы носить очки. (Ой, как я буду похожа на сову!) Но ты ведь знаешь, в укрятии это...

Вчера в доме только и было разговоров что о глазах Анны, потому что мама предложила послать меня с мейфрау Клейман к главному врачу. При этом сообщении у меня слегка затряслись ноги,

ведь это же не мелочь. На улицу! Подумай только: на у-ли-цу! Это представить себе невозможно. Сначала я испугалась до смерти, а потом обрадовалась. Но это было не так просто, потому что не все инстанции, решающие подобный шаг, так сразу с этим согласились. Сначала надо было взвесить все трудности и опасности, хотя Мип хотела тут же пойти со мной. Я даже вынула из шкафа свое серое пальто, но оно было мне так мало, будто это было пальто моей младшей сестры. Подол отпустили, а застегнуть пальто было невозможно. Мне на самом деле любопытно, что из этого выйдет, но я не думаю, что этот план осуществится, потому что англичане тем временем высадились в Сицилии и папа снова настроился на «скорый конец».

Беп дает нам с Марго много конторской работы. Мы обе считаем это важным, и ей это очень помогает. Разложить корреспонденцию и сделать записи в книге расходов может всякий, но мы делаем это особенно добросовестно.

Мип в точности как выючный ослик, который вечно что-нибудь таптит. Почти каждый день она где-то достает овощи и привозит все в больших продуктовых сумках на велосипеде. Она же каждую субботу приносит пять книг из библиотеки. Мы всегда с нетерпением ожидаем субботы, потому что тогда прибывают книги. Точь-в-точь как маленькие дети ждут подарка. Обычные люди не знают, как много значат книги для заточенного. Чтение, учеба и радио — вот наши единственные развлечения.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 13 ИЮЛЯ 1943 г.

Любимый Столик

Вчера днем я с папиного согласия спросила Дюссела, не будет ли он так любезен и не станет ли он возражать (все же ужасно вежливо), если я буду пользоваться нашим столиком два раза в неделю днем с четырех до половины шестого. Сейчас я уже сижу там каждый день с половины третьего до четырех, пока Дюссел спит, а в остальное время и комната, и столик становятся запретной зоной. В нашей общей комнате днем слишком много народу, там невозможно работать, а кроме того, папа тоже иной раз хочет поработать за письменным столом.

Так что повод был законный, и задала я вопрос только из чистой вежливости. Что же, ты думаешь, ответил высокоученый Дюссел? «Нет!» Напрямик: «нет», и все тут. Я была возмущена и так легко не отступилась, а спросила его, на каком основании он мне

отказывает. Но тут уж мне не поздоровилось. Слушай, какой последовал залп:

— Мне тоже нужно работать. Если я не смогу заниматься днем, то у меня вообще не останется времени. Я должен закончить «репшиш»*, иначе зачем было начинать? Ты все равно не занимаешься серьезно, что за работа, эта мифология, вязать и читать — тоже не работа. Столик мой, и я его тебе не уступлю!

Я ответила:

— Менеер Дюссел, работа моя вполне серьезна. В общей комнате я днем не могу работать и по-хорошему прошу вас подумать еще раз о моей просьбе!

С этими словами оскорбленная Анна повернулась и сделала вид, что высокоученый доктор пустое место. Я кипела от бешенства, считала Дюссела ужасно невоспитанным (он такой и есть), а себя очень вежливой.

Вечером, как только мне удалось ненадолго поймать Пима, я рассказала ему, как прошел разговор, и мы обсудили, что мне теперь делать дальше, ведь сдаваться мне, конечно, не хотелось, и я предпочитала уладить дело сама. Пим примерно объяснил мне, с какого конца взяться за дело, но уговаривал подождать до завтра, потому что я была взвинчена. Его последний совет я пропустила мимо ушей и вечером после мытья посуды подстерегла Дюссела. Пим сидел в комнате за стеной, и это придавало мне спокойствие.

Я начала:

— Менеер Дюссел, вероятно, вы не сочли нужным лучше обдумать дело, я все-таки прошу вас об этом.

Со своей милейшей улыбочкой Дюссел заметил:

— Я всегда и в любое время готов побеседовать на эту уже решенную тему!

Тут я продолжила разговор, то и дело перебиваемая Дюсселом.

— Вначале, когда вы сюда пришли, было договорено, что эта комната будет принадлежать нам обоим. Таким образом, если разделение правильное, то вы должны были бы работать по утрам, а я весь оставшийся день! Но я даже этого не прошу, и мне кажется, что в таком случае два раза в неделю днем будет вполне справедливо.

При этом Дюссел вскочил как ужаленный.

— О праве ты здесь вообще не рассуждай! Куда же мне тогда деваться? Придется просить менеера Ван Даана, может быть, он выпородит мне на чердаке уголок, чтоб я мог там сидеть. Мне же негде работать спокойно. С тобой никто не может жить в мире.

* Диссертация (лат.).

Если бы меня об этом же попросила твоя сестра Марго, у которой на такую просьбу куда больше оснований, я бы и не подумал отказывать, но ты...

И тут последовало вновь про мифологию, про вязание, и Анна была снова обижена. Однако я не показала виду и дала Дюсселу выговориться:

— Но конечно, с тобой вообще говорить нечего, ты скандальная эгоистка, тебе лишь бы настоять на своем, а остальные пусть подвигнутся. Еще никогда не видел подобного ребенка. Но в конце концов я все-таки вынужден буду уступить, иначе услышу потом, что Анна Франк провалилась на экзамене из-за того, что менеер Дюссел не уступил ей столик!

Так он говорил и говорил, в конце это был такой поток слов, за которым почти невозможно было уследить. В какой-то момент я подумала: «Сейчас я ему так врежу по морде, что он со своим враньем полетит на стену!» Но секундой позже сказала себе: «Спокойно, этот тип того не стоит, чтобы из-за него так волноваться».

Наконец господин излил свой гнев и вышел из комнаты с лицом, выражавшим одновременно и негодование, и торжество, в пальто с набитыми едой карманами.

Я помчалась к папе и на тот случай, если он не все услышал, передала ему наш разговор. Пим решил в тот же вечер переговорить с Дюсселом; так и случилось, и говорили они более получаса. Сначала они говорили о том, может ли теперь Анна пользоваться столиком, да или нет. Папа сказал, что у него с Дюсселом однажды уже был разговор на эту же тему, но что в тот раз он встал будто бы на его сторону, чтобы не выставлять старшего неправым перед младшим, но сам папа уже тогда не считал это справедливым. Дюссел сказал, мол, я не имею права говорить так, будто он захватчик и все прибрал к рукам, но на это папа решительно возражал, потому что он сам слышал, что я ни словом не упоминала об этом. Так продолжался разговор: папа защищал мой эгоизм и мои «каракули», а Дюссел постоянно ворчал.

Наконец он все же вынужден был уступить, и мне было выделено время днем два раза в неделю, чтобы работать без помех. Дюссел ходил надувшись, два дня со мной не разговаривал и все-таки сидел за столом с пяти до половины шестого... совсем как ребенок.

Если кто-нибудь в пятьдесят четыре года такой педант и мелочный человек, значит, таким он родился и таким умрет.

ПЯТНИЦА, 16 ИЮЛЯ 1943 г.

Милая Китти!

Снова взлом, но на этот раз настоящий! Сегодня утром Петер, как обычно, в семь часов пошел на склад и сразу обнаружил, что и дверь от склада и входная дверь были открыты. Он тут же оповестил Пима, и тот настроил приемник в кабинете директора на Германию и запер двери на ключ. Потом оба поднялись наверх. В таких случаях обычные правила: не мыться, сидеть тихо, в восемь часов быть в полной готовности, уборной не пользоваться — были соблюдены, как всегда, точно. Мы все восемь были рады, что ночью так крепко спали и ничего не услышали. Мы были немного возмущены тем, что целое утро никто не показался у нас наверху и до половины двенадцатого менеер Клейман держал нас в напряжении. Он рассказал, что взломщики выдавили с помощью ломика входную дверь и вышибли дверь на склад. На складе особенно нечем было поживиться, поэтому воры решили попытаться счастья этажом выше. Они украли два ящичка с деньгами, там было 40 гульденов, незаполненные жировки и чековые книжки, но что гораздо хуже — весь наш запас карточек на сахар, всего на 150 килограммов. Новые талоны добыть будет непросто.

Менеер Кюглер думает, что этот вор из той же гильдии, как и тот, что шесть недель назад был здесь и безуспешно пытался проникнуть вовнутрь через три двери (складскую и две входные).

Это происшествие опять послужило поводом для некоторого волнения в нашем здании. Но похоже, Задний Дом без этого не может обойтись. Мы, конечно, были рады, что печатные машинки и касса надежно спрятаны в платяном шкафу.

Твоя Анна

P.S. Высадка в Сицилии. Опять на шаг ближе к...!

ПОНЕДЕЛЬНИК, 19 ИЮЛЯ 1943 г.

Милая Китти!

В воскресенье ужасно сильно бомбили Северный Амстердам. Разрушения, должно быть, невероятные, целые улицы превращены в груды развалин, и понадобится много времени, чтобы откопать всех людей. На сегодняшний день 200 погибших и несметное число раненых. Больницы переполнены. Рассказывают о детях, которые в тлеющих руинах ищут своих мертвых родителей. Мурашки идут по коже, когда я вспоминаю о глухих, грохочущих раскатах вдали, что были для нас знаком надвигающегося разрушения.

ПЯТНИЦА, 23 ИЮЛЯ 1943 г.

Беп теперь снова может достать тетради, особенно канцелярские книги и гроссбухи, которыми может пользоваться моя конторщица-сестра! Другие тетради продаются, но не спрашивай, какие и как долго еще они будут в продаже. На тетрадях сейчас напечатано: «Можно получать без талонов!» Как и все остальное, что «без талонов», это тоже барахло. Такая тетрадка состоит из 12 страничек серой, криво и мелко разлинованной бумаги. Марго думает, не заняться ли ей чистописанием, я ей это очень советую. Мама не хочет ни в коем случае, чтобы я тоже этим занялась, из-за моих глаз, по-моему, это ерунда. Делай я это или что-нибудь иное, все останется точно так же.

Так как ты, Китти, никогда еще не переживала войну и, не смотря на мои письма, все-таки мало знаешь о том, что значит скрываться, то я расскажу тебе ради развлечения, какое первое желание у каждого из нас восьми, когда мы вновь окажемся на свободе.

Марго и менеер Ван Даан больше всего мечтают о горячей ванне, наполненной до краев, и хотели бы там оставаться более получаса. Мефрау Ван Даан больше всего хочет тут же пойти есть пирожные. Дюссел не знает ничего, кроме своей Шарлотты, мама — своей чашки кофе. Папа пойдет к менееру Фоскэйлу, Петер — в город и в кино, а я от блаженства не знала бы, с чего начать.

Больше всего я тоскую по собственной квартире, свободе передвижения и, наконец-то, помощи в занятиях, то есть — снова в школу!

Беп предложила нам фрукты. Стоят почти ничего: виноград — 5 гульденов за килограмм, крыжовник — 70 центов фунт, один персик — 50 центов, килограмм дыни — полтора гульдена. И при этом каждый вечер печатают в газетах огромными буквами: «Взвинчивание цен — это спекуляция!»

ПОНЕДЕЛЬНИК, 26 ИЮЛЯ 1943 г.

Дорогая Китти!

Вчера был страшно бурный день, и мы все еще взволнованы. Впрочем, ты можешь нас спросить, проходит ли хоть один день без волнений.

Утром, во время завтрака, мы услышали первую предупредительную тревогу, но это нам до лампочки, так как означает, что самолеты у побережья. После завтрака я решила прилечь на часок,

потому что у меня ужасно болела голова, а потом пошла в контору. Было около двух часов. В половине третьего Марго закончила свою конторскую работу. Она еще не собрала свои причиндалы, как завывли сирены, так что мы с ней опять поднялись наверх. И вовремя: мы и пяти минут не пробыли наверху, как начали так сильно стрелять, что мы пошли в коридор. И вот, грохнул дом, и полетели бомбы. Я прижала к себе свою сумку на случай бегства, скорее чтобы за что-нибудь держаться, чем чтобы убежать, ведь мы все равно не можем уйти, улица для нас означает такую же опасность для жизни, как и бомбежка. Через полчаса летать стали меньше, зато в доме прибавилось оживления. Петер спустился со своего наблюдательного пункта на чердаке переднего дома. Дюссел был в передней конторе, мейфрау чувствовала себя в безопасности в директорском кабинете, менеер Ван Даан наблюдал с чердака, и мы ушли с площадочки, чтобы увидеть столбы дыма, поднимающиеся над Эй*. Вскоре везде запахло пожаром, и казалось, что в городе стоит густой туман.

Хотя такой огромный пожар — зрелище вовсе не из приятных, но для нас, к счастью, все было позади, и каждый вернулся к своим занятиям. Вечером во время еды — воздушная тревога. Ужин был вкусный, но уже от одного звука у меня аппетит пропал. Но ничего не произошло, и через три четверти часа дали отбой. Мытье посуды отложено — воздушная тревога, стрельба, невероятное множество самолетов. «О Боже, два раза в день — это ужасно много», — думали все мы, но от этого легче не становилось, вновь посыпались бомбы, теперь на другой стороне, в «Скипхале»**, как произносят англичане. Самолеты пикировали, взмывали вверх, в воздухе шипело, и было очень и очень жутко. У меня ни на миг не выходило из головы: «Сейчас он упадет, вот и конец тебе». Я могу тебя уверить, что в девять часов, когда я пошла спать, у меня еще не разгибались ноги. С боем часов в полночь я проснулась. Самолеты! Дюссел раздевался, мне было все равно, я с первым же выстрелом выскочила из постели; сон как рукой сняло. До часу в комнате у папы, в полвторого — в постель, в два часа снова у папы, а они все еще летали и летали. Больше не раздалось ни выстрела, и я могла уйти «домой». В половине третьего я уснула.

Семь часов. Я в испуге села в постели. Ван Даан был у папы. Взломщики, было моей первой мыслью. «Все», — услышала я, как сказал Ван Даан, и подумала, что все украдено. Но нет, новость на этот раз была замечательная, такой прекрасной мы не слышали

* Залив в Амстердаме.

** Аэропорт Амстердама.

много месяцев, может быть, все годы войны. Муссолини отказался от власти, король Италии принял бразды правления.

Мы ликовали. После всего этого вчерашнего ужаса наконец снова что-то хорошее и... надежда! Надежда на конец, надежда на мир.

Кюглер зашел на минутку и рассказал, что «Фоккер»* сильно поврежден. Между тем сегодня утром у нас опять была воздушная тревога с налетами и еще раз предупредительная тревога. Я просто задыхаюсь от тревог, не высыпаюсь, и никакого желания заниматься. Но теперь все же нам не дает заснуть волнение за Италию и надежда, что в конце этого года...

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 29 ИЮЛЯ 1943 г.

Милая Китти!

Мы с мейфрау Ван Даан и Дюсселом мыли посуду, и я вела себя необыкновенно тихо, что бывает довольно редко и наверняка могло броситься им в глаза. Чтобы избежать вопросов, я вскоре отыскала довольно нейтральную тему и думала, что книга «Анри из дома напротив» вполне отвечает этому требованию. Но я просчиталась. Если ко мне не прицепится мейфрау Ван Даан, то тогда Дюссел. Дело было так: менеер Дюссел очень рекомендовал нам эту книгу как особенно замечательную. Однако мы с Марго не нашли в ней ничего особенного. Паренек, правда, описан хорошо, но остальное... об этом я лучше умолчу. Я высказала что-то в этом духе во время мытья посуды и тем навлекла на свою голову невероятный выплеск.

— Как ты можешь понять психологию мужчины! У ребенка это понять не так сложно(!). Ты еще слишком мала для подобных книг, даже двадцатилетнему она недоступна. (Почему же он так рекомендовал эту книгу именно мне и Марго?)

Далее Дюссел и мейфрау продолжили вместе: «Ты слишком много знаешь о вещах, которые тебе еще рано знать, тебя совершенно неправильно воспитали. Позже, когда ты вырастешь, ты ни в чем не найдешь удовольствия, тогда ты скажешь: я об этом уже двадцать лет назад читала в книгах. Поторапливайся, если хочешь выйти замуж или влюбиться, тебе наверняка никто не подойдет. В теории ты уже абсолютно все знаешь, вот только практики тебе не хватает!»

Кто может поставить себя на мое место?! Я сама поразилась,

* Самолетостроительный завод в Амстердаме.

с каким спокойствием я отвечала: «Возможно, вы считаете, что я неверно воспитана, но далеко не все в этом с вами согласится!»

А постоянно настраивать меня против моих родителей — это конечно же хорошее воспитание, ведь именно этим они часто занимаются, и не рассказывать ничего девочке моего возраста о «том» — вот великолепно! Результаты подобного воспитания более чем очевидно доказаны.

Этой парочке, насмехавшейся надо мной, я в ту минуту могла бы дать оплеуху. Я была вне себя от ярости и в самом деле могла бы дни считать (если б знала, на каком остановиться), когда я избавлюсь от этих людей.

Эта мейфрау Ван Даан — тоже мне экземпляр! Вот с кого следует брать пример... да только какой не надо быть! Мейфрау Ван Даан известна как ужасно нескромная, эгоистичная, хитрая, расчетливая и всеми недовольная. К этому еще можно добавить самовлюбленность и кокетство. Она, и тут ничего не поделаешь, явно мерзкая персона. О мадам Ван Даан я бы могла целые книги написать, и, кто знает, может, я когда-нибудь и напишу. Привлекательный внешний лоск навести на себя может каждый. Мейфрау любезна с посторонними, в особенности с мужчинами, и поэтому те, кто знают ее недолго, ошибаются в ней.

Мама считает ее слишком глупой, чтобы тратить на нее слова. Марго — слишком незначительной, Пим — слишком уродливой (в прямом и переносном смысле!), а я после долгого наблюдения, потому что я никогда не сужу сразу и предвзято, пришла к выводу, что и это еще не все ее недостатки. У нее столько дурных качеств, что не знаешь, с какого начать.

Твоя Анна

P.S. Может ли адресат принять во внимание, что в то время, как этот рассказ писался, сочинительница еще не остыла от гнева!

ВТОРНИК, 3 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

Политические дела идут как нельзя лучше. В Италии запрещена фашистская партия. Во многих районах народ борется против фашистов, некоторые военные принимают участие в борьбе. Как может такая страна все еще воевать с Англией? Наше прекрасное радио на прошлой неделе забрали. Дюссел был страшно зол, что Кюглер сдал его в назначенный день. Мое уважение к Дюсселу падает все более, оно уже ниже нуля. Что бы он ни говорил о поли-

тике, истории, географии или о чем-нибудь другом, он несет такую чушь, что я почти не смею повторить. Гитлер исчезнет из истории. Порт в Роттердаме больше, чем порт в Гамбурге. Англичане идиоты, потому что они сейчас не бомбят Италию в пух и прах, и т.д. и т.п.

В третий раз была бомбежка. Я стиснула зубы и тренировала свое мужество.

Мефрау Ван Даан, которая все время говорила: «Пусть они появятся» и «Лучше внезапный конец, чем никакого конца», теперь трусливей нас всех. Сегодня утром она тряслась как осиновый лист и даже разразилась слезами. Ее муж, с которым они после недели ссоры только что снова заключили мир, ее утешал. От одной этой сцены я чуть было не расчувствовалась.

То, что кошки приносят не только пользу, Муши доказал недвусмысленно. Весь дом полон блох, напасть растет с каждым днем. Менеер Клейман насыпал по всем углам желтого порошку, но блохам до этого никакого дела. Мы все становимся от этого раздраженными, беспрестанно такое чувство, будто чешется то рука, то нога или другие части тела, и поэтому многие члены семьи делают гимнастические упражнения, чтобы посмотреть, что происходит сзади на ноге или на шее. Теперь говорится, что мы так мало двигались: мы слишком скованы, чтобы хорошенько повернуть шею. До настоящей гимнастики давно руки не доходили.

Твоя Анна

СРЕДА, 4 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

Теперь, когда мы уже больше года провели в Убежище, ты кое-что знаешь о нашей жизни, но полностью я все-таки тебя информировать не в состоянии. Все совершенно не так, как в обычные времена и у обычных людей. Чтобы все-таки дать тебе заглянуть в нашу жизнь, я буду в дальнейшем время от времени описывать фрагменты нашего обычного дня. Сегодня начну с вечера и ночи.

В девять часов вечера в Заднем Доме начинается суматоха с подготовкой ко сну, и это на самом деле всегда настоящая суматоха. Раздвигаются стулья, разбираются постели, складываются покрывала, ничего не остается там, где должно находиться днем. Я сплю на маленьком диване, в котором нет даже полутора метров. Так что для удлинения здесь служат стулья. Метелка из перьев, простыни, подушки, одеяла — все достается из постели Дюссела, где хранится днем.

Из соседней комнаты слышится ужасный скрип: раскладушка

Марго. Снова диванные покрывала и подушки, все, чтобы сделать деревянные планки хоть немного удобнее. Наверху, кажется, гремит гром, но это всего лишь кровать меффрау. Ее пододвигают к окну, чтобы Ее Высочеству в розовом ночном халатике вдыхать маленькими ноздриками что-то бодрящее.

Десять часов. После Петера я захожу в ванную, где происходит основательная процедура умывания, и нередко случается (только в теплые месяцы, недели или дни), что в воде плавает какая-нибудь маленькая блошка. Потом чищу зубы, накручиваю локоны, привожу в порядок ногти, пользуюсь ваткой с перекисью водорода (чтобы отбелить черные волоски над губой), и все это за какие-нибудь полчаса.

Половина десятого. Быстро надеваю банный халат. В одной руке мыло, в другой горшок, заколки, штаны, бигуди и вата, я вылетаю из ванной, хотя частенько меня возвращают обратно из-за волосков, которые изящными, но для того, кто умывается после меня, не очень-то приятными завитками красуются в умывальнике.

Десять часов. Опускается затемнение. Спокойной ночи. Еще минут пятнадцать скрип кроватей и стон сломанных пружин, потом наступает тишина, по крайней мере если верхние не ссорятся в постели.

Половина двенадцатого. Скрипит дверь ванной. В комнату проникает тонкий луч света. Скрип тувель, большое пальто, еще больше, чем человек в нем... Дюссел вернулся после ночных трудов в конторе Кюглера. После десяти минут шарканья по полу, шуршания бумагой (это он прячет еду) стелется постель. Потом фигура снова пропадает, и только из уборной время от времени доносятся подозрительные звуки.

Примерно три часа. Мне надо встать по маленьким делам, для этого под кроватью стоит металлическая баночка, под которую подложен резиновый половичок на случай возможной протечки. Каждый раз я стараюсь затаить дыхание, потому что в жестянке булькает, будто журчит горный ручеек. После этого баночка снова убирается на место, а фигура в белой ночной рубашке, которая каждый вечер служит поводом для замечания Марго: «О, эта неприличная ночная рубашка», забирается в постель. С четверть часа я прислушиваюсь к ночным звукам. Прежде всего — нет ли внизу вора, потом к различным постелям наверху, за стеной и рядом в комнате, из чего зачастую можно узнать, как спят или в полудреме проводят ночь обитатели дома. Последнее уж точно неприятно, особенно если речь идет об одном члене семьи, по имени доктор Дюссел. Сперва я слышу звук, будто рыба глотает воздух, так повторяется раз десять, потом какая-то возня и облизывание губ попеременно с причмокиваниями, затем следует долгое верчение

туда-сюда на кровати и перекалывание подушек. Пять минут полной тишины, а потом процедура повторяется по меньшей мере раза три, пока доктор снова на какое-то время не убаюкает себя. Бывает и так, что по ночам, примерно между часом и четырьмя, стреляют. Я не осознаю этого, пока по привычке не выскочу из кровати. Иногда я еще настолько погружена в сон, что думаю о неправильных французских глаголах или о ссоре у верхних. Только когда все стихает, я замечаю, что стреляли, а я спокойно осталась в комнате. Но обычно случается, как описано выше. Я моментально хватаю подушку и носовой платок, надеваю халат и тапочки и бегом несусь к папе, в точности как писала Марго в стихах мне на день рождения:

Ночью, лишь только раздастся стрельба,
Дверь заскрипит, и за нею видна
Девочка, с подушкой в руках и платком...

Только окажусь у большой постели, как первый испуг проходит, если, конечно, пальба не очень сильная.

Без четверти семь. Тррр... Будильник, который может возвысить свой голосок в любое время дня (если его об этом попросят, а иногда и без этого). Крак... бам... мефрау его выключила. Кнак... поднялся менеер. Поставить воду и быстро в ванную.

Четверть восьмого. Снова скрипит дверь. Дюссел может идти в ванную. Оставшись одна, поднимаю затемнение... и в Убежище начинается новый день.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 5 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

Сегодня возьмем время обеденного перерыва в конторе.

Половина первого. Вся шантрапа облегченно вздыхает. Теперь Ван Маарен, человек с темным прошлым, и Де Кок ушли домой. Сверху доносится стук пылесоса мефрау по ее прекрасному и единственному коврику. Марго берет под мышку пару книг и идет заниматься с «отстающими детьми», потому что Дюссел похож именно на такого. Пим садится со своим неразлучным Диккенсом в углу, чтобы хоть где-нибудь найти покой. Мама торопится наверх помогать прилежной хозяйке, а я иду в ванную, чтобы привести в порядок ее, а заодно и себя.

Без четверти час. Чаша наполняется. Сначала менеер Хис, потом Клейман или Кюглер, Беп, а иногда и Мип.

Час дня. Все в напряжении слушают Би-би-си. Только в эти редкие минуты, объединившись у маленького радиоприемника, жители Убежища не перебивают друг друга, потому что говорит кто-то, кому даже менеер Ван Даан не может противоречить.

Четверть второго. Большая раздача. Каждый из конторы получает чашку супа, а если есть, и что-нибудь сладкое. Менеер Хис, довольный, садится на диван или прислоняется к письменному столу. Газета, чашка, а частенько и кошка рядом. Если какого-нибудь из этих трех компонентов недостает, то он непременно высказывает недовольство. Клейман рассказывает последние городские новости, он в этом смысле на самом деле неиссякаемый источник. Кюглер кубарем летит по лестнице, короткий и сильный стук в дверь, и он входит, потирая руки, веселый и суетливый или угрюмый и тихий, в зависимости от настроения.

Без четверти два. Едоки поднимаются, и все снова возвращаются к своим занятиям. Марго и мама — к мытью посуды, менеер и мэфрау — на диван, Петер на чердак, папа на диван, Дюссел тоже, а Анна — за работу.

Тут наступает самое спокойное времечко, когда все спят, никто никому не мешает. Дюссел грезит о вкусной еде, это отчетливо видно по его лицу, но я смотрю недолго, ведь время торопит, а в четыре часа педант доктор уже стоит с часами в руках, потому что я прибираю для него столик с минутным опозданием.

Твоя Анна

СУББОТА, 7 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

Пару недель назад я начала писать рассказ, что-то абсолютно придуманное, и мне это доставило такое удовольствие, что «детипца моего пера» уже накапливаются стопкой.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 9 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

На этот раз продолжение распорядка дня в Убежище. После обеденного перерыва в конторе наступает наша очередь обедать.

Менеер Ван Даан, он начинает. Его обслуживают первым, он берет всего помногу, если ему по вкусу. Обычно участвует в разговоре, всегда высказывает свое мнение, и когда это случается, то

ничего не поделаешь, потому что если посмеешь возразить, то навлечешь на себя такое! Ох... Он, как кот, может на тебя фыркнуть... ну я, знаешь, лучше обойдусь без этого... Если тебе однажды такое выпадет на долю, то второй раз не захочешь. Его мнение самое правильное, он знает обо всем больше всех. Ну хорошо, у него умная башка, но при этом и самодовольства хоть отбавляй.

Мадам. Вообще-то лучше бы мне промолчать. В некоторые дни, особенно когда ожидается перемена к плохому настроению, на ее лицо лучше не смотреть. При ближайшем рассмотрении она виновница всех дискуссий. А не их предмет! О нет, о ней никто даже не заикается, но, пожалуй, ее можно назвать подстрекательницей. Натравливать — вот прекрасное занятие. Натравливать против мейффрау Франк и Анны. Против Марго и менеера это не так просто.

Ну, а теперь за стол. Мейффрау себя не обделяет, хоть и думает иной раз, что это так. Выбрать себе самые мелкие картофелины, самую вкусную закуску, самое сочное — вот лозунг мейффрау. Очередь других еще наступит, главное, чтобы я первая взяла себе самое лучшее. (Именно так, как она думает об Анне Франк.) Второе — это говорить. Только бы кто-то слушал, интересно ему или нет, похоже, ее не волнует. Она, наверно, думает: то, что говорит мейффрау Ван Даан, интересует всех.

Кокетливо улыбаться, делать вид, будто знает обо всем, каждому что-нибудь посоветовать, по-матерински хлопотать — это ведь должно производить хорошее впечатление. Но присмотришься, и все хорошее как ветром сдует. Трудолюбие — раз, веселость — два, кокетство — три и иногда — смазливая мордашка. Вот Петронелла Ван Даан.

Третий сосед по столу. Его почти не слышно. Молодой Ван Даан чаще всего тих и не очень-то заметен. Что касается аппетита, это бочка Данаид. Она не наполняется никогда, и при самой обильной еде он дает понять с совершенно невозмутимым видом, что вполне мог бы съесть еще в два раза больше.

Номер четвертый — Марго. Ест как мышка, вовсе не разговаривает. Единственная принимаемая пища — овощи и фрукты. «Избалована» — приговор Ван Даана. «Слишком мало воздуха и спорта» — наше мнение.

Затем мама. Устойчивый аппетит, говорит без умолку. Никому не приходит в голову сказать, как в случае с мейффрау Ван Даан, — вот хозяйка дома. В чем же разница? Да ведь мейффрау готовит, а мама моет посуду и убирается.

Номер шесть и семь. О папе и обо мне я не буду говорить много. Папа — самый скромный за столом. Он всегда первым делом посмотрит, есть ли у других. Ему не надо ничего, самое лучшее —

детям. Образец добра, а с ним рядом — комочек нервов нашей вишпы.

Дюссел. Берет, не глядит, ест, не говорит. А если надо говорить, то, Бога ради, только о еде, тогда не возникнет ссоры, лишь хвастовство. В него влезают огромные порции, и он никогда не произносит «нет» — и от хорошего, а часто и от плохого не откажется. Брюки натянуты до груди, сверху красная куртка, черные лакированные тапочки и роговые очки. Таким можно его увидеть за столиком, вечно работающим, ни на шаг не продвинувшимся, единственные перерывы — сон в тихий час, еда... любимое местечко... уборная. Три, четыре, пять раз в день кто-нибудь стоит в нетерпении перед дверью в туалет и зажимается, переступает с ноги на ногу, почти не в состоянии вытерпеть. Ему это мешает? Нет, что ты, с четверти до половины восьмого, с половины первого до часу, с двух часов до четверти третьего, с четырех до четверти пятого, с шести до четверти седьмого и с полдвенадцатого до двенадцати часов. Можно записать, это постоянные «часы заседания». Он от них не отклоняется, и ему дела нет до умоляющего голоса за дверью, который предупреждает, что вот-вот случится беда.

Номер девять не является членом семьи Заднего Дома, но все же друг дома и стола. У Беп здоровый аппетит. Ничего не оставляет, не привередлива. Ей можно чем угодно доставить удовольствие, и как раз это доставляет удовольствие нам. Радостная и всегда в хорошем настроении, мягкая и добрая, вот ее отличительные черты.

ВТОРНИК, 10 АВГУСТА 1943 г.

Милая Китти!

Новая идея — я разговариваю за столом больше сама с собой, чем с другими, это удобно в двух отношениях. Во-первых, они все рады, если я не тараторю без умолку, а, во-вторых, мне не приходится раздражаться из-за чужого суждения. Мое мнение я сама не считаю глупым, а другие считают, так что лучше мне его оставлять при себе. В точности так я поступаю и когда должна есть что-то, чего я совершенно не выношу. Я поддвигаю к себе тарелку, представляю себе, будто это что-нибудь очень вкусное, стараюсь как можно реже смотреть на это и, не замечая, съедаю все. Утром, когда встаю, а это тоже нечто ужасно неприятное, я соскакиваю с постели, сама про себя думаю «ты скоро ляжешь снова», иду к окну, снимаю затемнение, нюхаю через щелку до тех пор, пока не почувствую немного воздуха, и — просыпаюсь. Кровать нужно как можно скорее убрать, тогда в ней больше нет никакого соблазна. Знаешь, как это

называет мама? Искусством жить. Тебе это выражение не кажется смешным?

За последнюю неделю мы все немного запугались во времени, потому что наш милый и родной колокол на Вестерторен, по-видимому, сняли для промышленных нужд и мы ни днем, ни ночью не знаем точно, который час. Я все еще надеюсь, что они что-нибудь придумают, что будет напоминать нашему району о том колоколе, например оловянные или медные часы или какие-нибудь еще.

Нахожусь ли я наверху, внизу или еще где-нибудь, все с восхищением смотрят на мои ноги, на которых красуется пара туфель редкостной (для нашего времени!) красоты. Мип достала их по случаю за 27,50 гульденов. Бордового цвета, из замши с кожей, на довольно высоком широком каблуке. Я хожу как на ходулях и выгляжу в них намного выше, чем я есть на самом деле.

Вчера у меня был невезучий день. Тупым концом толстой иглы я проколола себе большой палец на правой руке. Вследствие чего Марго вместо меня чистила картошку (нет худа без добра), а я коряво писала. Потом я головой налетела на дверцу шкафа, чуть не упала навзничь, получила нагоняй за то, что опять подняла шум; мне не разрешили открывать кран, чтобы смачивать лоб, и теперь у меня над правым глазом гигантская шишка. В довершение всех бед мой мизинец на правой ноге зацепился за трубку пылесоса. Шла кровь, и было больно, но на меня уже столько всего навалилось, что эта беда показалась сущим пустяком. Глупо, конечно, потому что теперь на пальце нарыв, и вытяжная мазь, и бинт, и пластырь, и я не могу надеть мои прославленные туфли.

Дюссел в который раз подверг нашу жизнь опасности. Только подумай, Мип достала ему запрещенную книгу, ругающую Муссолини. По дороге на нее наехал мотоцикл СС. Нервы у нее не выдержали, она крикнула: «Мерзавцы!» — и поехала дальше. Лучше не думать, что могло бы случиться, если б ее забрали в участок.

Твоя Анна

Долг дня в обществе: чистить картошку!

Один приносит газеты, второй — ножки (себе, конечно, оставляет лучший), третий — картошку, четвертый — воду. Менеер Дюссел начинает, скребет не всегда хорошо, но скребет не переставая, посматривает налево, направо — все ли скоблят таким же образом, как он. Нет!

— Анна, погляди-ка, я вот так беру в руки нож, скребу сверху вниз. Nein, не так... а вот так!

— Мне по-другому проще, менеер Дюссел! — замечаю я робко.

— Но ведь так лучше. Du kannst dies doch von... поверь мне. Мне это, natürlich, конечно, все равно, aber du mußt es selbst... сама должна знать.

Скребем дальше. Я украдкой смотрю на моего соседа. Он еще в раздумьях качает головой (наверняка по моему адресу), но молчит.

Я продолжаю скрести. Потом опять поглядываю, на этот раз в другую сторону, где сидит папа; для папы чистка картофеля не низменный труд, но тонкая работа. Когда он читает, у него на затылке глубокая морщина, но когда он помогает чистить картофель, бобы или другие овощи, то кажется, что он не замечает ничего вокруг. Тогда у него эдакое «картофельное» лицо, и никогда он не положит в воду плохо очищенную картофелину; этого просто быть не может, если уж у него такое выражение лица.

Я продолжаю работу и снова поглядываю, мне этого достаточно, чтобы знать... Мефрау пытается завладеть вниманием Дюссела. Сначала она поглядывает на него, а Дюссел делает вид, будто ничего не замечает. Тогда она подмигивает, Дюссел продолжает работу. Тогда она смеется, Дюссел не смотрит. Тогда моя мама тоже смеется, Дюссела это не трогает. Мефрау не добилась ничего, так что теперь надо подступаться с другой стороны. После недолгого молчания:

— Путти, надень же фартук. Завтра мне опять придется чистить пятна на твоём костюме!

— Я не запачкаюсь!

После недолгого молчания снова:

— Путти, почему ты не сядешь?

— Мне так удобно, мне лучше стоя!

Пауза.

— Путти, посмотри, du spatst schon! *

— Да, мамми, я уж как-нибудь сам.

Мефрау ищет другую тему.

— Скажи, Путти, почему англичане сейчас не бомбят?

— Потому что погода слишком плохая, Керли!

— Но ведь вчера погода была хорошая, а они тоже не летали.

— Давай не будем об этом говорить.

— Почему, об этом ведь можно говорить или высказывать свое мнение?

— Нет!

— Отчего же нет?

* Ты уже испачкался! (нем.)

— Помолчи, мамихен!

— А вот менеер Франк всегда отвечает своей жене.

Менеер борется с собой, это его уязвимое место, против этого он бессилён, а мейфрау опять начинает:

— Высадка союзников никогда не состоится!

Менеер белеет, когда мейфрау это замечает, она краснеет, но все же опять продолжает:

— Эти англичане ничего не добьются!

Терпение менеера лопается.

— А теперь закрой свой рот, *dopnerwetternogeinmaal!* *

Мама едва сдерживает смех, чтобы не рассмеяться, я смотрю прямо перед собой.

Подобное повторяется чуть ли не каждый день, если только они не успели разругаться, ведь тогда и менеер, и мейфрау держат языки за зубами.

Мне надо принести еще немного картошки. Иду на чердак, там Петер изгоняет у кошки блох. Он смотрит на меня, кошка это замечает, хоп... она убегает, через открытое окно, по желобу.

Петер ругается, я смеюсь и исчезаю.

Свобода в Заднем Доме

Половина шестого. Приходит Беп, дарит нам вечернюю свободу. Тотчас закипает работа. Сначала я с Беп еще раз поднимаюсь наверх, где ей чаще всего уже заранее дают сладкое, приготовленное на ужин.

Не успеет Беп сесть, как мейфрау начинает суммировать все свои желания, и вскоре слышшь: «Ах, Беп, у меня есть еще одно желание...»

Беп мне подмигивает, мейфрау не упускает случая, чтобы не ознакомить каждого, кто поднимется наверх, со своими желаниями. Это наверняка одна из причин, почему все неохотно идут наверх.

Без четверти шесть. Беп уходит. Я спускаюсь двумя этажами ниже. Сначала на кухню, затем в кабинет директора, оттуда в закуток для хранения угля, чтобы открыть для Муши мышиную дверцу.

После долгого осмотра помещения я оказываюсь в кабинете Кюглера. Ван Даан заглядывает во все ящики и папки, ищет дневную почту. Петер берет ключ от склада и Моффи; Пим тащит наверх печатные машинки; Марго ищет тихое местечко, чтобы заняться своей конторской работой; мейфрау ставит на газовую плиту чайник; мама спускается сверху с кастрюлей картошки. Каждый знает свою работу.

* Черт побери еще раз! (*искаж. нем.*)

Уже скоро Петер возвращается со склада. Первый вопрос — о хлебе, он его забыл. У двери в переднюю контору он приседает на корточках, ползет на четвереньках к стальному шкафу, берет хлеб и исчезает, во всяком случае, он хочет исчезнуть, но прежде, чем он осознает, что случилось, Муши перепрыгивает через него и забирается под письменный стол, в самую глубину.

Петер ищет повсюду, ага, вон она сидит, кошка; Петер снова вползает в контору и хватается за хвост. Муши фыркает, Петер кричит. Чего он достиг? Муши теперь сидит у самого окна и вылизывает себя, очень довольная бегством от Петера. Тут Петер использует кусочек хлеба как последнюю приманку для кошки, и точно — Муши идет за ним, дверь закрывается. Я наблюдала за всем этим через щель в двери.

Менеер Ван Даан зол, хлопает дверью. Марго и я переглядываемся, думаем об одном и том же — он наверняка снова взвинчен из-за той или иной глупости Кюглера и не думает сейчас о «Кехе».

В коридоре снова слышны шаги. Входит Дюссел, идет, корча из себя владельца, к окну, сопит... кашляет, чихает и откашливается, это от перца, ему не везет. Продолжает свой путь к передней конторе. Окна не зашторены, а это значит, что почтовой бумаги ему не будет. Он уходит с угрюмым видом.

Мы с Марго снова переглядываемся. «Завтра будет одной страничкой меньше для его миленькой», — слышу я от нее. Я киваю, соглашаясь.

На лестнице опять слоновый топот, это Дюссел, который ищет себе утешения в одном месте, с которым он неразлучен.

Мы продолжаем работу. Тук, тук, тук... Постучали три раза, время еды!

ПОНЕДЕЛЬНИК, 23 АВГУСТА 1943 г.

Wenn die Uhr halb neune schlägt...*

Марго и мама нервничают. «Тсс... папа, тихо, Отто, тсс... Пим! Половина девятого, иди сюда, не включай больше воду. Ступай тихонько!» Это всевозможные возгласы по адресу папы, который в ванной. Ровно в половине девятого он должен быть в комнате. Ни капли воды, никакой уборной, не ходить, полная тишина. Пока не пришли служащие конторы, на складе все слышно еще лучше.

Наверху в двадцать минут девятого открывается дверь, и вскоре после этого три раза стук в пол... каша для Анны. Я карабкаюсь по лестнице и забираю собачью миску.

* Когда часы бьют полдевятого... (нем.)

Спустившись вниз, делаю все быстро-быстро — причесываюсь, выливаю ночную вазу, убираю постель. Тишина! Бьют часы! Мекффрау переодевает туфли и шаркает в тапочках по комнате, менеер Чарли Чаплин тоже в тапочках, все тихо.

Картинка идеальной семьи в своем высшем проявлении. Я хочу читать или заниматься. Марго тоже, как и мама и папа. Папа сидит (конечно, с Диккенсом и со словарем) на краю осевшей скрипучей кровати, на которой даже нет приличных матрасов. Две подушки одна на другой годятся вполне. «Мне ничего не надо, и так обойдусь!»

Погрузившись в чтение, он не глядит по сторонам, время от времени смеется, ужасно старается заставить маму выслушать отрывок.

«У меня сейчас нет времени!»

Недолго он разочарованно глядит, затем читает дальше, а немного погодя, когда опять попадется очень забавный кусок, пытается снова: «Это ты должна послушать, мама!»

Мама сидит на раскладушке, читает, шьет, вяжет или учится, смотря что на очереди. Вдруг ей что-то приходит в голову. И она тут же говорит: «Знаешь, Анна... Запиши-ка, Марго...»

Немного погодя снова воцаряется покой. Марго резко захлопывает книгу, папа поднимает брови потешным уголком, потом морщина от чтения снова складывается, и он опять углубляется в Диккенса; мама начинает болтать с Марго, мне любопытно, я тоже слушаю. В дело вовлекают Пима... Девять часов! Завтрак!

ПЯТНИЦА, 10 СЕНТЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Каждый раз, когда я тебе пишу, случается что-нибудь особенное, но чаще всего это скорее неприятные, чем приятные вещи. На этот же раз случилось нечто великолепное.

В среду 8 сентября мы в семь часов вечера сидели у радио, и первое, что мы услышали, было следующее: «Here follows the best news from whole the war: Italy has capitulated»*. Италия безоговорочно капитулировала! В четверть девятого заговорил диктор «Оранье»: «Слушатели, час и пятнадцать минут тому назад, когда я как раз закончил готовить хронику дня, к нам поступило великолепное известие о капитуляции Италии. Могу вам сказать, что еще никогда

* Сейчас последует самая лучшая новость за всю войну: Италия капитулировала (*англ.*).

с таким удовольствием не отправлял мои бумаги в мусорный ящик, как сегодня!»

Играли «God save the King»*, американский гимн и русский «Интернационал». Как всегда, радио «Оранже» было отрадой сердцу, но без излишнего оптимизма.

Англичане высадились в Неаполе. Северная Италия занята немцами. В пятницу, 3 сентября, уже было подписано перемирие, в тот самый день, когда англичане произвели высадку в Италии. Немцы ругаются и бушуют во всех газетах по поводу предательства Бадольи и итальянского короля.

Все-таки неприятность у нас тоже есть, это касается менеера Клеймана. Ты знаешь, мы все его ужасно любим, и хотя он вечно нездоров, терпит боли, не может много есть и ходить, но все-таки всегда бодр и на удивление мужествен. «Когда входит менеер Клейман, солнце встает», — сказала мама только что, и она совершенно права.

Сейчас ему надо лечь в больницу для очень неприятной операции кишечника, и он должен будет там оставаться не менее четырех недель. Видела бы ты, как он с нами прощался, будто пошел за покупками, так просто.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 16 СЕНТЯБРЯ 1943 г.

Милая Кумми!

Наши взаимоотношения становятся чем дальше, тем хуже. За столом никто не смеет рта раскрыть (разве чтобы отправить туда еду), потому что все сказанное будет воспринято или как обида, или неправильно. Иногда в гости приходит менеер Фоскэйл. Очень жаль, что дела его ужасно плохи. Его семье от этого тоже не легче, потому что он постоянно живет с мыслью: мне уже ни до чего нет дела, все равно я скоро умру! Я могу очень хорошо представить себе настроение дома у Фоскэйлов, как подумаю, насколько даже здесь все раздражены.

Я каждый день глотаю валерьянку от страха и депрессии, но это не помогает: на следующий день настроение еще более удрученное. Хоть раз как следует, громко рассмеяться: помогло бы куда лучше, чем десять таблеток валерьянки, но смеяться мы почти разучились. Иногда я боюсь, что от серьезности у меня будет каменное

* «Боже, храни Короля» — английский гимн.

лицо и обвислый рот. С другими дело обстоит не лучше, все смотрят с боязливými предчувствиями на громаду, называемую зимой.

Еще один факт, который нас не ободряет, это то, что работник склада Ван Маарен что-то заподозрил насчет заднего помещения. Тот, у кого есть хоть немного мозгов, поневоле заметит, что Мип частенько говорит, что она идет в лабораторию, Беп — в архив, Клейман в запасник «Опекты», а Кюглер утверждает, что Задний Дом относится не к этому зданию, а к дому соседа. Нам не было бы никакого дела, что обо всем этом думает менеер Ван Маарен, не слыши он человеком ненадежным и в высшей степени любопытным, от которого так просто не отделаешься.

Однажды Кюглер, желая быть особенно осторожным, в двадцать минут первого надел пальто и отправился в аптеку за углом. Не прошло и пяти минут, как он снова вернулся, словно вор, пробрался по лестнице и пришел к нам. В четверть второго он хотел уйти, но на лестничной площадке встретил Беп, которая предупредила его, что Ван Маарен сидит в конторе. Кюглер вернулся назад и просидел у нас до половины второго. Затем, взяв в руки свои ботинки, он в одних носках (несмотря на то, что простужен) пошел к двери чердака переднего дома и потихоньку стал спускаться по лестнице, четверть часа балансировал на ступеньках, чтобы они не скрипели, и только после этого вошел в контору с улицы.

Беп, отделавшись между тем от Ван Маарена, пришла к нам за Кюглером, но Кюглер уже давно ушел, он в то время еще сидел в носках на лестнице. Что же подумали прохожие, когда директор стал на улице надевать ботинки? Ха-ха, директор в носках!

Твоя Анна

СРЕДА, 29 СЕНТЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

У меффрау Ван Даан день рождения. Кроме талонов на сыр, мясо и хлеб, мы подарили ей только баночку джема. От своего мужа, Дюссела и конторы она получила тоже только цветы и еду. Вот такие сейчас времена!

У Беп на неделе чуть не сдали нервы, так много ей приходится быть на посылках. По десять раз в день она получала задания, и всегда ее торопили с доставкой, или надо было идти еще раз, или она купила не то. Если при этом учесть, что она внизу в конторе должна закончить свою работу, Клейман болен, Мип сидит дома с простудой, она сама подвернула ногу, у нее любовные страдания и

дома ворчащий отец, то легко можно себе представить, что она не знает, как быть. Мы ее утешили и сказали, что стоит ей пару раз энергично заявить, что у нее нет времени, как список поручений сам собой уменьшится.

В субботу здесь разыгралась драма, не знающая себе равных. Началось с Ван Маарена, а кончилось всеобщей ссорой со всхлипываниями. Дюссел посетовал маме, что с ним обращаются как с изгоем, что все мы с ним неприветливы, хотя он нам ничего плохого не сделал, и еще слащаво подлизывался в том же духе, но мама на этот раз, к счастью, не попала в ловушку. Она сказала ему, что он нас всех страшно разочаровал и подал не один повод к раздражению. Дюссел наобещал золотые горы и, как и всегда, ничего не выполнил.

С Ван Даанами добром не кончится, я уже предчувствую! Папа в ярости, потому что они нас обманывают, припрятывают мясо и тому подобное. О, какая гроза собирается над нашими головами? Если бы я не принимала эти стычки так близко к сердцу, если б могла вырваться отсюда! Они еще сведут нас с ума!

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ОКТЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Клейман, к счастью, вернулся! Он еще немного бледненький, но бодро приступает к делу — продаже одежды Ван Даанов. Скверный факт — у Ван Даана совершенно кончились деньги. Свои последние сто гульденов он потерял на складе, что само по себе и так неприятность. Каким ветром могло занести сто гульденов в понедельник утром на склад? Повод для подозрения. Сто гульденов между тем украдены.

Кто вор?

Но я говорила о нехватке денег. Мефрау не хочет расставаться ни с чем из кучи своих пальто, платьев и туфель; костюм менеера трудно сбить с рук, велосипед Петера вернулся с осмотра, никто не пожелал его заиметь. И конца этому не видно. Мефрау все же придется расстаться с шубой. Она считает, что нас должна содержать контора, но этот номер не пройдет. Наверху у них по этому поводу была грандиозная ссора, после чего наступил период примирения с «ох, милый Пугги» и «дорогуша Керли».

У меня голова кругом идет от ругательств, которые последний месяц так и сыплются в этом уважаемом доме. Папа ходит стиснув зубы. Если его кто-нибудь окликает, он так пугливо смотрит, будто

боится, что ему опять придется улаживать щекотливое дело. У мамы на щеках красные пятна от возбуждения, Марго жалуется на головную боль, у Дюссела бессонница, мефрау целыми днями сетует, а я сама совершенно не в себе. Честно говоря, я порой забываю, с кем мы в ссоре и с кем уже произошло примирение.

Единственное, что отвлекает, это занятия, и я много занимаюсь.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 29 ОКТЯБРЯ 1943 г.

Дорогая моя Китти!

Менеер Клейман снова отсутствует, желудок не дает ему покоя. Он даже не знает, остановилось ли кровотечение. В первый раз он был по-настоящему подавлен, когда сказал нам, что нехорошо себя чувствует и уйдет домой.

Здесь снова были громкие ссоры между менеером и мефрау. Это получилось так: у них кончились деньги. Они хотели продать зимнее пальто и костюм менеера, но покупателя не нашлось. Он заломил слишком высокие цены.

Один раз, уже давно, Клейман рассказывал о знакомом меховщике. Тогда менееру пришло в голову продать шубу мефрау. Шуба эта кроличья, и мефрау носила ее семнадцать лет. Мефрау получила за нее 325 гульденов — грандиозная сумма. Деньги мефрау хотела сохранить, чтобы после войны купить новые тряпки, и менееру стоило больших трудов убедить ее, что деньги остро необходимы в домашнем хозяйстве.

Вопли, крики, топот и ругань — ты не можешь себе представить. Это было страшно. Моя семья стояла внизу, на лестнице, затаив дыхание, чтобы в случае необходимости растащить дерущихся. Вся эта брань, этот плач, нервотрепка так действуют на нервы и так утомляют, что вечером я в слезах валюсь в постель и благодарю Бога, что можно хоть полчаса побыть одной.

Со мной все хорошо, если не считать, что у меня совершенно нет аппетита. Снова и снова я слышу: «Как же ты плохо выглядишь!» Надо сказать, они делают все возможное, чтобы хоть что-то поддержать мое здоровье. Применяются глюкоза, рыбий жир, дрожжи в таблетках, кальций. Далеко не всегда я владею своими нервами, особенно скверно мне по воскресеньям. Тогда настроение в доме гнетущее, сонное и тяжелое, как свинец, за окном не слышно пения птиц, самая мертвая и удушающая тишина висит в воздухе и тянет меня за собой, как будто хочет утянуть в глубину

подземного мира. Папа, мама и Марго становятся мне в такие минуты безразличны, я брожу из одной комнаты в другую, вниз по лестнице и снова вверх, как певчая птица, у которой грубо выдрали крылья и которая в совершенном мраке бьется о прутья своей тесной клетки. «На волю! Воздуха и смеха!» — хочется мне кричать. Я даже больше не отвечаю, ложусь на диван и сплю, чтобы скоротать время, тишину, да и жуткий страх, потому что убить их невозможно.

Твоя Анна

СРЕДА, 3 НОЯБРЯ 1943 г.

Милая Кумми!

Чтобы дать нам возможность развлечься и развиваться, папа запросил проспекты Лейденского института. Марго раза три пролистала толстую книжку, так и не найдя ничего по своему вкусу и карману. Папа быстрее нашел что-то интересное и решил написать в институт, попросить пробный урок «Элементарной латыни». Сказано — сделано. Урок прислали, Марго с энтузиазмом принялась за работу, и курс, несмотря на то что стоит он дорого, был заказан. Для меня он слишком труден, хотя я бы с удовольствием стала учить латынь.

Чтобы дать и мне возможность начать что-то новое, папа спросил Клеймана о Библии для детей, чтобы наконец-то что-нибудь узнать о Новом Завете.

— Ты хочешь Анне подарить Библию к Хануке? — спросила Марго, немного озадаченная.

— Да... э-э, я думаю, что День святого Николая — более подходящий случай, — ответил папа.

Ведь Иисус не подходит к Хануке!

Из-за того что сломался пылесос, мне надо каждый вечер чистить ковер старой щеткой. Окно закрыто, включен свет, горит печь, и — метелкой по полу. Это плохо кончится, подумала я про себя в первый же раз. Непременно последуют жалобы, и так и вышло, у мамы заболела голова от плотных облаков пыли, что остаются кружить по комнате, новый латинский словарь Марго под слоем пыли, а Пим даже ворчал, что пол остался совершенно таким, как был. Это называется черная неблагодарность.

Новейший договор в Заднем Доме, что печь по воскресеньям будут растапливать, как обычно, в половине восьмого, вместо половины шестого утра. По-моему, это опасное решение. Что же подумают соседи о дыме из нашей трубы?

То же самое с занавесками. С первого дня в укрытии они ос-

таются прочно приколоты. Но иногда на кого-нибудь из господ или дам находит блажь взглянуть на улицу. Результат — буря упреков. Ответ: «Все равно никто не видит». Так начинается и кончается любая неосторожность. Никто не видит, никто не слышит, никто не замечает. Легко сказать, но правда ли это? В данный момент грозные ссоры опять утихли, лишь Дюссел в ссоре с Ван Даанами. Если он говорит о мефрау, только и слышишь: «эта глупая корова» или «эта старая телка», и, наоборот, мефрау обзывает непогрешимого ученого «старой барышней», «вечно обижаемой старой девой» и тому подобное.

Чья бы корова мычала!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК ВЕЧЕРОМ, 8 НОЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Если бы ты могла прочитать по порядку пачку моих писем, тебе наверняка бы бросилось в глаза, насколько в разном настроении они написаны. Я сама очень недовольна тем, что здесь, в Убежище, ужасно завишу от настроений. Кстати, не только я одна, но и все мы. Если я читаю книгу, которая производит на меня впечатление, мне приходится основательно привести себя в порядок, прежде чем выйти к людям, иначе можно подумать, что я немного чокнутая. В данный момент, как ты заметила, у меня период подавленности. Я тебе честно не могу сказать, отчего это, но думаю, что я то и дело наталкиваюсь на собственную трусость.

Сегодня вечером, когда здесь еще была Белл, вдруг долго, сильно и пронзительно позвонили. В одно мгновение я побелела, у меня схватило желудок и застучало сердце, и все это от страха.

По ночам в постели я вижу себя одну в темнице, без папы и мамы. Иногда я брожу по дороге, или у нас в Заднем Доме пожар, или ночью приходят за нами, и я от отчаяния залезаю под кровать. Я вижу все это как наяву. И вдобавок неотвязное чувство, что все это может случиться с тобой в любую минуту!

Мип часто говорит, что она нам завидует, ведь у нас тут спокойно. Может быть, это и правда, но о нашем страхе она уж точно не думает.

Я совершенно не могу себе представить, что мир когда-нибудь станет для нас таким, как был. Правда, иногда я говорю о «после войны», но говорю будто о воздушном замке, о чем-то несбыточном.

Я вижу нас восьмерых вместе с Убежищем, словно кусочек голубого неба, окруженный черными-пречерными тучами. Ма-

ленький кружок, на котором мы стоим, еще в безопасности, но тучи подступают все ближе, и кольцо, отгораживающее нас от приближающейся опасности, сжимается все теснее. Теперь мы уже настолько окружены опасностью и темнотой, что в отчаянных поисках спасения наталкиваемся друг на друга. Мы все смотрим вниз, где люди сражаются друг с другом, мы все смотрим вверх, где спокойно и прекрасно, а между тем мы отрезаны этой мрачной массой, которая не пускает ни вниз, ни вверх, стоит перед нами непроницаемой стеной, хочет раздавить, но пока не может. И мне остается только кричать и умолять: «О кольцо, кольцо, стань шире и раскройся для нас!»

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 11 НОЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Я только что придумала хороший заголовок для этой главы:

Ода моей авторучке

«In memoriam»*

Моя авторучка всегда была для меня большой ценностью, я очень ею дорожила, особенно из-за ее толстого пера, потому что аккуратно я могу писать только авторучками с толстыми перьями. Моя ручка прожила очень интересную и долгую авторучечную жизнь, которую я хочу вкратце описать.

Когда мне было девять лет, авторучка (завернутая в вату) в коробочке с надписью «бесплатный образец» прибыла из самого Ахена, места жительства моей бабушки, щедрой дарительницы. Я лежала в постели с гриппом, а вокруг дома завывал февральский ветер. Прославленная ручка лежала в красном кожаном футляричке и в первый же день была показана всем моим подругам. Я, Анна Франк, гордая владелица авторучки.

Когда мне исполнилось десять, авторучку можно было взять с собой в школу, и представь себе, учительница разрешила мне ею писать. В одиннадцать лет мне, однако, пришлось спрятать мое сокровище, потому что учительница шестого класса позволяла пользоваться для письма только перьевыми ручками и чернильницами. Когда мне исполнилось двенадцать и я пошла в Еврейский лицей, моя авторучка удостоилась чести получить новый футляр, в котором помещался и карандаш и который, кроме того, выглядел более настоящим, потому что закрывался на молнию. Когда мне было три-

* «Светлой памяти» (лат.).

надцать, авторучка вместе со мной попала в Убежище, где она бегала со мной по многочисленным дневникам и писаниям. Год, когда мне исполнилось четырнадцать, был последним годом, который моя авторучка завершила со мной, и теперь...

Дело было в пятницу днем, в шестом часу, когда я, выйдя из моей комнаты, хотела сесть за стол, чтобы писать, но была грубо отодвинута в сторону и освободила место для Марго и папы, которые занимались своим латинским. Авторучка осталась лежать без дела на столе, а ее владелица со вздохом пристроилась тереть бобы на крохотном уголке стола. «Тереть бобы» — значит приводить в порядок заплесневелые коричневые бобы. Без четверти шесть я подмела пол и бросила мусор вместе с плохими бобами на газете в печку. Оттуда вырвалось великолепное пламя, и я пришла в восторг от того, как ожила печка, дышавшая на ладан.

Покой восстановился, «латинцы» убрались восвояси, и я села за стол, чтобы записать то, что собиралась, но где я только не искала — авторучка исчезла. Я стала искать снова. Марго искала, мама искала, папа искал, Дюссел искал, но эта ручка пропала бесследно.

— Может быть, она угодила в печь, вместе с бобами! — предположила Марго.

— Ах нет, детка! — отвечала я.

Но когда моя авторучка и к вечеру не пожелала обнаружиться, мы все решили, что она сгорела, тем более что целлулоид горит великолепно. И в самом деле, печальное предположение подтвердилось, когда папа на следующее утро, вычищая печь, нашел в грудке пепла зажим от авторучки. От золотого пера найти ничего не удалось. «Наверняка пригорело к какому-нибудь камушку», — решил папа.

Мне осталось одно утешение, хоть все же и слабое: моя авторучка кремирована, чего я в будущем очень хочу и для себя!

Твоя Анна

СРЕДА, 17 НОЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Дом сотрясают события. У Мип дома свирепствует дифтерия, поэтому шесть недель ей нельзя вступать с нами в контакт. Как с едой, так и с покупками все ужасно усложнилось, не говоря уже о том, что нам без нее невесело. Клейман все еще лежит в постели и уже три недели ничего не ел, кроме молока и жидкой каши. Кюглеру жутко некогда.

Уроки латинского Марго присылают обратно, исправленные учителем. Марго пишет под именем Беп. Учитель ужасно милый, а кроме того, остроумный. Он наверняка доволен, что заполучил такую умную ученицу.

Дюссел в совершенной растерянности, и никто не знает отчего. Началось с того, что он наверху не открывал рта и ни менееру Ван Даану, ни мефрау Ван Даан не говорил ни слова. Все это заметили. Так продолжалось несколько дней, и в конце концов мама предупредила его, что мефрау действительно может устроить ему много неприятностей. Дюссел сказал, что это менеер Ван Даан начал молчать и поэтому он не собирается первым прерывать молчание. Теперь учти, что вчера было шестнадцатое ноября, годовщина его пребывания в Убежище. Мама по этому случаю получила цветы в горшке, но мефрау Ван Даан, которая за прошедшие недели не раз намекала на эту дату и прямо говорила, что Дюссел должен выставить угощение, не получила ничего. Вместо того чтобы впервые поблагодарить за бескорыстное укрытие, он вообще не разговаривал. А когда я утром шестнадцатого спросила его, надо ли мне его поздравить или выразить сочувствие, он ответил, что принимает и то и другое. Мама, желавшая выступить в прекрасной роли примирительницы, ничего не добилась, и в конце концов обстановка осталась, какой была.

Не будет преувеличением, если я скажу, что у Дюссела в мозгу не хватает извилины. Мы иногда потихоньку веселимся, потому что у него нет ни памяти, ни мнений, ни суждений, и уже не раз смеялись, когда он только что услышанные новости пересказывал совершенно превратно, путая одно с другим. Кроме того, на лобные укоры и обвинения он отвечает множеством прекрасных обещаний, из которых на самом деле ни одно не выполняется.

«Der Mann hat einen großen Geist
und ist so klein von Taten!» *

Твоя Анна

СУББОТА, 27 НОЯБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Вчера вечером, прежде чем заснуть, мне вдруг представилась Ханнели.

Я видела ее перед собой, в лохмотьях, с изможденным и исхудавшим лицом. У нее были такие большие глаза, и она смотрела на меня так печально и укоризненно, что я могла прочесть в ее глазах:

* «Великий дух у человека, а он так мелочен в делах!» (нем.)

«О Анна, почему ты меня покинула? Помоги, о, помоги мне, спаси меня из этого ада!»

А я не могу помочь ей, я могу только наблюдать, как страдают и умирают другие люди, и поэтому вынуждена сидеть сложа руки и могу лишь молить Бога вернуть ее к нам обратно. Я видела именно Ханнели, и никого другого, и я поняла почему. Я судила о ней неверно, я была слишком маленькой, чтобы понять ее трудности. Она была привязана к своей подруге, а я будто бы собиралась ее отнять. Каково было ей, бедной! Я знаю, мне самой так знакомо это чувство! Порой мельком я видела что-то из ее жизни, но тут же снова эгоистично уходила с головой в свои радости и трудности.

Некрасиво было с моей стороны, как я с ней поступила, и теперь она глядела на меня умоляющими глазами на бледном лице — о! — так беспомощно! Если бы я могла ей помочь! О Боже, у меня здесь есть все, что бы я ни пожелала, а ей предназначена такая злая судьба. Она была набожна не меньше меня и тоже хотела добра, почему же я избрана, чтобы жить, а она, возможно, должна умереть? Какая в нас разница? Почему мы теперь так далеко друг от друга?

Честно говоря, я ее не вспоминала многие месяцы, да, почти что год. Не совсем забыла, но все же настолько, чтоб не представлять себе все ее несчастья.

Ах, Ханнели, надеюсь, что, если ты доживешь до конца войны и вернешься назад, я смогу тебя принять и хоть немного возместить то зло, что я тебе причинила. Но когда я опять смогу ей помочь, моя помощь будет ей уже не так нужна, как сейчас. Вспоминает ли она хоть иногда обо мне и с каким чувством? Господи Боже, помоги ей, сделай, чтоб она, по крайней мере, не была одинока. О, если бы ты мог сказать ей, что я думаю о ней с любовью и состраданием, возможно, это укрепило бы ее силу и мужество.

К чему все эти размышления, ведь нет никакого выхода. Я постоянно вижу ее большие глаза, они не оставляют меня. Верует ли Ханнели в самом деле, не навязана ли ей вера другими? Я даже этого не знаю, ни разу не потрудилась ее об этом спросить.

Ханнели, Ханнели, если бы я могла забрать тебя оттуда, где ты сейчас находишься, если бы могла поделиться с тобой всем тем, чем пользуюсь сама. Слишком поздно, я больше не могу помочь и не могу исправить свои ошибки. Но я никогда ее не забуду и всегда буду молиться за нее!

Твоя Анна

Милая Китти!

Когда приближался День святого Николая, мы все невольно вспоминали о прошлогодней красиво украшенной корзине, и особенно мне казалось обидным пропустить праздник в этом году. Я долго думала и наконец кое-что придумала, очень смешное. Посоветовавшись с Пимом, мы неделю назад приступили к работе, чтобы для всех восьмерых сочинить стишок.

В воскресенье вечером в четверть девятого мы появились наверху с большой бельевой корзиной, украшенной фигурками и бантами из розовой и голубой копировальной бумаги. Корзина была перетянута большим куском коричневой оберточной бумаги, к которой была прикреплена записка. Наверху все были несколько поражены размером сюрприза. Я содрала с оберточной бумаги записку и прочитала:

ПРОЛОГ

В этом году снова пришел Синтерклаас *
 И побывал даже в Убежище у нас.
 Увы, не так, как в прошлый год,
 Отметим мы его приход.
 Тогда еще мы, полные надежды
 И оптимизма, думали, что прежде
 Окажемся мы на свободе, но
 Справлять здесь нам снова суждено
 Приход святого Николая.
 Подарков больше нет, но все-таки желаем
 Преподнести всем что-нибудь...
 Взглянуть в ботинок не забудь!

Последовали раскаты хохота, когда каждый владелец достал из корзины свой ботинок. В каждом ботинке лежал маленький пакетик в оберточной бумаге, с адресом владельца ботинка.

Твоя Анна

СРЕДА, 22 ДЕКАБРЯ 1943 г.

Милая Китти!

Тяжелый грипп помешал мне написать тебе ранее чем сегодня. Болеть здесь мерзко, когда меня донимал кашель, я быстренько залезла под одеяло и изо всех сил пыталась утихомирить мое горло, а

* Святой Николай.

в результате в нем только продолжало першить, и приходилось спасаться молоком с медом, сахаром или пастилками. Стоит вспомнить о курсах лечения, которые они ко мне применяли, как у меня рябит в глазах — потение, припарки, влажные компрессы на грудь, сухие компрессы на грудь, горячее питье, полоскание горла, смазывание, тихо лежать, теплые подушки, грелки, лимонный напиток и вдобавок через каждые два часа термометр. Разве возможно таким образом выздороветь? Самое ужасное для меня было, когда менеер Дюссел, изображая эдакого доктора, положил свою напوماженную голову мне на голую грудь, чтобы прослушать шумы там внутри. Дело не только в том, что его волосы меня жутко щекотали, но я стеснялась, несмотря на то что он когда-то тридцать лет назад получил образование и имеет титул доктора. С какой стати этот тип прикладывает голову к моему сердцу? Он же не мой возлюбленный! Кстати, что там внутри — здоровое или не здоровое, он все равно не слышит, сначала ему надо прочистить уши, потому что он всерьез становится туговат на ухо. Но хватит об этой болезни. Я опять здорова как бык, выросла на один сантиметр, поправилась на два фунта, бледна и жажду учиться.

Ausnahmungsweise* (другое слово здесь не подходит) взаимоотношения хорошие, никто ни с кем не в ссоре, но это вряд ли долго продлится, подобного домашнего мира у нас уж точно полгода не было.

Беп все еще с нами разлучена, но вскоре ее сестричка будет незаразная.

К Рождеству мы получим дополнительно подсолнечного масла, конфет и патоки. К Хануке менеер Дюссел подарил мефрау Ван Даан и маме чудесный торт. Его испекла Мип по просьбе Дюссела. При всей нагрузке Мип пришлось еще и это делать! Марго и я получили по брошке, сделанной из начищенной до блеска монеты в 2,50 цента. Ну, слов нет, просто чудо!

К Рождеству у меня тоже есть кое-что для Мип и Беп. Цельный месяц я копила сахар, предназначенный для моей каши. Клейман отдал сделать из него постный сахар.

Погода пасмурная, печка воняет, пицца тяжело давит всем на желудки, что приводит к грохочущим звукам со всех сторон.

Затишье на войне, настроение гадкое.

Твоя Анна

* Как исключение из правил (нем.).

Дорогая Китти!

Я тебе уже не раз писала, что мы все здесь очень зависим от настроений, и думаю, что в отношении меня это зло, особенно в последнее время, здорово усиливается. «Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt»* здесь точно подходит. «Himmelhoch jauchzend» я бываю, когда думаю о том, как нам здесь хорошо, и сравниваю себя с другими еврейскими детьми, а «zu Tode betrübt» нападает на меня, к примеру, когда у нас здесь бывает мейфрау Клейман и рассказывает о хоккейном клубе Йоопи, о ее плавании на байдарке, выступлениях в спектаклях и чаепитиях с друзьями.

Я не то чтобы завидую Йоопи, но, по правде говоря, мне тоже очень хочется хорошенько повеселиться и посмеяться до коликов в животе. Особенно теперь, зимой, в эти свободные рождественские и новогодние дни, когда мы сидим здесь, словно изгой, и все же на самом деле я не имею права писать эти слова, иначе я покажусь неблагодарной, но я не могу все держать в себе и повторяю вновь те же слова, что и вначале: «Бумага все стерпит».

Когда кто-нибудь входит с улицы, со свежестью ветра в одежде и холодным от мороза лицом, мне хочется спрятать голову под одеяла, чтобы не думать: «Когда нам снова будет позволено вдохнуть свежего воздуха?» И так как мне нельзя спрятать голову под одеяла, наоборот, я должна держаться прямо и бодро, то мысли все-таки приходят, не один раз, а множество, бесчисленное множество раз.

Поверь мне, когда полтора года сидишь взаперти, в иные дни становится просто неспособно. Может, это естественно, а может, неблагодарно с моей стороны, но чувства силой не отогнать. Кататься на велосипеде, танцевать, свистеть, смотреть на мир, чувствовать себя юной, свободной, я жажду этого, и все-таки мне нельзя показывать виду, ведь подумай, если мы все восьмеро станем жалеть себя или корчить недовольные физиономии, что толку? Я же сама иногда думаю: поймет ли кто-нибудь меня в этом, не обращая внимания на неблагодарность, не обращая внимания на то, еврейка я или нет, видя во мне всего лишь подростка, которому так необходимо безудержное веселье? Может, и я не смогла бы ни с кем говорить об этом, потому что наверняка бы заплакала. Слезы могут доставить такое облегчение, если ты только кому-нибудь можешь поплакаться. Несмотря ни на что, несмотря ни на теории, ни на

* «Звездно ликуя, смертельно скорбя» (нем.). Цитата из «Эгмонта» Гёте, пер. Ю.Верховского.

усилия, мне каждый день и каждый час не хватает матери, которая бы меня понимала. И поэтому всегда, что бы я ни делала, что бы ни писала, я думаю о том, что в будущем хочу стать для моих детей такой мамочкой, какую себе представляю. Мамочкой, которая не воспринимает так серьезно все, что говорится, но воспринимает серьезно то, что у меня на душе. Я чувствую, что я не могу это описать, но слово «мамочка» говорит само за себя. Знаешь, что я придумала, чтобы все-таки говорить моей маме что-то вроде «мамочка»? Я часто называю ее Манса, и от этого образуется Манс. Это на самом деле не совсем «mams»*, и мне бы так хотелось удостоить «н» еще одной ножкой, чтобы получилось «м». К счастью, Манс этого не осознает, иначе она стала бы чувствовать себя несчастной.

Ну, хватит, мое «zu Tode betrübt», пока я писала, несколько развеялось!

Твоя Анна

Теперь, когда после Рождества прошел всего один день, я не могу непрерывно не думать о Пиме и о том, что он рассказал мне в прошлом году. В прошлом году, когда я не так понимала суть его слов, как понимаю теперь. Заговори он еще раз, возможно, я бы ему намекнула, что я его понимаю!

Думаю, что Пим заговорил об этом потому, что знает так много чужих «сердечных тайн» и ему тоже было необходимо хоть раз открыться, ведь обычно Пим никогда не рассказывает ничего о себе, и, по-моему, Марго даже не догадывается, что Пим должен был пережить. Этот бедный Пим, он не может обмануть меня, будто он ее забыл. Никогда он этого не забудет. Он стал уступчивым, потому что тоже видит мамины недостатки. Я надеюсь, что стану немного похожа на него, только не хотелось бы пережить то, что пережили он!

Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 27 ДЕКАБРЯ 1943 г.

В пятницу вечером я впервые в жизни получила кое-что к Рождеству. Девочки, Клейман и Кюглер снова приготовили великолепный сюрприз. Мип испекла великолепный рождественский пирог, на котором стояло «Мир 1944». Беп раздобыла фунт сливочных печений довоенного качества.

Петеру, Марго и мне досталась бутылочка йогурта, а взрос-

* «Мамочка» (голл.).

лым — каждому по бутылочке пива. Все опять было так мило упаковано, и на пакетиках были приклеены милые картинки. В остальном рождественские дни прошли для нас быстро.

Анна

СРЕДА, 29 ДЕКАБРЯ 1943 г.

Вчера вечером мне снова было ужасно грустно. Снова вспомнились бабушка и Ханнели. Бабушка, о наша любимая бабушка, как мало мы понимали из того, что ей пришлось пережить, какая она была всегда с нами милая, как интересовалась всем, что касалось нас. И при этом постоянно бережно охраняла страшную тайну, которую она носила в себе*.

Какая бабушка была всегда верная и добрая, никого из нас она никогда не оставила бы в беде. Что бы ни случилось, какой бы я ни была непослушной, бабушка всегда меня оправдывала. Бабушка, ты любила меня или тоже никогда меня не понимала? Не знаю. Как, должно быть, она была одинока, как одинока, несмотря на то что у нее были мы. Человек может быть одинок, несмотря на любовь многих, если он все-таки ни для кого не является «самым любимым».

А Ханнели? Жива ли она еще? Что она делает? О Господи, защити ее и верни нам. Ханнели, думая о тебе, я постоянно вижу, какова могла бы быть и моя судьба, постоянно вижу себя на твоём месте. Почему же тогда мне часто бывает грустно от того, что происходит здесь? Не должна ли я быть всегда довольной, радостной и счастливой, кроме тех минут, когда я думаю о ней и о тех, кто разделил ее судьбу? Я эгоистка и трусиха. Почему я всегда думаю о самых ужасных вещах и вижу их во сне и от страха мне хочется орать? Потому что я, несмотря ни на что, недостаточно доверяю Богу. Он дал мне так много того, чего я еще точно не заслужила, и все-таки я каждый день так много делаю неправильно!

Можно заплакать, как подумаешь о своих близких, можно на самом деле проплакать целый день. Можно только лишь молиться, чтобы Бог сотворил чудо и некоторых из них сохранил. И надеюсь, я молюсь достаточно!

Твоя Анна

* Бабушка была тяжело больна.

Милая Китти!

После недавних крупных ссор здесь все идет хорошо, как между нами, Дюсселом и верхними, так и между менеером и мефрау. Но теперь снова надвигаются густые грозовые тучи, и именно по поводу... еды. Мефрау пришла в голову пагубная идея по утрам жарить меньше картошки, а лучше ее приберечь. Мама, Дюссел и мы в том числе были с этим не согласны, и теперь картошку тоже разделили. А теперь неладно и с жиром, и маме снова придется вмешаться. Если дело примет интересный оборот, я тебе напишу. За последнее время мы разделили мясо (им — жир, нам — без жира); им — суп, нам — нет; картофель (им — очищенный, нам — в мундире). Дополнительные закулки, а теперь еще и жареный картофель.

Разделить бы нас совсем!

Твоя Анна

P.S. Беп сделала мне на заказ открытку всей королевской семьи. Юлиана выглядит там ужасно молодой, как и королева. Три девочки прелестны. По-моему, это потрясающе мило со стороны Беп, не правда ли?

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2 ЯНВАРЯ 1944 г.

Милая Китти!

Когда мне сегодня утром было нечего делать, я перелистала свой дневник и несколько раз наткнулась на письма, где предмет «мама» рассматривается в таких сильных выражениях, что я пришла в ужас и спрашивала себя: «Анна, это ты говорила о ненависти? О Анна, как ты могла?»

Я осталась сидеть с открытым дневником в руках и думала о том, как же вышло, что я была так переполнена гневом и в самом деле так полна ненавистью, мне необходимо было все это поверять тебе. Я попыталась понять Анну, какой она была год назад, и оправдать ее, так как совесть моя не чиста, пока я, обрушив на тебя эти обвинения, не объясню тебе задним числом, откуда это взялось. Я мучаюсь и мучилась настроениями, которые (в переносном смысле) меня тянули с головой под воду и показывали мне вещи субъективно, вместо того чтобы спокойно обдумать слова противной стороны, а потом поставить себя на место того, кого я со своим кипучим темпераментом обидела или кому я причинила боль.

Я спряталась сама в себе, смотрела только в себя саму и все мои радости, издевки и печали, не задумываясь, заносила в дневник. Этот дневник мне важен, потому что во многом он стал книгой мемуаров, хотя на некоторых страницах я могла бы сделать приписку: «прошло».

Я злилась на маму (и до сих пор часто злюсь). Она не понимала меня, это верно, но я ее тоже не понимала. Она меня любила, была ласковой со мной, но часто оказывалась из-за меня в неприятных ситуациях и из-за этого и из-за многих других печальных обстоятельств была нервной и раздраженной, потому-то и кричала на меня.

Я принимала это слишком всерьез, обижалась, была грубой и противной по отношению к ней, что ее в свою очередь огорчало. В общем, мы по очереди доставляли друг другу взаимные неприятности и огорчения. Удовольствия, во всяком случае, это нам обоим не приносило, но это проходит. А что я этого не хотела видеть и очень сочувствовала сама себе, тоже можно понять.

Слишком резкие предложения — просто выплески злости, которые я в обычной жизни выпустила бы на волю, потопав ногами в комнате, закрытой на ключ, или выругавшись за маминой спиной.

Период, когда я в слезах осуждала маму, кончился, я стала мудрее, да и мамы нервы слегка успокоились. Большею частью я помалкиваю, когда раздражаюсь, и она тоже, поэтому дела идут, по-видимому, лучше. Ведь любить маму по-настоящему, привязчивой любовью ребенка, я не могу.

Так что я успокаиваю мою совесть мыслью, что пусть лучше грубые слова останутся на бумаге, чем если бы маме пришлось носить их в своем сердце.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 6 ЯНВАРЯ 1944 г.

Дорогая Китти!

Сегодня я должна сделать тебе два признания, это займет много времени, но кому-то я должна их сделать, и тогда уж лучше тебе, потому что я точно знаю, что ты всегда при всех обстоятельствах будешь молчать.

Первое касается мамы. Ты знаешь, я много раз жаловалась на маму, а потом все же старалась быть с ней милой. Вдруг мне стало ясно, в чем ее недостаток. Мама сама сказала нам, что видит в нас скорее подруг, чем дочерей. Это, конечно, очень мило, но подруга все-таки не может заменить мать. Мне необходимо видеть в матери

пример для подражания, почитать ее, и моя мать во многом действительно служит для меня примером, но примером как раз того, как поступать не надо. Мне кажется, Марго смотрит на все это по-другому и никогда не поняла бы меня, скажи я ей то, что говорю тебе. Ну а папа уваливает от лобых разговоров про маму.

На мой взгляд, мать прежде всего должна быть очень тактичной, особенно со своими детьми и особенно в таком возрасте, как наш, а Манса беспощадно высмеивает меня, когда я плачу не от физической боли, а от чего-то другого.

Может, это глупо, но одного случая я ей так и не простила. В тот день мне надо было к зубному врачу. Мама и Марго пошли вместе со мной и не возражали, чтобы я взяла велосипед. И вот мы освободились и снова выпшли на улицу, и тут они мне весело так заявляют, мол, они теперь пойдут в центр что-то посмотреть или купить, теперь уже не помню точно, что они мне сказали. Я, конечно, хотела пойти с ними, но оказалось, это невозможно, потому что я с велосипедом. У меня от злости навернулись слезы, а мама и Марго принялись громко смеяться. Я пришла в такую ярость, что показала им язык прямо на улице, а мимо как раз проходила какая-то маленькая женщина, она прямо оторопела. Я поехала на велосипеде домой и еще долго плакала. Странно, что из всех неисчислимых ран, которые нанесла мне мама, именно эта начинает болеть, стоит мне лишь вспомнить, как я тогда злилась.

Второе признание сделать очень трудно, потому что касается оно меня самой. Китти, я не ханжа, но, когда они здесь часто и со всеми подробностями рассказывают, кто что именно делает в уборной, меня всю переворачивает. Вчера я читала статью Сис Хейстер, она пишет о том, почему люди краснеют. В этой статье она как будто обращается прямо ко мне. Правда, обычно я не краснею, но все остальное сказано как будто в точности про меня. Хейстер пишет примерно следующее: когда девочка превращается в девушку-подростка, она становится молчаливой, и замыкается в себе, и начинает размышлять о чудесах, которые происходят в ее теле. Со мной дело обстоит именно так, и потому в последнее время я начала стесняться мамы, папы и Марго, Марго вообще-то стеснительная, не в пример мне, но родителей она ни капельки не стесняется.

Происходящее со мной кажется таким удивительным, и не только внешние перемены моего тела, но и то, что совершается внутри. Я никогда ни с кем не говорю о себе и об этих вещах, но именно поэтому я говорю о них с самой собой. Всякий раз, когда у меня бывают месячные (а это случалось пока всего три раза), у меня возникает чувство, что, несмотря на всю боль, неудобства и грязь, я ношу в себе некую сладостную тайну, и поэтому я всегда

в каком-то смысле радостно предвкушаю время, когда снова почувствую ее в себе, хотя на самом деле у меня от месячных одни неприятности. Дальше Сис Хейстер пипет, что девочка в этом возрасте бывает не совсем уверена в себе, и еще, что она открывает в себе отдельную, самостоятельную личность, со своими взглядами, мыслями и привычками. Я попала сюда, когда мне едва исполнилось тринадцать, и раньше начала задумываться о себе и поняла, что я «человек в себе». Иногда вечером, в постели, мне ужасно хочется потрогать свои груди и почувствовать, как спокойно и уверенно бьется мое сердце.

Похожее происходило со мной еще до того, как я попала сюда, только я этого не осознавала; помню, однажды я ночевала у Жак, и ее тело, которое она всегда прятала от меня и которого я никогда не видела, вызвало у меня такое любопытство, что я не смогла его сдерживать. Я предложила в знак нашей дружбы потрогать друг у друга грудь. Жак отказалась. А бывало, мне ужасно хотелось поцеловать Жак, и я ее целовала. Всякий раз, как я вижу обнаженную женскую фигуру, например Венеру в «Истории искусств» Шпрингера, я впадаю в экстаз. Иногда от восторга перед несказанной красотой этой Венеры у меня наворачиваются слезы. Ах, если бы у меня была подруга!

ЧЕТВЕРГ, 6 ЯНВАРЯ 1944 г.

Милая Китти!

Желание с кем-нибудь поговорить стало просто непреодолимо, не известно почему мне даже взбрело на ум выбрать для этого Петра. Я и раньше иногда поднималась к нему в комнатухку, при свете, и мне там всегда было очень уютно, но, зная, что Петер по своей скромности никогда не выставит за дверь человека, который ему в тягость, я не решалась оставаться там долго, боялась, что надоем ему. Теперь я стала искать случая вроде бы невзначай остаться у него в комнате и поболтать с ним, и вчера случай такой представился. Дело в том, что Петер вдруг безумно увлекся кроссвордами, это у него настоящая мания, он их решает целыми днями. Я стала ему помогать, и вскоре мы уже сидели друг против друга за его столиком, он на стуле, а я на диване.

Глядя в его синие глаза и видя, как он смущается от моего необычного визита, я испытывала удивительное чувство. Я словно читала по его лицу, что происходит у него внутри, — видела его беспомощность, видела, что он не знает, как себя вести, угадывала, что он начинает осознавать себя мужчиной. Я смотрела, как он

смущается, и внутри у меня все таяло. Я хотела попросить его: расскажи что-нибудь о себе. Прорвись сквозь эту злосчастную болтовню. Но я убедилась, что такие просьбы легче приготовить, чем произнести вслух.

Вечер кончился, и ничего не произошло, я только рассказала ему про статью Хейстер и объяснила, почему он краснеет. Разумеется, не так, как здесь записала, а просто сказала, что уверенность придет к нему с годами. А вечером, в постели, не удержалась и долго-долго плакала, тихо, чтоб никто не услышал. Мне казалось просто ужасным, что я как бы вымаливаю у Петера расположение. Но охота пуще неволи! В этом ты можешь убедиться на моем примере, потому что я все-таки решила почаще заходить к Петеру и постараться так или иначе разговорить его.

Не подумай, что я влюблена в Петера, об этом и речи нет. Будь у Ван Даанов дочь, а не сын, я бы тоже попыталась с ней подружиться.

Сегодня утром я проснулась примерно без пяти семь и сразу же четко вспомнила свой сон. Мне снилось, что я сижу на стуле, а напротив сидит Петер... Схифф. Мы листаем книгу с рисунками Мэри Бос. Сон был такой отчетливый, что некоторые рисунки я помню и сейчас. Но это еще не все, сон продолжался, вдруг наши взгляды встретились, и я долго смотрела в его красивые бархатные карие глаза. Потом Петер очень нежно сказал: «Если бы я знал, я бы давно к тебе пришел». Я рывком отвернулась, не в силах совладать с волнением. И тут я почувствовала, как его нежная, ах, такая прохладная, такая благодатная щека прикоснулась к моей, и все стало так хорошо, так хорошо...

В этом месте я проснулась, продолжая чувствовать щекой щеку Петера, а его карие глаза, казалось, глядели в самую глубину моего сердца и читали, как сильно я его любила и люблю до сих пор. Слезы снова навернулись на глаза, мне стало очень грустно, что я опять его потеряла, но в то же время все-таки опять радостно, потому что я убедилась: Петер по-прежнему мой любимый. Странно, мне часто снятся такие отчетливые сны. Однажды мне приснилась бабуля, я отчетливо видела ее морщинистую кожу, похожую на толстый мягкий вельвет. Потом как ангел-хранитель появилась бабушка, потом Ханнели, которая стала для меня символом бедствий всех моих друзей и всех евреев: когда я молось за нее, я молось за всех евреев и всех несчастных людей вместе.

А теперь вот Петер, мой милый Петер, никогда еще я не видела его мысленным взором так отчетливо. Мне не нужна его фотокарточка, я вижу его так ясно...

Твоя Анна

Дорогая Китти!

Ну какая же я дура, как я раньше не подумала о том, что ведь ты ничего не знаешь о моей великой любви. Когда я была совсем маленькая, еще в детском саду, я влюбилась в Салли Киммела. У него не было отца, и он с матерью жил у тетки. Аппи, двоюродный брат Салли, стройный красивый брюнет, со временем сделался вылитым киногероем и стал нравиться всем больше, чем маленький забавный толстяк Салли. Мы много бывали все вместе, впрочем, моя любовь оставалась безответной, пока на моем пути не встретился Петер, и теперь уже у меня была тройная детская любовь, Петеру я тоже нравилась, и одно лето мы были неразлучны. Я так и вижу, как мы, взявшись за руки, идем по Зейдер-Амстеллаан, он в белом хлопчатобумажном костюме, я в коротком летнем платьице. После летних каникул он пошел в первый класс средней школы, а я в шестой класс начальной. То он заходил за мной после уроков, то я за ним. Петер был красив как картинка, высокий, стройный, лицо серьезное, спокойное, умное. У него были темные волосы, изумительные карие глаза, смуглый румянец и тонкий нос. Особенно я сходила с ума от его смеха: когда Петер смеялся, он тут же превращался в шаловливого озорного мальчишку.

Наступили новые каникулы, я уехала за город, а когда вернулась, не нашла Петера по старому адресу; оказалось, за это время он переехал и жил теперь в одном доме с другим мальчиком, гораздо старше его. Наверно, этот-то мальчик и обратил его внимание на то, что я еще малявка-несмышленица, и Петер меня бросил.

Я его так любила, что не хотела смотреть правде в глаза, пыталась удержать его, но в один прекрасный день мне стало ясно, что, если я и дальше буду бегать за ним, меня начнут дразнить мальчишницей.

Шли годы. Петер встречался со своими сверстниками, а со мной теперь даже не здоровался. Я поступила в Еврейский лицей, многие мальчики из нашего класса влюбились в меня, но мне это было безразлично. Позже мною увлекся Хелло, но, как я уже говорила, сама я больше не влюблялась.

Говорят, время лечит. Так случилось и со мной. Я воображала, что забыла Петера, и теперь уже не находила в нем ничего особенного. И все же память о нем продолжала жить во мне с такой силой, что иногда я признавалась самой себе: я просто ревную его к другим девочкам и только поэтому не нахожу привлекательным. Сегодня утром я убедилась: я не разлюбила его, наоборот, теперь, когда я стала старше и взрослее, вместе со мной выросла и моя любовь.

Теперь я хорошо понимаю Петера: я тогда действительно была ребенком, и все же мне до сих пор больно, что он мог меня забыть. Я отчетливо вижу перед собой его лицо, так я никогда в жизни никого другого не запомню.

Сегодня я, что называется, «в растрепанных чувствах». Утром отец поцеловал меня, а я чуть не воскликнула вслух: «Как жаль, что ты не Петер!» Я все время думаю о нем и целый день твержу про себя: «Мой Петер, милый, милый Петер...»

Что мне остается? Жить дальше и молить Господа, чтобы, когда я выйду отсюда, он свел меня с Петером и чтобы Петер прочел в моих глазах, как я его люблю, и сказал: «О Анна, если бы я знал, я бы уже давно пришел к тебе». Однажды мы с отцом говорили об интимных отношениях мужчины и женщины, и он сказал, что я еще не могу понять, что такое влечение, но я и тогда это понимала, а уж теперь и подавно. Петер, ты мне дороже всего на свете!

Я посмотрелась в зеркало, у меня совсем другое лицо.

Глаза прозрачные и глубокие, на щеках румянец, которого не было уже много недель, губы стали мягче, я выгляжу счастливой, и в то же время в лице есть что-то грустное, улыбка готова вот-вот исчезнуть. Я не счастлива, ведь на самом деле я знаю, что Петер не думает обо мне, и все же я чувствую на себе взгляд его прекрасных глаз, чувствую, как его прохладная нежная щека прикасается к моей... Ах, Петер, Петер, как же мне освободиться от твоего образа? Ведь никто другой не заменит мне тебя, будет лишь жалким суррогатом. Я люблю тебя, любовь моя так велика, что не может больше расти в моем сердце, она должна вырваться на поверхность и явиться мне во всей своей мощи.

Еще неделю назад, еще вчера на вопрос: «Кто из твоих знакомых, по-твоему, больше всего подходит тебе в мужья?» — я бы ответила: «Салли, с ним мне будет хорошо, спокойно и надежно». А сегодня я бы закричала: «Петер, я люблю его всем сердцем, всей душой, люблю покорно и преданно!» Лишь одного я ему не позволю — прикасаться к моему телу, можно только к лицу.

Сегодня я представила себе, как мы с Петером сидим в мансарде на дровах у окон и, немного поговорив, оба заливаемся слезами. А потом я почувствовала прикосновение его губ и его удивительной щеки. Ах, Петер, приходи ко мне, думай обо мне, мой родной, мой милый Петер!

Дорогая Китти!

Уже две недели Беп снова у нас, хотя ее сестренка пойдет в школу только со следующей недели. Сама она два дня пролежала в постели с сильной простудой. Мип и Ян тоже на два дня покинули свой пост, у обоих было расстройство желудка.

У меня сейчас увлечение танцами и балетом, и каждый вечер я усердно упражняюсь, выделывая разные па. Из маминой сиреневой с кружевом нижней юбки я соорудила себе сверхмодное платье для танцев. Сверху продернута лента, которая завязывается над грудью. Розовый бант довершает туалет. Но сделать из моих спортивных тапочек настоящие балетки мне так и не удалось, как я ни старалась. К моим деревянным рукам и ногам быстро возвращается белая гибкость. Самое гениальное упражнение — сесть на пол, обеими руками взяться за пятки, а потом поднять обе ноги. Но приходится подкладывать подушку, а то очень уж это суровое испытание для моей бедной попки...

Тут у нас все читают книжку под названием «Безоблачное утро». Мама от нее в восторге, потому что в ней много говорится о молодежных проблемах. Я не без иронии думаю: «Лучше бы ты повнимательнее смотрела на молодежь в собственном доме».

По-моему, мама думает, что большей близости между детьми и родителями, чем в нашей семье, просто не может быть и что ни одна мать так не вникает в жизнь своих дочерей, как она. При этом она наверняка имеет в виду не меня, а только Марго, у которой, думаю, никогда не возникают такие мысли и проблемы, как у меня. Я совсем не хочу, чтобы мама догадалась, что с одним из ее отпрысков дело обстоит совсем не так, как ей кажется, ее бы это сильно удивило, а взяться за дело по-другому она все равно бы не сумела; зачем причинять ей горе, ведь для меня от этого все равно ничего не изменилось бы. Мама, вероятно, чувствует, что Марго любит ее гораздо больше, чем я, но считает, что просто на меня иногда находит такое настроение.

Марго стала очень милая, совсем не такая, как раньше, почти не говорит мне колкостей и сделалась настоящей подругой. Теперь она уже не смотрит на меня как на малышку, с которой можно не считаться.

Как странно, иногда я вижу себя словно бы глазами другого человека. Я неторопливо озираю дела некоей Анны Франк и листаю книгу собственной жизни, как будто это чужая жизнь.

Раньше, дома, когда я еще не так много думала, мне временами казалось, что я неродной ребенок в своей семье и всегда буду отли-

чаться от Мансы, Пима и Марго. Бывало, по полгода сама для себя играла роль сиротки, а потом начинала казнить и утрызгиваться, мол, сама виновата, изображая из себя страдальцу, а на самом деле у меня все хорошо. И какое-то время я заставляла себя быть ласковой. Каждое утро, заслышав шаги на лестнице, я надеялась, что это мама идет сказать мне «доброе утро», и приветливо здоровалась с ней, потому что и вправду радовалась ее доброму взгляду. Потом, в ответ на какое-нибудь мое замечание, она грубо обрывала меня, и я удрученная уходила в школу. По дороге из школы домой я находила ей оправдание, у нее-де так много забот, и приходила домой оживленная, болтала без умолку, пока не повторялось то же, что было утром, и тогда я брала свой ранец и в задумчивости выходила от нее. Иногда я решала не прощать ее, но я всегда приносила домой из школы столько новостей, что забывала о своем решении, мне надо было, чтобы мама во что бы то ни стало выслушала меня. А потом опять все менялось, по утрам я больше не прислушивалась к шагам на лестнице, чувствовала себя одинокой и вечерами обливалась слезами подушку.

Здесь все стало гораздо хуже, ну да ладно, это ты уже знаешь. Но Господь послал мне помощь — Петера. Я прикасаюсь к своему кулону и думаю: «Ну что мне за дело до всего этого сумасшедшего дома? Петер со мной, и это моя тайна». И мне уже не больно, как бы меня ни обижали. Кто здесь поймет, что происходит в душе девочки-подростка?

СУББОТА, 15 ЯНВАРЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Нет смысла снова и снова в подробностях описывать тебе наши свары и споры. Достаточно сообщить, что мы выделили из общего хозяйства очень многие продукты, например жир и мясо, и отдельно жарим себе картошку. Начали добавлять к рациону по кусочку ржаного хлеба, потому что уже в четыре часа ждем не дождемся обеда и просто не в силах совладать с бунтующими желудками.

Мамин день рождения приближается семимильными шагами. Она получила от Кюглера дополнительно сахару, что вызвало ревность у Ван Даанов, ведь на день рождения мейфрау Ван Даан такого угощения не было. Но не буду надоедать тебе, описывая все эти взрывы негодования, слезы и колкости, достаточно сказать, что уж нам-то они надоели еще больше.

Мать пожелала себе на день рождения две недели не видеть лица менеера Ван Даана, что пока невыполнимо. Интересно, всегда

ли люди, которые долго живут вместе, в конце концов начинают ссориться? Или нам просто не повезло? Когда Дюссел за столом из полчашки подливки берет себе четвертую часть, совершенно спокойно оставляя других вообще без подливки, у меня пропадает аппетит и появляется желание вскочить и выставить его за дверь. Неужели почти все люди такие — жадные и скупые? Конечно, неплохо, что я здесь немного лучше узнала людей, но, по-моему, с меня уже хватит. Петер говорит то же самое.

Но войне нет дела до наших ссор, так же как до нашей любви к свободе и свежему воздуху, и потому нам ничего не остается, как постараться получше устроить свою жизнь здесь.

Конечно, проповедовать легко, но на самом деле если я еще долго здесь просижу, то превращусь в высохшую жердь. А мне так хочется быть нормальным подростком!

В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ, 19 ЯНВАРЯ 1944 г.

Милая Китти!

Я (все я да я — прости!) не знаю, что со мной происходит, но после того сна постоянно замечаю, как я изменилась. Между прочим, сегодня мне снова снился Петер, он смотрел мне в глаза своим проникающим в душу взглядом, но этот сон был не таким прекрасным, да и не запомнился так отчетливо, как предыдущий.

Как ты знаешь, я всегда ревновала папу к Марго. Теперь этого нет и в помине; правда, мне по-прежнему неприятно, когда папа, нервничает и обходится со мной несправедливо, но тогда я думаю: я не должна на вас обижаться за то, что вы такие, какие есть; вы так много рассуждаете о детских и юношеских мыслях и чувствах, а на самом деле они для вас — темный лес. От отца мне нужно больше чем поцелуи и ласки. Наверно, это ужасно с моей стороны, что я все время занимаюсь собой. Я хочу быть доброй и ласковой, и, наверно, прежде всего я должна научиться прощать их. Я прощаю и маму тоже, но мне это дается очень трудно, ведь она ехидничает и все время высмеивает меня.

Знаю, я далеко еще не такая, какой мне следует быть: сумею ли я когда-нибудь стать такой?

Анна Франк

P.S. Папа спрашивает, написала ли я тебе про торт? Дело в том, что мама получила в подарок от служащих конторы настоящий довоенный торт, кофейный. Он был изумительно вкусный. Но меня сейчас очень мало интересуют такие вещи.

Милая Китти!

Может быть, хоть ты сможешь мне объяснить, почему все люди так тщательно прячут от других свой внутренний мир? А я, почему в обществе я всегда веду себя совсем не так, как нужно? Почему люди так мало доверяют друг другу? Я знаю, тут наверняка есть какая-то причина, но иногда меня ужасно удручает, что везде, даже среди самых близких людей, так мало настоящей задушевности. Мне кажется, что после той ночи, когда я увидела тот сон, я повзрослела, в большей степени стала самостоятельной личностью. Ты, наверно, сделаешь большие глаза, если я скажу тебе, что даже к Ван Даанам я теперь отношусь по-другому. Вдруг я увидела все наши споры и т.д. и т.п. не только с предвзятой точки зрения нашей семьи. Ты спросишь, как получилось, что я так переменялась? Видишь ли, мне вдруг пришло в голову, что, будь моя мать другой, будь она настоящей мамой, наши с ней отношения тоже были бы совсем другими. Конечно, меффрау Ван Даан не назовешь симпатичной, я не спору, но, если бы наша мать не становилась неуправляемой во время любого острого разговора, половины ссор можно было бы избежать. Дело в том, что у меффрау Ван Даан есть одно достоинство, а именно: она слышит то, что ей говорят. При всем ее эгоизме, жадности и каверзости она легко соглашается с доводами собеседника, если только ее не раздражать и не вызывать желания сказать наперекор. Правда, этот метод срывает не всегда, но надо набраться терпения и в следующий раз сделать новую попытку, авось и получится.

Все споры о воспитании, о нашей избалованности, о еде и о многом другом проходили бы совершенно иначе, если бы мы вели их откровенно и по-дружески, а не выискивали друг у друга только недостатки.

Я знаю, что ты мне сейчас скажешь, Китти: «Анна, твои ли это слова? Ведь ты чего только не наслушалась от соседней сверху, а как несправедливо они поступали!»

Знаю и все же говорю эти слова. Я хочу разобраться во всем с самого начала, не следуя пословице «Куда матушка, туда и дитячко». Составить собственное мнение о Ван Даанах и решить, в чем мои родители правы, а в чем преувеличивают. Если разочаруюсь, снова буду подпевать родителям, но если нет, постараюсь их разубедить, а не сумею — все равно буду отстаивать свое мнение. При любом удобном случае я буду откровенно обсуждать с меффрау Ван Даан разные спорные вопросы и высказывать свое непредвзятое суждение, пусть даже она обзывает меня «всезнайкой». Выступать

против собственной семьи я все-таки не могу, но сплетничать о Ван Даанах со своими с сегодняшнего дня прекращаю, разве что буду их защищать, кто бы ни говорил про них гадости.

До сих пор я была твердо уверена, что во всех ссорах виноваты Ван Дааны, но теперь думаю, что и мы не без греха. То есть мы бываем правы по существу спора, но от разумных людей (а к таковым мы себя причисляем) можно ожидать большего умения и такта в общении. Надеюсь, я этому немножко научилась и найду случай свое умение применить.

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 24 ЯНВАРЯ 1944 г.

Милая Китти!

Со мной произошел случай (хотя о нем очень трудно рассказывать), который мне самой кажется ужасно странным.

Все, что мне приходилось раньше, дома и в школе, слышать насчет интимных отношений между мужчинами и женщинами, либо говорилось по секрету, либо было противно. Слова, которые это обозначали, произносились шепотом, а над тем, кто чего-то не знал, нередко смеялись. Меня это удивляло, и я часто задумывалась, почему об этих вещах говорят либо загадками, либо мерзко. Но что я могла поделать, оставалось расспрашивать подруг. Однажды, когда я уже довольно много знала, мама сказала мне: «Анна, послушай доброго совета, никогда не заговаривай на эту тему с мальчиками и не отвечай, если они заговорят об этом».

Свой ответ я помню дословно, я сказала: «Само собой, надо же вообразить такое!» Тем дело и кончилось.

Первое время здесь, в Убежище, папа часто рассказывал о вещах, о которых я предпочитала бы услышать от мамы, остальное я узнала из книг и бесед.

Петер Ван Даан никогда не приставал ко мне с гадкими разговорами, как делали мальчики в школе, может, лишь разок-другой в самом начале, и то не затем, чтобы выгнать что-то из меня. Мэфрау однажды сказала нам, что она никогда не говорила с Петером о таких вещах и, насколько ей известно, ее муж тоже. Похоже, она даже не знала, насколько Петер в курсе дела.

Вчера мы втроем — Марго, Петер и я — чистили картошку, и разговор зашел о Моффи. Я спросила:

— Так что же, мы до сих пор не знаем, кто у нас Моффи, кот или кошка?

— Почему же, знаем, — ответил Петер. — Моффи — кот.

Меня разобрал смех: хорошенький кот! Петер и Марго тоже смеялись.

А дело в том, что месяца два назад Петер установил, мол, скоро Моффи окотится, у нее просто на удивление раздуло живот. Но оказалось, живот у Моффи раздуло от ворованных лакомых кусочков, приплод перестал расти, а уж на свет и подавно не появился.

Но теперь Петер счел нужным исправить свой промах.

— Пойдем, сама посмотришь. Однажды я четко разглядел, что это кот, когда баловался с ним.

Я не могла превозмочь любопытства и пошла с Петером на склад. Но у Моффи были неприятные часы, и мы так и не смогли его обнаружить. Немного подождали, но замерзли и поднялись по всем этим бесчисленным ступенькам обратно.

Позже я услышала, что Петер второй раз спускается по лестнице. Я собрала все свое мужество, чтобы одной пройти через тихий дом, и очутилась на складе. Моффи стоял на упаковочном столе, и Петер играл с ним, сейчас он как раз взвешивал кота на весах.

— А, привет, ну как, хочешь посмотреть? — Без долгих приготовлений Петер схватил кота, перевернул его на спину, ловко сжал морду и лапы, и урок начался. — Вот видишь, это мужской половой орган, тут у него растут несколько волосков, а вот задний проход.

Кот перевернулся на сто восемьдесят градусов и снова стоял на всех четырех лапах в белых носочках.

На любого другого мальчишку, который показал бы мне «мужской половой орган», я бы потом не могла смотреть. Но Петер как ни в чем не бывало продолжал говорить на эту обычно столь мучительную тему, у него совсем не было никаких грязных задних мыслей, и в конце концов он успокоил меня, и я тоже почувствовала себя как ни в чем не бывало. Мы играли с Моффи, нам было весело, мы поболтали и наконец прогулялись по длинному пакгаузу до двери.

— Ты присутствовал, когда кастрировали Муши?

— Ну да, дело было минутное. Коту, само собой, сделали местный наркоз.

— Ему что-нибудь удалили?

— Нет, врач просто перерезает семенной канал. Снаружи ничего не заметно.

Я собралась с духом: произнести то, что хотела сказать «как ни в чем не бывало», все же оказалось трудно.

— Петер, половые органы у самца и самочки называются по-разному.

— Знаю.

— У самки, по-моему, «влагалище», а как у самца — не помню.

— Да.

— Ну конечно, — продолжала я. — Откуда нам знать эти слова, ведь они могут нам попасться разве что случайно.

— Нет, почему же, я обо всем спрашиваю родителей. Они знают больше, чем я, и у них больше опыта.

Мы были уже на лестнице, и я решила прикусить язык. Честное слово, так просто я не смогла бы говорить про это даже с девочкой. И конечно, когда мать предостерегала меня насчет мальчиков, она имела в виду совсем не такой разговор. Но все-таки я целый день была немного не в своей тарелке; вспоминая наш разговор, я все же находила его не совсем обычным. Но мой жизненный опыт пополнился хотя бы одним: оказывается, молодые люди, и даже разных полов, могут разговаривать на эти темы непринужденно и без шуточек.

Правда ли, что Петер о многом спрашивает родителей? И делает это так же непринужденно, как вчера со мной? Ах, что я знаю об этом?!!

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 28 ЯНВАРЯ 1944 г.

В последнее время я увлеклась родословными и генеалогическими таблицами королевских домов; и знаешь, только начни, и тебя так и тянет все дальше в глубь веков, и на этом пути ждут все более интересные открытия.

Хотя я прилежно учусь, в английском, например, так преуспела, что слушаю «Внутреннее вещание» английского радио (и почти все понимаю), я нахожу время целыми воскресеньями разбирать и сортировать свою коллекцию портретов кинозвезд, она уже приобрела внушительные размеры. Менеер Кюглер каждый понедельник приносит мне очередной номер «Кино и театра», чему я очень радуюсь. Мои не слишком светские сожителю по Убежищу ворчат на это баловство и пустую трату денег, зато они же всякий раз поражаются, когда я чуть ли не год спустя могу точно назвать всех актеров, игравших в том или ином фильме. Беп часто в свободное время ходит со своим другом в кино, и вот она называет мне фильм, на который они собираются в очередную субботу, и я тут же отбараниваю имена исполнителей главных ролей, а также что пишут об этом фильме критики. Недавно Манса сказала, мол, после освобождения мне не надо будет ходить в кино — ведь сюжеты всех фильмов, имена кинозвезд и мнения рецензентов я держу в голове.

Иногда я являюсь с новой прической, и тут все неодобрительно поджимают губы, а кто-нибудь непременно спросит, у какой же кинозвезды я позаимствовала сооружение, которое красуется у меня на голове. Я отвечаю, что придумала прическу сама, но они не верят. С новой прической мне удается походить не более получаса, каждый норовит сказать про нее что-нибудь плохое, и мне это так надоедает, что я спешу в ванную и восстанавливаю свои обычные кудряшки.

ПЯТНИЦА, 28 ЯНВАРЯ 1944 г.

Милая Китти!

Сегодня я спросила себя, не чувствуешь ли ты себя коровой, которой приходится все время пережевывать старые новости, не зевая ли ты во весь рот от такой однообразной пищи и не задаешься ли в глубине души вопросом, когда же эта Анна наконец откопает что-нибудь новенькое.

Прости, тебе, конечно, надоела старая жвачка, но попробуй себе представить, как мне самой осточертело, когда в Убежище начинают в который раз вытаскивать на свет Божий все те же рассказы. Если застольная беседа не касается политики или еды, берут слово мама или мейфнау Ван Даан и выступают с навязшими в зубах воспоминаниями молодости или Дюссел лопочет об обширном гардеробе своей жены, о великолепных скаковых лошадях, о гребных лодках, давших течь, о малышах, в четыре года умеющих плавать, о мышечной боли и боязливых пациентах. Дошло до того, что стоит одному из восьмерых открыть рот, как остальные семеро готовы закончить за него начатый рассказ. Все мы заранее знаем, в чем соль каждого анекдота, и рассказчик один смеется и находит его остроумным. Всевозможных молочников, бакалейщиков и мясников, встречавшихся в жизни наших бывших домашних хозяек, мы в своем воображении видим уже бородачьими, так часто их вспоминали за нашим столом, превозносили либо смешивали с грязью; услышать что-то новое, свежее у нас в Убежище просто невозможно. И это бы еще куда ни шло, не будь у взрослых дурной привычки по десять раз пересказывать новости, которые приносят Клейман, Ян или Мип, всякий раз украшая эти истории новыми собственными выдумками: я часто щиплю себя за руку под столом, чтобы сдержаться и не вернуть увлекшегося рассказчика на путь истины. Маленькие дети, вроде Анны, ни в коем случае не смеют поправлять взрослых, какие бы те ни делали ляпы или какие бы небывлицы ни высасывали из пальца.

Тема, которую довольно часто избирают Клейман или Ян, — о людях, скрывающихся от преследований, живущих на нелегальном положении; они знают, что все, касающееся наших товарищей по несчастью, живо интересует нас и мы искренне сопереживаем как схваченным подпольщикам в их горе, так и выпущенным на свободу узникам в их радости.

Нелегалы и подпольщики стали для нас чем-то столь же привычным, как в прежние времена папины шлепанцы, которые обязательно должны были стоять у печки. Существует много организаций вроде «Свободных Нидерландов», которые изготавливают фальшивые документы, снабжают нелегалов деньгами, обустроивают места, где можно прятаться, а скрывающейся христианской молодежи помогают получить работу; какие благородные и бескорыстные люди: рискуют жизнью, они помогают другим и спасают других!

Лучший пример — те, кто помогает нам; только благодаря им мы смогли продержаться так долго и, будем надеяться, вообще выйдем сухими из воды, а случись что — им придется разделить нашу судьбу. Ни разу мы не услышали ни слова, ни намек на то, что мы для них обуза, хотя это, конечно, так и есть, никто никогда не попрекнул нас лишними трудами и заботами, которые мы им приносим. Каждый день они заходят к нам наверх, разговаривают с нашими мужчинами о делах фирмы и о политике, с дамами — о еде и лишениях военного времени, с детьми — о книгах и газетах. Они стараются приходить к нам с веселыми лицами, в дни рождения и праздники приносят цветы и подарки, всегда и во всем готовы нас поддержать. Мы никогда не должны забывать, что наши помощники в своей бодрости и любви выказывают не меньший героизм, чем другие на войне или борясь против немцев в тылу.

Каких только нелепых историй не наслушаешься, а между тем часто они оказываются правдой. Клейман рассказывал, например, что в Хелдерланде состоялся футбольный матч между командой нелегалов и командой Нидерландской военной полиции. А вот как в Хилверсуме выдавали новые учетные карточки. Чтобы многочисленные нелегалы тоже могли получать нормированные продукты (продовольственные карточки либо выдаются при предъявлении учетной карточки, либо покупаются за 60 гульденов), местные власти, выдававшие учетные карточки, велели всем нелегалам в округе явиться в определенное время и получить свои удостоверения за специальным столом.

Но уж конечно, тут нужна большая осторожность, чтобы о подобных историях не прознали мофы.

Твоя Анна

Дорогая моя Кит!

Ну вот и опять воскресенье; правда, теперь я не так мучаюсь, как в первое время, но все равно день неприятный. Я еще не ходила на склад, но сейчас, возможно, у меня получится. Вчера вечером я спускалась туда совсем одна в темноте, а до того один раз ходила с папой. Вчера я стояла на верхней ступеньке лестницы, по небу сновали немецкие самолеты, и я чувствовала, что предоставлена самой себе и не могу рассчитывать ни на чью поддержку. Мой страх исчез, я поглядела на небо и поручила себя Господу.

Мне ужасно хочется побыть одной. Папа замечает, что я не такая, как всегда, но я ничего не могу ему рассказать. На языке вертится только: «Оставьте меня в покое, оставьте меня одну!»

Как знать, может быть, когда-нибудь я и не захочу, а буду одна!

Анна Франк

ЧЕТВЕРГ, 3 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вся страна ждет высадки союзников, ожидание нарастает с каждым днем, и будь ты здесь, ты, с одной стороны, так же как я, поддавалась бы общему настроению, а с другой — посмеялась бы над нами за то, что мы так суетимся из-за события, которое, возможно, вовсе и не произойдет. Во всех газетах полно статей о будущей высадке, и читатели, естественно, с ума сходят, когда им попадается, например, такое: «Если англичане, что не исключено, высадутся в Нидерландах, немецкие власти должны будут приложить все усилия, чтобы защитить страну, а в случае необходимости пойдут даже на то, чтобы затопить ее». Прилагаются карты, на которых заштрихованы те части Нидерландов, которые могут быть затоплены. Поскольку большие куски на карте Амстердама заштрихованы, сразу же возникает вопрос, что мы станем делать, если улицы будут на метр покрыты водой. На этот вопрос со всех сторон сыплются самые разнообразные ответы:

— Поскольку мы не можем ехать на велосипедах и бежать, пойдем вброд.

— Нет, попытаемся спастись вплавь. Все наденем купальные костюмы и шапочки и будем стараться по возможности плыть под водой, чтобы не видно было, что мы евреи.

— Ну что за вздор! Представляю, как наши дамы плывут, а

крысы кусают их за ноги! (Это, конечно, сказал кто-то из мужчин. Посмотрим, кто будет громче всех визжать!)

— Мы не сможем выбраться из дома, наш склад дышит на ладан, под напором воды он наверняка обрушится.

— Послушайте, ребята, шутки в сторону, надо достать лодку.

— Зачем? Я предложу кое-что получше. Каждый сядет в ящик из-под молочного сахара, они хранятся на чердаке в передней части дома, и будет грести деревянным половником.

— Я пойду на ходулях, в молодости у меня это получалось «*primissimo*»*.

— Яну Хису ходули не понадобятся, а свою жену он посадит на спину, так что у Мип уж точно будут ходули.

Теперь, Кит, ты представляешь себе, что у нас происходит. Мы изощряемся в остроумии, но на самом деле все будет вовсе не смешно. Теперь на очереди второй вопрос. Что делать, если немцы решат эвакуировать Амстердам?

— Замаскироваться получше и уйти вместе со всеми.

— Ни в коем случае не выходить на улицу! Непременно пересидеть здесь! С немцев станется гнать все население до самой Германии, где людей ждет верная смерть.

— Да, конечно, пересидим здесь. Здесь самое безопасное место. Уговорим Клеймана переселиться сюда со всей семьей. Достанем мешок древесной ваты, чтобы спать на полу. Пусть Мип и Клейман уже сейчас принесут одеяла. У нас есть тридцать кило зерна, надо заказать еще. Пусть Ян достанет еще бобовых, сейчас у нас в запасе примерно тридцать кило фасоли и пять — гороха. И еще пятьдесят банок овощных консервов.

— Мать, перечисли, какие еще у нас есть продукты в запасе.

— Десять банок рыбных консервов, сорок банок молока, десять кило сухого молока, три бутылки растительного масла, четыре банки консервированного сливочного масла, четыре банки консервированного мяса, две оплетенные бутылки земляники, две бутылки консервированного компота, из малины и смородины, двадцать бутылок томатного сока, пять кило геркулеса, четыре кило риса, вот и все.

С запасом продуктов у нас все в порядке, но если учесть, что мы еще должны кормить гостей и что он расходуется ежедневно, то не так уж он огромен, как кажется на первый взгляд. Угля и дров в доме достаточно, свечей тоже.

— Давайте все сошьем себе нагрудные мешочки, в случае необходимости мы положим туда деньги.

* Великолепно (*ит.*).

— Надо составить списки, что нужно взять с собой в первую очередь, и уже сейчас упаковать рюкзаки.

— Когда они высадятся, мы установим постоянные дежурства на двух наблюдательных пунктах — на чердаке в Переднем доме и в Заднем.

— Скажи, что мы будем делать с нашей кучей продуктов, если не будет воды, газа и электричества?

— Придется готовить в печке. Воду будем фильтровать и кипятить. Вымоем большие оплетенные бутылки и в них будем хранить воду. Еще можно запастись водой в трех стерилизационных котлах и в корыте.

— У нас в кладовке для пряностей еще стоит полтора мюида* зимнего картофеля.

Такие беседы я слышу целыми днями, у нас теперь только и разговору что о высадке союзников. Постоянные темы для обсуждения — голод, смерть, бомбы, огнегасители, спальные мешки, еврейские документы, ядовитые газы и так далее и так далее. Не слишком веселые разговорчики. Сейчас я перескажу тебе беседу наших господ с Яном, это хороший пример того, как они нас страшат.

Убежище: Мы опасаемся, что немцы при отступлении заберут с собой всех жителей города.

Ян: Это невозможно, у них на это не хватит поездов.

Убежище: Какие там поезда! Уж не думаете ли вы, что они предоставят гражданам купейные места? Как же, держи карман! Придется передвигаться на своих двоих. («Per pedes apostolorum»**, — всегда добавляет Дюссел.)

Ян: Да быть такого не может, вы видите все в слишком уж черном свете. Какой им смысл тащить с собой всех жителей города?

Убежище: Разве вы не знаете, что сказал Геббельс: мол, если нам придется отступать, мы очень громко хлопнем дверь на прощанье.

Ян: Мало ли что они говорят.

Убежище: По-вашему, немцы слишком человеколюбивы и благородны для такого поступка? Они будут рассуждать так: уж если нам погибать, пусть вместе с нами погибнут все, кто в нашей власти.

Ян: Говорите, что хотите, я считаю это невероятным.

Убежище: Повторяется старая история: никто не хочет верить в опасность, пока она не коснется его лично.

* Мера объема, примерно соответствующая гектолитру.

** Стопами апостолов (лат.).

Ян: Да вы ведь ничего определенного и не знаете. Это все ваши домыслы.

Убежище: Но ведь мы-то уже пережили все это, сначала в Германии, потом здесь. А посмотрите, что творится в России.

Ян: Не будем сейчас говорить о евреях. Я думаю, никто не знает, что на самом деле происходит в России. Англичане и русские так же, как и немцы, преувеличивают в пропагандистских целях.

Убежище: Ну что вы, английское радио всегда говорит правду. Но пусть даже сообщения преувеличены на десять процентов, все равно факты сами по себе вопиющие, вы же не станете отрицать, что в Польше и России, не задумываясь, убивают и травят газом миллионы мирных жителей.

Не буду больше действовать тебе на нервы, пересказывая наши разговоры. Я спокойна и не поддаюсь общей панике. Я уже дошла до того, что мне почти все равно, умру я или останусь в живых. Земля будет вертеться и без меня, а сопротивляться всем этим ужасам я все равно не могу. Будь что будет, а мое дело — учиться и надеяться, что все кончится хорошо.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 8 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая Китти!

Не могу тебе описать, в каком я состоянии. Настроение меняется поминутно — хочется то тишины и покоя, то веселья. Смеяться по-настоящему, до упаду, мы здесь отвыкли.

Правда, сегодня утром мне попала в рот смешинка, ну знаешь, тот самый «смех без причины — признак дурачины», какой нападал, бывало, в школе. Мы с Марго сидели и хихикали, как и положено девочкам-подросткам. Вчера вечером я опять не поладила с мамой. Дело было так. Марго ложилась спать, укрылась своим шерстяным одеялом, и вдруг как вскочит, и уставилась на одеяло. И что же — оказалось, там булавка. Это мама пришивала к одеялу заплату. Папа многозначительно покачал головой и посетовал на мамину неаккуратность. Вскоре мама пришла из ванной, и я сказала как бы в шутку: «Ты у нас настоящая *Rabenmutter**».

Она, конечно, спросила почему, и мы рассказали ей про булавку. Она тут же приняла гордый вид и отчитала меня:

— Насчет неаккуратности ты бы уж помолчала, когда ты

* Жестокая мать, плохо относящаяся к своим детям (*нем.*).

шьешь, весь пол засыпан булавками. И посмотри, вот валяется маникюрный набор, ты никогда не кладешь его на место.

Я возразила, что не брала маникюрный набор, и тут вмешалась Марго, это она, оказывается, была виновата.

Мама продолжала шпынять меня за неаккуратность, пока я не дошла до точки и не взорвалась:

— Про твою неаккуратность говорила вовсе не я! И вообще, в чем бы кто ни провинился, а достается всегда мне!

Мама замолчала, а всего через минуту мне же пришлось поцеловать ее на ночь. Случай этот, может быть, и пустячный, но меня все раздражает.

Анна Мари Франк

СУББОТА 12 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Солнышко сияет, небо голубое-голубое, веет приятный ветерок, и мне так хочется... так хочется... всего!.. Хочется поговорить, хочется свободы, друзей, хочется побыть одной. Так хочется... плакать! У меня такое чувство, будто сердце у меня вот-вот разорвется, а если я поплачу, то мне станет легче, но слезы не идут. Я не нахожу себе места, брожу из комнаты в комнату, подхожу к закрытому окну и дышу через щель в раме, сердце у меня колотится и как бы говорит: «Дай же мне наконец то, чего я хочу». Наверно, я чувствую в себе весну, я ощущаю пробуждение природы, ощущаю телом и душой. Приходится держать себя в руках, чтобы выглядеть и вести себя как обычно, но я сама не своя, не могу... не могу ничего делать, знаю лишь, что мне так хочется... всего!

Твоя Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

С субботы в моей жизни многое изменилось. Произошло вот что: мне тогда хотелось (и сейчас хочется)... всего, но какую-то небольшую, совсем маленькую частичку того, чего хотела, я получила.

Еще в воскресенье утром я заметила (честно говоря, с большой радостью), что Петер все время смотрит на меня. Совсем не так, как обычно, не знаю, не могу объяснить, что это за взгляд, но вдруг я почувствовала, что не так уж он влюблен в Марго, как я раньше

думала. Целый день я нарочно старалась не смотреть на него, потому что он тоже смотрел на меня, и тогда — тогда мне становилось очень хорошо, а это не должно происходить слишком часто.

В воскресенье вечером все, кроме Пима и меня, собрались у радиоприемника послушать передачу «Бессмертная музыка старых немецких композиторов». Дюссел беспрестанно крутил ручку настройки, Петер нервничал, и остальные тоже. Полчаса Петер сдерживался, а потом немного раздраженно попросил оставить приемник в покое. Дюссел с гордым видом ответил: «Ich mach das schon!»* Петер разозлился, сказал что-то дерзкое, менеер Ван Даан встал на его сторону, и Дюсселу пришлось уступить. Вот и все.

Само по себе происшествие не особенно важное, но Петер, похоже, принял его близко к сердцу, во всяком случае, сегодня утром, когда я рылась в ящике с книгами на мансарде, он подошел ко мне и стал рассказывать о нем. Я ничего не знала. Петер увидел, что нашел в моем лице внимательную слушательницу, и заговорил с жаром.

— Видишь ли, — сказал он, — я обычно молчу, потому что заранее знаю, что не сумею выразить свою мысль. Я запинаясь, краснею и говорю совсем не то, что хотел. Вот так же было и вчера, я хотел сказать совсем не то, но, начав говорить, растерялся, а это ужасно. Прежде у меня была дурная привычка — а вообще-то жаль, что сейчас я так не могу: когда я на кого-нибудь сердился, я не спорил, а пускал в ход кулаки. Конечно, кулаками ничего не докажешь, я это знаю и потому так восхищаюсь тобой. Ты, по крайней мере, умеешь выражать свои мысли, говоришь именно то, что хочешь сказать, и ни капельки не стесняешься.

— Тут ты сильно ошибаешься, — возразила я, — чаще всего я выражаю свою мысль совсем не так, как собиралась, и говорю слишком многословно и долго, это ничуть не лучше.

— Возможно, но зато по тебе хоть незаметно, что ты стесняешься. Ты не краснеешь и всегда в форме.

Над последними словами я в глубине души посмеялась, но моя цель была дать ему спокойно выговориться, так что я постаралась скрыть свое веселье, уселась на полу на подушке, обхватив руками колени, и смотрела на него выжидательно и с пониманием.

Я очень довольна, что в нашем доме нашелся еще один человек, у которого бывают в точности такие же припадки ярости, как у меня. Петеру же явно полегчало оттого, что он смог обругать

* Здесь: «Попрощу не указывать!» (нем.)

Дюссела последними словами, не боясь, что я на него наябедничаю. Ну, а я тоже радовалась, так здорово было ощутить свою общность с другим человеком — то, что было у меня когда-то с моими подругами.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 15 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Пустьяковая ссора с Дюсселом имела серьезные последствия, и виноват в этом только он сам. В понедельник вечером Дюссел с торжествующим видом пришел к маме и похвастался, что Петер утром спросил его, как он спал, и якобы добавил, что сожалеет о происшедшем в воскресенье и что выходка его была без злого умысла. А Дюссел, мол, его успокоил, заверив, что не держит на него зла. Так что дело улажено. Мама довела это до моего сведения, и я, хоть и не показывая этого, диву далась: ведь Петер был ужасно зол на Дюссела, как же он мог до такой степени унизиться?

Я не преминула прощупать Петера, и тут же выяснилось, что Дюссел наврал. Посмотрела бы ты на лицо Петера! Я дорого бы дала, чтобы иметь возможность заснять его. Чувства Петера отчетливо выражались на его лице, на нем сменялись возмущение этой ложью, ярость, раздумья о том, что же теперь предпринять, смятение и многое другое.

Вечером менеер Ван Даан и Петер задали Дюсселу ужасную взбучку. Но наверно, все было не так уж страшно, потому что сегодня Петер был у Дюссела на зубоврачебном попечении.

А ведь заявляли, что больше не разговаривают друг с другом.

СРЕДА, 16 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Целый день мы с Петером не разговаривали, разве что перекинулись парой пустых слов. Идти на чердак было слишком холодно, и, кроме того, сегодня день рождения Марго. В полпервого Петер пришел посмотреть подарки, заболтался и просидел гораздо дольше обычного. Но днем возможность представилась. Я хотела раз в году поухаживать за Марго и пошла за кофе, а потом за картошкой. Я вошла в комнатуху к Петеру, он тут же убрал с лестницы свои бумаги, и я спросила, закрыть ли мне люк.

— Да, — ответил он, — закрой. Когда будешь идти обратно, постучи, я тебе опять открою.

Я сказала «спасибо», поднялась наверх и минут десять выбирала самые маленькие картофелины из большой бочки. Потом у меня заболела спина и я замерзла. Стучать я, конечно, не стала, сама

открыла лок, но он очень услужливо подошел и взял у меня кастрюлю.

— Искала-искала, но меньше этих не нашла.

— А в большой бочке смотрела?

— Да, всю переворошила руками.

Во время этого разговора я стояла на лестнице, а он по-прежнему держал в руках кастрюлю и разглядывал ее содержимое.

— Картошка неплохая, — сказал он и добавил, отдавая мне кастрюлю: — Ты молодец.

И он посмотрел на меня таким теплым, нежным взглядом, что и у меня внутри все растаяло от теплоты и нежности. Я видела, что он хочет доставить мне удовольствие, а поскольку у него не хватало красноречия на похвальное слово, он постарался выразить похвалу взглядом. Я прекрасно понимала его и была ему жутко благодарна. Мне и сейчас становится хорошо и радостно, когда я вспоминаю его слова и его взгляд.

Когда я спустилась, мама сказала, что надо принести еще картошки, теперь уже на ужин. Я с готовностью предложила еще раз сходить наверх. Придя к Петеру, я извинилась, что пришлось вторично ему помешать. Он встал и, втиснувшись между лестницей и стеной — а я уже ступила на лестницу, — взял меня за руку и удержал.

— Давай я схожу, мне ведь все равно надо наверх, — сказал он.

Но я ответила, что мне ничего не стоит сходить самой, теперь не обязательно выбирать картошку помельче. Он согласился и выпустил мою руку. Когда я возвращалась, он подошел открыть лок и снова взял у меня из рук кастрюлю. В дверях я спросила:

— Чем ты занимаешься?

— Французским, — был ответ.

Я попросила разрешения заглянуть, вымыла руки и села на диван напротив него. Я кое-что объяснила ему насчет французского, но очень скоро мы начали разговаривать. Он сказал, что, когда станет взрослым, поедет в Индонезию и будет жить там на плантациях. Он рассказывал, как ему жилось дома, про черный рынок, и какой он неумеха. Я сказала, что у него сильно развит комплекс неполноценности. Он говорил о войне — он считает, что русские и англичане наверняка потом будут воевать друг с другом, — и о евреях. Он сказал, что ему было бы гораздо легче быть христианином, и теперь, и после войны тоже. Я спросила, собирается ли он креститься, но оказалось, что нет. Он все равно не сможет чувствовать как христианин, сказал он, но ведь после войны никто не будет знать, христианин он или еврей. От этих слов меня больно кольнуло в сердце. Меня очень огорчает, что в нем всегда есть небольшая частичка нечестности. Петер сказал еще:

— Евреи всегда были и будут избранным народом.

Я ответила:

— Хорошо бы они хоть раз были избраны на что-то хорошее.

Но, кроме этого момента, разговор у нас был приятный — о моем папе, о том, что мы здесь узнали людей, обо всем на свете, я уже сама не помню о чем.

Я ушла только в четверть шестого, потому что пришла Бел.

Вечером он опять сказал мне приятное. Мы говорили о портрете кинозвезды, одном из тех, что я когда-то ему подарила, он висит у него в комнате уже года полтора. Петер похвалил этот портрет, а я предложила дать ему еще кинозвезд.

— Нет, — ответил он, — пусть лучше все останется, как было, на этих я смотрю каждый день, они стали моими друзьями.

Теперь я, кажется, поняла, почему он все время держит на руках и гладит Муши. И у него такая же потребность в нежности, как у меня. Я вспомнила, вот что он еще сказал:

— Я ничего не боюсь, я только бываю мнительным, когда мне нехорошо, но я от этого уже немного отучился.

Комплекс неполноценности у Петера ужасный. Например, он всегда думает, что он глупый, а мы умные. Когда я помогаю ему с французским, он рассыпается в благодарностях. Когда-нибудь я ему отвечу: «Хватит распыняться. Ты зато гораздо лучше знаешь английский и географию».

Анна Франк

ЧЕТВЕРГ, 17 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая Китти!

Я обещала мейфрау Ван Даан почитать что-нибудь из своих рассказов и сегодня утром пошла к ней наверх. Я начала со «Сна Евы», ей очень понравилось, тогда я прочитала несколько историй из жизни Убежища, они хохотали до упаду. Петер тоже слушал, хотя и частично (то есть только самый последний рассказ), и попросил меня как-нибудь зайти к нему и почитать еще. Я решила рискнуть, принесла мой дневник и дала ему почитать разговор о Боге между Кэди и Хансом. Не совсем поняла, какое впечатление он произвел на Петера, он что-то сказал, не в том смысле, хорошо это или плохо написано, а по содержанию, но его слова вылетели у меня из головы. Я объяснила, мол, я просто хотела ему показать, что пишу не только смешные истории. Он кивнул и вышел из комнаты. Подождем, может, он еще скажет!

Твоя Анна Франк

ПЯТНИЦА, 18 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Когда бы и зачем я ни ходила наверх, цель у меня всегда одна — увидеть «его». И таким образом, в сущности, мне живется гораздо лучше, ведь у меня появилась цель и есть чему радоваться.

Нет худа без добра — «предмет» моей дружбы, по крайней мере, всегда сидит в четырех стенах вместе со мной, и я могу не бояться соперниц (кроме Марго). Не думай, что я влюбилась, ничего подобного, но я беспрестанно чувствую, что между мной и Петером может постепенно вырасти нечто прекрасное, что называется дружбой и создает полное доверие. Я не упускаю случая сходить к нему, раньше он не знал, как себя со мной вести, теперь, наоборот, говорит не умолкая, чуть ли не мне вдогонку, когда я уже вышла за дверь. Маме не нравится, что я хожу наверх. Она все время меня пилит, что я надоедаю Петеру, и велит оставить его в покое. Неужто она не понимает, что у меня тоже есть интуиция? Всякий раз, как я иду к нему в комнатушку, она провожает меня каким-то странным взглядом. А когда я спускаюсь сверху, спрашивает, где я была. Я понимаю, что это ужасно, но мало-помалу она становится мне противна.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 19 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Опять суббота, и, в сущности, этим все сказано. Утро прошло спокойно. Я чуть ли не целый час была наверху, но с «ним» лишь перекинулась несколькими словами.

В полтретьего все разбрелись по своим комнатам, кто почитать, кто поспать, а я, взяв с собой одеяло, спустилась и села за письменный стол, собираясь читать или писать. Но тут на меня накатило, я положила голову на руки и разрыдалась. Слезы лились в три ручья, и я чувствовала себя глубоко несчастной. О, мне хотелось, чтобы «он» пришел утешить меня!

Только в четыре часа я вернулась наверх. В пять собралась за картошкой, опять надеясь на встречу, но, пока я взбивала волосы в ванной, он отправился к Моффи.

Я хотела помочь мейфрау и уселась с книгой наверх, но вдруг у меня снова навернулись слезы, я бросилась вниз, в уборную, успев на бегу захватить с собой ручное зеркальце. Я сидела на унитазе, давно уже закончив свои дела и приведя в порядок одежду, слезы

оставляли темные пятна на моем красном фартуке, и мне было очень грустно.

Вот примерно о чем я думала: нет, так я никогда не проникну в душу Петера. Откуда я знаю, может, я ему совсем не нравлюсь, может, ему вообще не нужен близкий друг. Может, он лишь изредка мимоходом вспоминает обо мне. Мне придется и дальше идти своим путем в одиночестве, без дружбы, без Петера. А возможно, скоро — и без надежды, без утешения, без ожидания. О, как бы мне хотелось положить голову ему на плечо и забыть о своем безысходном одиночестве и заброшенности! Но откуда я знаю, может, я ему совершенно безразлична, может, таким нежным взглядом он смотрит и на других, а я-то вообразила, что этот взгляд — для меня? Ах, Петер, если бы ты видел и слышал меня сейчас... но услышать от тебя, быть может, горькую правду все равно было бы выше моих сил.

Но потом, хотя слезы все еще кипели во мне, я опять стала надеяться и ждать.

Твоя Анна М. Франк

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

То, что у других людей происходит по будням, в Убежище делается по воскресеньям. Когда нормальные люди, принарядившись, прогуливаются на солнышке, мы здесь драим, метем, стираем.

Восемь часов. К неудовольствию любителей поспать подольше, Дюссел все равно встает в восемь. Идет в ванную, потом вниз, снова наверх, опять в ванную и занимается водными процедурами целый час.

Под десятого. Расталкиваются печи, снимается затемнение, и в ванную идет Ван Даан. Тяжелым испытанием для меня бывает по воскресным утрам смотреть из своей постели в спину Дюсселу, когда тот молится. Хоть это и может кого-то удивить, но я скажу, что смотреть, как Дюссел молится, ужасно противно. Нет, он не плачет и не пускается в сантименты, но у него есть привычка четверть часа — целых четверть часа! — переступать с пятки на пальцы, с пальцев на пятку. Туда-сюда, туда-сюда, этому конца не видно, и, если я не закрою глаза, у меня начинает кружиться голова.

Четверть одиннадцатого. Ван Дааны свистят, значит, ванная освободилась. Семейство Франк отрывает от подушек заспанные лица. Но тут уж все идет быстро-быстро. Мы с Марго по очереди помогаем маме стирать. Внизу собачий холод, мы идем туда в брюках и повязав платком голову. Папа в это время занимает ванную. В одиннадцать мыться идет Марго (или я), теперь у нас все чистые.

Полдвенадцатого. Завтрак. Об этом я не буду распространяться, и без меня у нас слишком много говорят о еде.

Четверть первого. Все действующие лица занимаются каждый своим делом. Отец в комбинезоне стоит на коленях на полу и чистит щеткой половик так усердно, что в комнате пыль стоит столбом. Господин Дюссел стелет постель (разумеется, не так, как надо) и при этом насвистывает всегда один и тот же скрипичный концерт Бетховена. Слышно, как мама шаркает ногами на чердаке, развешивая белье. Менеер Ван Даан надевает шляпу и спускается на нижние круги мироздания, чаще всего в сопровождении Петера и Муши, мефрау напяливает длинный, с обвисшим углом фартук, черную шерстяную кофту и галоши, заматывает голову толстой палью из красной шерсти, зажимает под мышкой узел грязного белья и, заученным движением кивнув головой, как заправская прачка, отправляется стирать. Мы с Марго моем посуду и убираем комнату.

СРЕДА, 23 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Со вчерашнего дня на дворе установилась чудесная погода, и я полностью ожила. Мое писание — главное, что у меня есть, — идет с большим успехом. Почти каждое утро я хожу в мансарду, проветрить легкие от спертого комнатного воздуха. Сегодня я застала там Петера, он был занят уборкой. Вскоре он освободился и подошел ко мне, а я села на пол, на свое любимое местечко. Мы вместе смотрели на голубое небо, на голые ветки каштана, осыпанные сверкающими капельками, на чаек и других птиц — в полете они казались серебряными, — и все это так взволновало и захватило нас обоих, что мы не могли говорить. Петер стоял, прислонившись головой к толстой балке, я сидела. Мы вдыхали свежий воздух, смотрели в окно и чувствовали, что наше молчание дороже и важнее любых слов. Мы долго вот так смотрели в окно, потом ему надо было идти колоть дрова, но я уже знала — он и правда чудесный парень. Он взобрался по чердачной лестнице, я за ним, и за те четверть часа, что он колол дрова, мы опять не сказали ни слова. Я стояла и смотрела на него. Он очень старался колоть как можно лучше, чтобы показать мне свою силу. Но смотрела я и в открытое окно, из которого была видна большая часть Амстердама, множество крыш, простиравшихся до самого горизонта, такого светло-голубого, что самую линию нельзя было отчетливо разглядеть.

Пока все это есть, думала я, и пока мне дано это переживать,

наслаждаться солнечным светом, безоблачным небом, я не могу предаваться унынию.

Если человеку страшно, если он одинок и несчастен, пусть поедет за город, туда, где он будет совсем один, наедине с небом, природой и Богом. Только там, только тогда он почувствует, что все так, как должно быть, и что Господь хочет видеть людей счастливыми среди безыскусной, но прекрасной природы.

Пока все это есть, а оно ведь будет всегда, я знаю, что, как бы ни сложились обстоятельства, есть утешение в любом горе. И твердо верю, что при всех бедах природа во многом может дать нам утешение.

Как знать, может быть, скоро мне будет дано разделить это безбрежное чувство счастья с человеком, который воспринимает все это так же, как я.

Твоя Анна

P.S. Мысли (обращение к Петеру): мы — и я, и ты — лишены здесь многого, очень многого, и уже давно. Я не имею в виду внешнее, в этом смысле у нас здесь как раз всего в достатке. Нет, я имею в виду лишения души. Как и ты, я тоскую по свободе и свежему воздуху, но я думаю, что их отсутствие возмещено нам с лихвой. Возмещено в духовном смысле, внутри нас. Сегодня я сидела и смотрела в окно, я, можно сказать, по-настоящему глубоко созерцала Господа и природу и была счастлива, не могу назвать это иначе — именно счастлива. Знай, Петер, пока у человека есть чувство счастья внутри — счастья от наслаждения природой, от ощущения здоровья и еще от многого другого, — пока человек носит в себе это чувство, он всегда будет счастлив.

Богатство, почет — все внешнее можно потерять, но счастье в своем собственном сердце может лишь временно замутиться, оно вернется, и ты будешь счастлив всю жизнь.

Попробуй как-нибудь, когда тебе одиноко, горько и грустно, в такую же чудесную погоду, как сегодня, посмотри из чердачного окна. Не на дома или крыши, а на небо. Пока ты без страха смотришь в небо, ты можешь быть уверен, что чист душой и обязательно снова будешь счастлив.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

С раннего утра до позднего вечера я не перестаю думать о Петере. Я засыпаю с его образом перед глазами, вижу его во сне, и он продолжает глядеть на меня, когда я просыпаюсь.

Я сильно подозреваю, что мы с Петером совсем не такие уж разные, как, наверно, кажется с виду, могу тебе также объяснить почему: нам обоим не хватает матери. Мать Петера слишком поверхностна, лобит пофлиртовать и не интересуется внутренним миром сына. Моя же много суетится вокруг меня, но при этом бестактна, не деликатна и лишена материнского чутья.

Нас обоих, Петера и меня, раздражают внутренние противоречия, оба мы не уверены в себе, и у обоих, в сущности, слишком нежные и ранимые души, чтобы выдержать здешнее суровое обращение. Иногда мне хочется выбежать из комнаты, но вместо этого приходится скрывать свои чувства. Я начинаю болтать без умолку, становлюсь шумной, так что у всех одно желание: поскорее от меня избавиться. Петер же замыкается в себе, почти не разговаривает, делается тихим и мечтательным — это его способ пугливо прятать свое нутро.

Но как и когда мы наконец сумеем прорваться друг к другу? Не знаю, долго ли еще мой рассудок будет в состоянии держать в узде мои чувства.

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 ФЕВРАЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

День и ночь я живу как в кошмарном сне. Быть с Петером все время, но так к нему и не приблизиться, стараться, чтобы по мне ничего не было заметно, быть «живой» и веселой, хотя внутри у меня сплошной крик отчаяния.

Петер Схифф и Петер Ван Даан слились в единого Петера, он добрый и милый, и меня тянет к нему, как магнитом. Мама ведет себя мерзко, папа очень мил и оттого особенно в тягость, но больше всех в тягость мне Марго, потому что она все время заводит разговор, а я одного хочу — чтобы меня оставили в покое.

Петер не подошел ко мне, когда я появилась в мансарде, он поднялся на чердак и стал там что-то мастерить. Я слушала, как он стучит молотком, как трещит под его руками дерево, Петер словно ударял топором по моему мужеству, откалывая от него щепки, и я все больше огорчалась. А вдали звенели куранты: «Выше голову, духом крепись!»

Я слишком чувствительна, я это знаю. Я в отчаянии, я безрассудна, это я тоже знаю.

Помоги же мне!

Твоя Анна М. Франк

Милая Китти!

Моя личная жизнь отступила на второй план, а на первый вышла... кража. Я уже надоела тебе с этими кражами, но что я могу поделать, если вора доставляет такое удовольствие наносить визиты в фирму «Хис и Ко»? Этот случай гораздо более запутанный, чем прошлый, в июле 1943-го. Когда вчера вечером менеер Ван Даан, как обычно, в полвосьмого пошел в контору Кюглера, он увидел, что внутренняя стеклянная дверь и дверь в контору открыты. Странно! Он пошел дальше, и каково же было его изумление, когда и двери директорского кабинета оказались открыты, а в конторе — жуткий кавардак. Здесь побывал вор, пронеслось у него в голове. Желая тут же прояснить, в чем дело, менеер Ван Даан спустился по лестнице, подергал парадную дверь. Ощупал замок, но дверь не была взломана. Значит, сегодня Бел с Петером оказались неряхами, решил тогда он. Менеер Ван Даан немного посидел в кабинете Кюглера, потом вывернул лампу и поднялся наверх, выбросив из головы как открытые двери, так и беспорядок в конторе.

Сегодня рано утром Петер постучался к нам и принес пренеприятное известие, что парадная дверь распахнута настежь, а из стеного шкафа исчезли кинопроектор и новый портфель Кюглера. Петер получил задание запереть дверь. Ван Даан рассказал о том, что видел накануне вечером, и все мы здорово забеспокоились.

Единственное объяснение — что у вора есть дубликат ключа, ведь никаких следов взлома нет. Очевидно, вор проник в дом часов в семь вечера, запер за собой дверь, потом его спугнул Ван Даан, он спрятался и переждал, пока тот уйдет, а затем поспешил сбежать со своей добычей и второпях оставил дверь открытой.

У кого может быть наш ключ? Почему вор не пошел на склад? А вдруг злоумышленник работает на нашем же складе и теперь, когда он слышал шаги Вана Даана, а может быть, даже видел его, пойдет и донесет на нас? Все это ужасно, ведь мы не знаем, а вдруг этому вору еще раз придет в голову открыть нашу дверь, или, может, он сам испугался человека, который у нас тут бродит.

Твоя Анна

P.S. Постарайся отыскать для нас хорошего детектива. Разумеется, главное условие — надежность: чтобы он нас не выдал.

Милая Китти!

Сегодня мы с Марго вдвоем были в мансарде, но это совсем не так чудесно, как если бы со мной был Петер (или кто-нибудь другой). Хотя я знаю, что во многом мы с Марго чувствуем одинаково.

За мытьем посуды Беп рассказывала маме и мейфрау Ван Даан, в каком она унынии. Нашла с кем поделиться! В особенности моя бестактная мамаша не столько поможет человеку, сколько навредит. Знаешь, какой совет она дала Беп? Дескать, подумай обо всех других людях, которые сейчас погибают в этом мире! Ну чем может помочь человеку в беде мысль о чужих бедах? Я так и сказала. В ответ, конечно, услышала, что я еще мала рассуждать о таких вещах.

Ну до чего же тупы и глупы эти взрослые! Ведь у нас — у меня, Петера, Марго и Беп — одинаковые проблемы, и помочь всем нам может только материнская любовь или любовь очень-очень близких друзей. Но эти две матери здесь, в Убежище, ни капельки не понимают нас. Возможно, у мейфрау Ван Даан понимания чуть побольше, чем у моей мамашки. О, как мне хотелось сказать что-нибудь бедняжке Беп — то, что, как я знаю по опыту, действительно помогает. Но тут между нами вклинился папа и довольно грубо оттеснил меня. Ну до чего же они все тупы!

С Марго мы тоже обсудили папу с мамой, в том духе, что, мол, как бы нам здесь было здорово, не будь эта парочка такими занудами. Мы могли бы устраивать вечера, где все по очереди делали бы доклады. Но нет, это немыслимо. Я первая не соглашусь делать доклад в такой обстановке. Менеер Ван Даан вечно на всех набрасывается, мама ехидничает и не может ни о чем нормально разговаривать, папе такие мероприятия не по вкусу, менееру Дюсселу тоже, а мейфрау Ван Даан всегда так допекают, что она сидит вся красная и ей только и остается с трудом отбиваться. А мы? Мы не можем иметь собственное мнение! Да уж, нечего сказать, современные у нас родители! Не иметь собственного мнения? Можно приказать человеку молчать, но нельзя лишить его собственного мнения. Нельзя запретить ему думать по-своему, как бы молод он ни был. Беп, Марго, Петеру и мне помогла бы только большая и преданная любовь, которой никто из нас здесь не получает. И никто, а в особенности здешние глупые философы, не может нас понять, потому что мир наших чувств и мыслей гораздо богаче, чем они хотя бы отдаленно могут себе представить!

Любовь, что такое любовь? Я думаю, что любовь, в сущности, нельзя выразить словами. Любить — значит понимать человека, ис-

пытывать к нему большую нежность, делить с ним радость и горе. А потом ко всему этому должна прибавиться плотская любовь, в ней ты чем-то делишься с любимым, что-то отдаешь, что-то получаешь, не важно, замужем ты или нет, родишь ли ребенка или нет. И уж совсем не важно, потеряешь ли ты свою честь или нет, лишь бы ты знала, что на всю оставшуюся жизнь у тебя есть близкий человек, который тебя понимает и которого тебе ни с кем не придется делить!

Твоя Анна М. Франк

Сейчас мама опять брюзжит; она явно ревнует, потому что я больше разговариваю с мейфрау Ван Даан, чем с ней. А мне чихать!

Сегодня днем мне удалось отловить Петера, мы разговаривали по меньшей мере три четверти часа. Петеру нелегко дается разговор о самом себе, мало-помалу начинает получаться, но каждое слово надо из него вытягивать. Я уж и не знала, что лучше — идти к себе вниз или оставаться у него. Но я так хотела ему помочь! Я рассказала ему про Беп и про бестактность обеих наших матерей. Он рассказал, что его родители вечно ссорятся из-за политики, из-за того, что отец слишком много курит, в общем, по любому поводу. Как я уже упомянула, Петер очень смущался, и все же язык у него развязался, он даже признался, что был бы рад два года не видеть своих родителей.

— Мой отец совсем не так уж хорош, как кажется, — сказал он. — Но в вопросе о курении мама совершенно права.

Я тоже рассказала ему про свою маму. Но папу он защищал. Он назвал его «мировым мужиком».

Вечером, когда я вешала на крючок свой фартук после мытья посуды, он подозвал меня и попросил не рассказывать у нас внизу, что его родители опять поссорились и не разговаривают друг с другом. Я обещала, хотя уже успела рассказать Марго. Но я уверена, Марго будет держать язык за зубами.

— Послушай, Петер, — сказала я, — ты не опасайся меня, я уже отучилась передавать другим то, что мне рассказывают. То, что рассказываешь мне ты, останется между нами.

Он сказал, мол, ну вот и отлично. Я рассказала ему про то, как в нашей семье все время сплетничают, и добавила:

— Марго верно говорит, что я не хозяйка своему слову, ведь я заявила, что больше не буду сплетничать, но, когда обсуждают Дюссела, с удовольствием включаюсь.

— И правильно делаешь, — сказал Петер. Он покраснел, и я тоже чуть ли не смутилась от этого вполне искреннего комплимента.

Потом мы еще поговорили об отношениях между нашими семьями. Петера немного удивило, что мы до сих пор не любим его родителей.

— Петер, — сказала я, — ты знаешь, что я всегда честно говорю правду. Почему бы я стала скрывать от тебя это? Тем более мы оба знаем их недостатки.

И еще я добавила:

— Петер, я так хочу тебе помочь, ты мне позволишь? Ты оказался между двух огней, и, хоть ты ничего и не говоришь, я знаю, что ты принимаешь все это близко к сердцу.

— Да, мне твоя помощь всегда пригодится.

— А может, лучше пойти к моему папе, он тоже тебя не выдаст, ты можешь смело довериться ему.

— Да, твой папа настоящий товарищ.

— Он тебе нравится, верно? — Петер кивнул, а я продолжала: — И ты ему тоже.

Он кинул на меня быстрый взгляд и покраснел, было просто трогательно, как обрадовали его эти несколько слов.

— Ты думаешь? — спросил он.

— Да, об этом можно догадаться по некоторым его словам.

В это время пришел менеер Ван Даан, чтобы заняться диктовкой. Клянусь тебе, Китти, Петер тоже «мировой мужик», в точности как мой папа!

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 3 МАРТА 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Сегодня вечером, когда я смотрела в пламя свечи, то снова почувствовала радость и покой. Для меня в свече заключена бабушка, она оберегает и защищает меня и возвращает мне радость. Но не от нее, а от другого человека полностью зависит мое настроение, и человек этот — Петер. Сегодня, когда я набрала картошки и стояла на лестнице с полной кастрюлей, он спросил меня:

— Что ты делала с утра до обеда?

Я села на ступеньку, и мы стали разговаривать. В четверть шестого я принесла картошку, за которой пошла ровно час назад. На этот раз Петер ни слова не сказал о родителях, мы говорили о книгах и о своей прежней жизни. Какой теплый взгляд у этого мальчика! Кажется, еще немного — и я в него влюблюсь.

А как раз об этом он заговорил сам сегодня вечером. Почистив картошку, я зашла к нему в комнату, и мне было ужасно жарко.

— Глядя на нас с Марго, можно сразу определить температу-

ру, — сказала я, — когда холодно, мы белые, а когда жарко — красные.

— Ты влюблена? — спросил он.

— С чего бы это мне влюбиться? — Мой ответ (вернее, вопрос) прозвучал довольно наивно.

— А почему бы нет? — сказал он, но тут нас позвали есть. Спросил ли он просто так или с задней мыслью? Сегодня я наконец решилась спросить, не надоедает ли ему моя болтовня. Он ответил: «Нет, мне нравится». Не знаю, может, он так сказал просто потому, что растерялся.

Китти, я веду себя как влюбленная, которая может говорить лишь об одном — о своем сокровище. Петер и вправду сокровище. Наступит ли время, когда я смогу ему об этом сказать? Разумеется, только в том случае, если и я стану для него сокровищем, но я-то не подарок, это я сама про себя знаю. И он любит тишину, так что не представляю, в какой мере я могу быть ему приятна. Во всяком случае, мы узнали друг друга немного лучше, однако я бы хотела, чтобы таких вещей, в которых мы решаемся признаться друг другу, было гораздо больше. Но как знать, быть может, это время придет раньше, чем я думаю! По нескольку раз в день мы с ним переглядываемся и перемигиваемся, как сообщники, и обоим становится радостно. Наверно, глупо с моей стороны говорить о его радости, между тем у меня неодолимое чувство, что он думает так же, как я.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 4 МАРТА 1944 г.

Дорогая Китти!

Это первая суббота за долгие-долгие месяцы, когда мне не так скучно, грустно и нудно, как всегда по этим дням. И причиной тому не кто иной, как Петер. Сегодня утром я поднялась в мансарду повесить свой фартук, там был папа, и он попросил меня остаться поговорить с ним и с Петером по-французски. Я охотно согласилась. Сначала мы немного поговорили по-французски, я ему кое-что объяснила, потом мы занялись английским. Папа читал нам вслух Диккенса, и я была на седьмом небе, потому что сидела на отцовском стуле чуть ли не вплотную к Петеру.

Без четверти одиннадцать я спустилась вниз. Когда в полдвенадцатого я снова поднялась наверх, Петер уже стоял на лестнице и поджидал меня. Мы разговаривали до без четверти часа. При

случае, например после еды, когда я выхожу из дверей и никто не может услышать, он говорит: «Пока, Анна, до скорого».

О, я так рада! Может быть, я начинаю ему нравиться? Во всяком случае, он забавный парень, и кто знает, может, мне будет с ним очень приятно разговаривать.

Меффрау не против, что мы с Петером беседуем, но сегодня она все же подразнила нас:

— Когда вы там вдвоем сидите наверху, я могу на вас положитьсь?

— Конечно, — сказала я с возмущенным видом. — Вы меня обижаете!

С утра до вечера я радуюсь, что увижу Петера.

Твоя Анна М. Франк

P.S. Чуть не забыла, сегодня ночью выпал толстый слой снега, с утра он еще лежал, а сейчас почти все растаяло.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 6 МАРТА 1944 г.

Милая Кимми!

Может, это глупо, но после того, как Петер рассказал мне про своих родителей, я чувствую какую-то ответственность за него. У меня ощущение, будто ссоры между его родителями касаются меня так же близко, как и его, и все же я не решаюсь говорить с ним о них, опасаясь, что ему это будет неприятно. Ни за что на свете мне не хотелось бы сейчас быть неделикатной.

По лицу Петера я вижу, что он так же погружен в свои мысли, как я, и вчера вечером меня укололо, когда меффрау эдак с издевкой сказала: «Наш мыслитель!» Петер покраснел и смутился, а я чуть было не вспыхнула.

Пусть бы они придержали языки! Ты не представляешь, до чего неприятно видеть, как он одинок, и сидеть сложа руки. Я могу себе представить, как их ссоры и их любовь приводят его в отчаяние, будто сама переживаю это. Бедный Петер, как сильно он нуждается в любви!

Как больно мне было слышать, когда он сказал, что ему друзья не нужны. Ах, как он ошибается! Впрочем, я считаю, что на самом деле он так вовсе не думает. Он цепляется за свою возмужалость, за свое одиночество и притворное безразличие, только бы не выйти из роли, только бы никогда, никогда не показать, каково ему на самом деле. Бедный Петер, долго ли ты еще сможешь выдержать

эту роль, не разрядится ли твое нечеловеческое напряжение ужасным взрывом?

Ах, Петер, если бы ты разрешил мне помочь тебе! Вдвоем мы бы преодолели и твое, и мое одиночество.

Я много думаю, но мало говорю. Я рада, когда вижу Петера и когда при этом еще и светит солнце. Вчера я мыла голову и ужасно расшумелась, хотя знала, что он сидит за стеной. Я ничего не могла с собой поделать; чем тише и серьезнее я в душе, тем шумнее себя веду. Кто будет первым, кто догадается, что это мой защитный панцирь, и проникнет сквозь него?

Хорошо все же, что у Ван Даанов сын, а не дочь. Никогда моя борьба не могла бы быть такой трудной, такой красивой и такой утонченной, если бы меня не тянуло к существу противоположного пола.

Твоя Анна М. Франк

P.S. Как ты знаешь, я честно пишу тебе всю правду и потому не могу угаить, что живу лишь от встречи до встречи. Я постоянно надеюсь убедиться, что и он так же ждет свидания со мной, и прихожу в восторг, когда замечаю его маленькие, робкие шажки мне навстречу. Мне кажется, что ему хочется научиться так же четко высказывать свои мысли, как я, и он не подозревает, что именно его беспомощность больше всего трогает меня.

ВТОРНИК, 7 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Когда я теперь вспоминаю свое житье-бытье в 1942 году, оно кажется мне совершенно нереальным. Той райской жизнью жила совсем другая Анна Франк, а не я, ставшая здесь такой мудрой. Да, то была действительно райская жизнь. На каждом углу по пять поклонников, человек двадцать подружек и знакомых, я была любимицей большинства учителей, папа и мама баловали меня, много лакомств и достаточно денег — чего еще желать? Ты, вероятно, спросишь, чем же я в те времена так покоряла людские сердца. Петер говорит: «Обаянием», но думаю, что это не вся правда. Учителей умиляли мои забавные ответы, остроумные замечания, смешливость и умение подмечать недостатки. Такой я и была тогда: забавная кокетка, ужасная охотница пофлиртовать. Но у меня были и достоинства, за которые меня любили и учителя, и ребята: я была

прилежная, не врушка и не жадина. Всегда, когда просили, давала списать, лакомствами угощала всех подряд и не была воображалой.

Наверно, в конце концов я бы возгордилась от этого всеобщего восхищения. Но — не было бы счастья, да несчастье помогло! — в разгар праздника, в самый его кульминационный момент, я вдруг перенеслась в суровую действительность, и прошло больше года, пока я привыкла к тому, что теперь уже никто мною не восхищается. Кем я была в глазах учителей и ребят? Заводилой в забавах и развлечениях, всегда и во всем зачинщицей; никто не видел меня надутой или плаксивой. Отчего бы и не покататься со мной на велосипеде, не оказать мне какой-нибудь знак внимания?

Я смотрю на тогдашнюю Анну Франк как на веселую, остроумную, но поверхностную девочку, которая не имеет со мной ничего общего. Петер как-то сказал про меня: «Когда я тебя встречал, ты постоянно была в окружении двоих-троих ребят и стайки девчонок, ты всегда смеялась и была в центре внимания». Так оно и было.

Что осталось теперь от той Анны Франк? Ну конечно, я не разучилась смеяться и давать находчивые ответы, я так же или даже лучше умею подмечать недостатки, я так же могу пофлиртовать и позабавить слушателей, если захочу...

Вот именно «если захочу», в том-то и вся разница. Отчего бы и не провести вот так, с виду беззаботно и весело, вечерок, пару дней, недельку? Но к концу недели мне это надоест, и я скажу «спасибо» первому встречному, если он поговорит со мной о чем-нибудь серьезном. Мне нужны не поклонники, а друзья, я хочу, чтобы мною восхищались не за милую улыбку, а за мои поступки и мой характер. Я отлично знаю, что при этом круг моих поклонников станет гораздо уже, ну и пусть, мне хватит двух-трех друзей, лишь бы они были искренними.

А ведь у меня и в 1942-м не было полного счастья, я нередко чувствовала себя заброшенной, но я с утра до вечера была занята и не успевала задуматься, развлекалась как можно больше, осознанно или нет всякими забавами заполняла пустоту.

Теперь я оглядываюсь на собственную жизнь и вижу, что какой-то период в ней безвозвратно пройден: беззаботные, беспечальные школьные годы не вернуться никогда. Я даже и не тоскую по ним, я выросла из них, уже не могу заниматься исключительно чепухой, какая-то часть моей души всегда сохраняет серьезность.

Разглядываю свою жизнь вплоть до встречи нового 1944 года точно сквозь сильную лупу. Жизнь дома — сплошной праздник, затем, в 42-м, внезапная перемена: Убежище, ссоры, обвинения; я ничего не понимала, была застигнута врасплох, я грубила, не зная, как иначе держаться.

Первая половина 43-го, мои горькие слезы, одиночество; постепенно я осознала собственные недостатки, они мне казались еще вдвое больше, чем были. Я говорила и, неосознанно пытаясь за болтовней скрыть свои переживания, пыталась привлечь на свою сторону Пима, это не удалось. Мне предстояло одной справиться с трудной задачей — переделать себя так, чтобы больше не слышать упреков, которые ужасно удручали и угнетали меня.

Во второй половине года стало чуть получше, я уже была подростком, на меня понемногу начинали смотреть как на взрослую. Я начала мыслить, писать рассказы и пришла к выводу, что другие люди больше не имеют ко мне отношения, они не имеют права тянуть меня то туда, то сюда, как часовой маятник, я хотела сама, по собственному вкусу переделать себя. Я поняла, что могу обойтись без мамы, обойтись целиком и полностью, понять это было больно, но еще больнее было осознать, что и папа никогда не сможет стать мне близким другом. Теперь мне не на кого было рассчитывать, кроме самой себя.

После Нового года произошла вторая большая перемена в моей жизни, я увидела тот знаменательный сон. Через него мне открылась моя потребность в... мальчике, я поняла, что мне нужна не подруга-девочка, а друг-мальчик. Открыла также счастье внутри себя и пандирь поверхностности и веселости вокруг себя. И все же я нет-нет да притихну. Теперь я живу только Петером, от него во многом зависит, что будет со мной дальше.

По вечерам, когда я, лежа в постели, заканчиваю свою молитву словами: «Ich danke dir für all das Gute und Liebe und Schöne»*, я ликую, я думаю: «В том, что мы прячемся, есть хорошая сторона, и хорошо, что я здорова», а под словом «милое» я подразумеваю Петера и то едва зародившееся и уязвимое, что оба мы пока еще не смеем назвать — «любовь», и будущее счастье, а «прекрасное» это мир, весь мир, природа, красота вообще, которая никогда не исчезнет.

В эти минуты я не думаю о бедах, а думаю о красоте, которая ведь никуда не делась, она остается с нами. Вот разница между мамой и мною. Она советует тому, кто в тоске: «Подумай о всех бедах, существующих в этом мире, и радуйся, что они не случились с тобой». А я советую другое: «Поезжай за город, в поля, на природу, на солнышко. Поезжай за город и попытайся возродить в себе чувство счастья; вспомни обо всем прекрасном, что растет у тебя внутри и вокруг тебя, и будь счастлив».

Я считаю мамин совет негодным, ибо что же тогда прикажете

* Благодарю Тебя за все хорошее, милое и прекрасное (нем.).

делать человеку, на которого и вправду обрушились беды? У него нет никакого выхода. Я же, напротив, утверждаю, что, как бы велико ни было горе, что-то красивое всегда остается, чем больше ты смотришь на эту красоту, тем больше видишь радостное начало, и в тебе самом возрождается гармония. А тот, кто счастлив сам, может сделать счастливым другого, у кого есть мужество и доверие к жизни, тот не пропадет ни при каких бедах.

Твоя Анна М. Франк

СРЕДА, 8 МАРТА 1944 г.

Мы с Марго писали друг другу записки, разумеется просто так, забавы ради.

Анна: Удивительное дело — то, что происходит ночью, всегда вспоминается мне гораздо позже. Сейчас я вдруг вспомнила, что менеер Дюссел сегодня ночью сильно храпел (пишу днем, без четверти три, и Дюссел снова храпит, потому-то, разумеется, мне и вспомнилось, что было ночью). Мне надо было на горшок, и я нарочно шумела сильнее, чтобы он перестал.

Марго: Что лучше, когда он ловит ртом воздух или когда храпит?

Анна: Лучше, когда храпит, потому что, если я пошумлю, вышеупомянутое лицо, не просыпаясь, перестает храпеть.

Чего я не написала Марго, но в чем признаюсь тебе, дорогая моя Китти, так это в том, что я очень часто вижу во сне Петера. Позавчера ночью мне снилось, что здесь у нас, в Убежище, в большой комнате искусственный лед, я катаюсь на коньках вместе с маленьким мальчиком и его сестренкой-тонконожкой в голубом платьице, которых я когда-то видела на катке. Дурачась, я представилась ему и спросила, как его зовут. Его звали Петер. Во сне я спросила себя, сколько же Петеров я уже знаю.

Потом мне приснилось, что мы с Петером в его комнатке стоим рядом с лестницей друг против друга. Я что-то сказала ему, он меня поцеловал, но ответил, что он меня не очень любит и чтобы я с ним не флиртовала. Я с отчаянием взмолилась: «Петер, я не флиртую!»

Проснувшись, я обрадовалась, что на самом деле Петер мне этого не говорил.

Сегодня ночью мы опять целовались, но щеки Петера обманули мои ожидания, они были не такие нежные, как кажутся на вид, а такие, как у папы, то есть как у мужчины, который уже бреется.

ПЯТНИЦА, 10 МАРТА 1944 г.

Дорогая Китти!

Сегодня кстати вспомнить пословицу «Пришла беда — отворяй ворота». Ее только что привел Петер. Сейчас я тебе расскажу, какие у нас здесь неприятности и что, возможно, нам еще грозит.

Во-первых, заболела Мип — из-за свадьбы Хенка и Ахье. Она простудилась в церкви Вестеркерк, где происходило венчание. Во-вторых, менеер Клейман все еще не вернулся после очередного желудочного кровотечения, так что Беп в конторе одна. В-третьих, полиция арестовала одного человека, которого я не должна называть. Это очень плохо не только для него самого, но и для нас, поскольку мы с большим нетерпением ждем картошки, масла и варенья. У менеера М. — назовем его так — пятеро детей до тринадцати лет и еще один на подходе.

Вчера вечером мы опять испытали некоторый испуг: вдруг совсем рядом с нами раздался стук в стену. Мы в это время ужинали. Остаток вечера прошел в подавленном и нервном настроении.

В последнее время мне стало совсем неинтересно записывать, что тут у нас происходит. Гораздо больше волнует меня то, что касается меня лично. Пойми меня правильно, конечно же, я понимаю, как ужасна судьба несчастного, доброго менеера М., но в моем дневнике для нее нашлось совсем мало места.

Во вторник, среду и четверг я с половины пятого до четверти шестого была у Петера. Мы занимались французским и болтали. Я от души радуюсь этим коротким встречам среди дня, а особенно тому, что Петеру, как мне кажется, тоже приятно, когда я прихожу.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 11 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Куда девалась вся моя усидчивость, в последнее время я только и делаю, что ношусь то наверх, то вниз, то снова наверх. Мне очень приятно разговаривать с Петером, но я все время боюсь показаться ему приставучей. Он кое-что рассказал мне о своей прежней жизни, о родителях и о самом себе. Я нахожу, что этого очень мало, и ломаю голову, как бы попросить его рассказать побольше. Раньше он меня не выносил, и взаимно, теперь мое отношение изменилось, но значит ли это, что и он переменился ко мне? Думаю, что да, но

из этого еще не следует, что мы должны стать близкими друзьями, хотя мне это сильно облегчило бы наше заточение. Ладно, хватит сходить с ума, я все время с ним ношусь, не буду еще и тебе морочить голову, я стала совсем вялая.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Чем дальше, тем больше все идет наперекосяк. Со вчерашнего дня Петер на меня даже не смотрит. Будто он на меня сердится, я же изо всех сил стараюсь не навязываться ему и не приставать с разговорами, но это ужасно трудно. Что же это такое, что временами отдаляет его от меня, а временами толкает ко мне? А может, я придумываю, может, он тоже человек настроения и завтра снова все будет хорошо?

Самое трудное — несмотря на уныние и горе, выглядеть и вести себя как обычно. Разговаривать, помогать, сидеть вместе со всеми и, главное, быть «живой». Две вещи, которых мне сильнее всего недостает, — природа и какое-нибудь местечко, где я могла бы побыть одна так долго, как только захочу! Китти, наверно, я пишу очень путано, валю все в одну кучу, но я и правда в полном смятении: с одной стороны, схожу с ума от тоски по нему и, когда мы сидим в одной комнате, не могу удержаться и все время смотрю на него, а с другой стороны, ругаю себя: дался мне этот Петер!

Днем и ночью, все время, когда не сплю, я бьюсь над вопросами: не слишком ли я к нему липну? Не чересчур ли долго торчу наверху? Не чересчур ли часто завожу разговоры о серьезных вещах, которые ему пока еще недоступны? А может, я вообще ему не симпатична? Может, вся эта суета лишь плод моего воображения? Но тогда почему он так много рассказал мне о себе? А может, сейчас он об этом уже жалеет? И так далее и тому подобное.

Вчера я была так измочалена вереницей прискорбных новостей с воли, что прилегла на своем диванчике поспать. Мне хотелось заснуть, чтобы не думать. Я проспала до четырех, а тогда надо было пойти к родителям. Пришлось изворачиваться, отвечая на расспросы матери, и я придумала какую-то небылицу, чтобы объяснить отцу, почему я спала днем. Я сослалась на головную боль и не солгала, у меня ведь и правда головная боль... внутри!

Обычные люди, обычные девочки-подростки моего возраста назвали бы меня чокнутой за мои вечные самообвинения, но как раз они мне и необходимы: тебе я изливаю все, что у меня на сердце,

и это дает мне силы весь остальной день быть дерзкой, «живой» и самоуверенной, и уходить от всех вопросов, и не грызть себя.

Марго очень мила и с удовольствием выслушивала бы меня, но я не могу сказать ей все до конца. Она принимает меня слишком всерьез, долго размышляет о своей чокнутой сестренке и, что бы я ей ни сказала, смотрит на меня испытующе и думает: что это, правда или очередной спектакль?

И потом мы с ней все время вместе, а я не могу постоянно быть с человеком, которому открыла душу.

Когда же я снова выберусь из неразберихи мыслей, когда внутри у меня снова наступит мир и покой?

Твоя Анна

ВТОРНИК, 14 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Возможно, тебе (в отличие от меня) покажется занимательным, что мы сегодня будем есть. В данный момент, поскольку внизу работает уборщица, я сижу за покрытым клеенкой столом у Ван Даянов, прижав ко рту и носу платок, благоухающий духами из времен до нашего заточения. Но ты, наверно, не поняла, в чем дело, так что мне опять придется «танцевать от печки». Поскольку людей, достававших нам продовольственные карточки, арестовали, у нас осталось всего пять купленных из-под полы карточек и кончились жиры. Опять же, поскольку Мип и Клейман больны, Беп не может ходить за покупками, и поскольку общая атмосфера безотраднa, такова же и еда. С завтрашнего дня у нас не будет ни крошки жира, масла или маргарина. На завтрак мы теперь едим не жареную картошку (а ее мы ели, чтобы есть поменьше хлеба), а кашу, и поскольку мэфрау считает, что мы умираем с голоду, мы купили добавочно цельное молоко. Сегодня на обед у нас толченая картошка с кормовой капустой из бочки. Отсюда и меры предосторожности с носовым платком. Просто невероятно, как воняет кормовая капуста, хранящаяся, вероятно, уже несколько лет! В комнате стоит смешанный запах гнилых слив, резкого консерванта и тухлых яиц. Брр, меня тошнит от одной мысли, что я должна есть эту гадость! Вдобавок наша картошка подхватила такие диковинные болезни, что из двух ведер одно отправляется в печку. Мы развлекаемся тем, что ставим картошке точный диагноз: по нашему заключению она попеременно болеет раком, оспой и корью. Да, мало радости на четвертом году войны жить на нелегальном положении. Когда только кончится все это безобразие!

Честно говоря, меня не так уж и волновала бы еда, будь у нас здесь в остальном более приятная обстановка. Вся беда в том, что от этой скучной жизни мы все начинаем превращаться в зануд. Ниже следует мнение пятерых взрослых нелегалов о своем нынешнем положении (дети, как известно, не должны иметь своего мнения, и на сей раз я решила соблюсти это условие).

Мефрау Ван Даан: Мне давно уже не по душе должность кухонной принцессы. Но сидеть сложа руки скучно. Так что я продолжаю стряпать, но не могу не посетовать: стряпать без жиров невозможно, кроме того, меня тошнит от всех этих противных запахов. И награда за все мои труды — лишь черная неблагодарность и ругань, вечно я — козел отпущения, вечно я во всем виновата; я недовольна ходом войны и боюсь, что немцы еще и выиграют. Я ужасно опасюсь, что мы умрем с голоду, и на всех набрасываюсь, когда не в духе.

Менеер Ван Даан: Главное для меня — курить, курить, курить, тогда еда, политика и то, что Керли не в духе, — не так уж страшно. Керли — милая женушка. Но если нет курева, я заболеваю, мне ужасно хочется мяса, кажется, что все ужасно, все не по мне, и дело кончается бурной ссорой. Моя Керли — непроходимая дура.

Мефрау Франк: Для меня еда не имеет особого значения, но сейчас мне очень хочется съесть ломтик ржаного хлеба, я умираю с голоду. Будь я на месте мефрау Ван Даан, я бы не давала мужу так много курить. Но сейчас мне самой необходимо выкурить сигарету, а то у меня какая-то дурная голова. Ужасные люди эти Ван Дааны; англичане делают много ошибок, но война идет успешно, мне необходимо поговорить, я должна радоваться, что я не в Польше.

Менеер Франк: Все хорошо, мне ничего не нужно. Спокойно, время работает на нас. Дайте мне мою картошку, и я буду молчать. Быстренько отложу что-нибудь из своей порции для Беп. В смысле политики все развивается прекрасно, я настроен оптимистически.

Менеер Дюссел: Надо проработать свое задание, все закончить в срок. В политике все идет наилучшим образом, нас ни за что никогда не арестуют. Я то, я се, я, я, я!..

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 16 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

У-уф-ф, на минуточку я избавилась от их карканья. Сегодня я только и слышу, что: «Если случится то-то и то-то, нам будет очень трудно, а если еще заболеет такой-то, мы окажемся брошенными на произвол судьбы, а если...»

Ладно, что там дальше, ты догадаешься сама — я по крайней мере предполагаю, что ты за это время достаточно хорошо узнала население Убежища, чтобы представлять себе их разговоры.

Поводом для всех этих «если» послужило то, что менеджера Кюглера посылают на шесть дней на земляные работы, Беп не на шутку простужена, и, наверно, завтра ей придется сидеть дома, Мип еще не оправилась от гриппа, а у Клеймана было такое сильное желудочное кровотечение, что он потерял сознание. Вот такой поминальник! Все наши считают, что Кюглеру надо тут же обратиться к надежному врачу, взять у него убедительную справку и предъявить в ратуше в Хилверсуме. Служащим склада завтра дают выходной, значит, Беп в конторе одна. Если (еще одно «если») Беп не выйдет на работу, контора целый день будет закрыта, а мы вынуждены будем сидеть тихо, как мыши, чтобы нас не услышали в фирме «Кех». В час дня на полчаса зайдет Ян, навестит брошенных, воистину он сыграет роль служителя в зоопарке «Артис».

Сегодня Ян впервые после долгого перерыва рассказал нам кое-что о том, что происходит в мире за стенами нашего Убежища. Посмотрела бы ты, как мы все восьмером окружили его, ну просто картинка под названием «Бабушкина сказка».

Перед такой благодарной публикой он без усталости молот язык, больше всего, разумеется, о еде. Ему готовит некая мефрау Пф., знакомая Мип. Позавчера она накармила его морковью с зеленым горошком, вчера он доедал то, что осталось, сегодня она варит бобы, а завтра будет тушить оставшуюся морковь.

Мы спросили о враче, который лечит Мип.

— Врач? — переспросил Ян. — Что с него возьмешь? Звоню ему сегодня утром, трубку берет ассистенточка, я прошу к телефону врача, чтобы получить у него консультацию, дескать, у моей жены грипп, а она отвечает, мол, рецепты выдают по утрам с восьми до девяти. В крайне тяжелых случаях гриппа врач самолично подходит к телефону и говорит: «Высуньте язык, скажите а-а-а. Я слышу, что у вас краснота в горле. Я выпишу вам рецепт, лекарство можете заказать в аптеке. Всего наилучшего». И все дела. Хорошо устроились, ведут прием исключительно по телефону. Но врачей тоже можно понять, в конце концов у каждого человека только две руки, а в наше время больных в избытке, врачей же кот наплакал.

И все же мы не могли не засмеяться, когда Ян изображал телефонный разговор. Могу себе представить, что теперь творится в приемных у врачей. Теперь никто не относится пренебрежительно к бесплатным больным, направляемым кассой для бедных, зато

про тех, у кого хворь не слишком серьезная, думают: «Тебе и вовсе здесь делать нечего, а ну иди в самый конец очереди, пропусти вперед настоящих больных!»

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 16 МАРТА 1944 г.

Дорогая Китти!

Стоит чудесная погода, красота просто неопишуемая; скоро я непременно пойду в мансарду.

Теперь я поняла, почему Петер беспокоится гораздо меньше, чем я. У него отдельная комната, где он занимается, мечтает, думает и спит. А меня гоняют из угла в угол. В комнатухе, которую я делю с Дюсселом, я никогда не могу побыть одна, а мне этого так хочется! Уж хотя бы поэтому я спасаюсь бегством в мансарду. Только там да еще в письмах к тебе я могу быть до конца вполне самой собой. Но мало ли чего мне хочется, я не буду ныть, наоборот, соберу все свое мужество.

К счастью, мои родные ничего не замечают, разве только что я с каждым днем все холоднее с матерью, уже не так ласкаюсь к отцу и больше не откровенничаю с Марго, я замкнулась в себе. Главное — сохранить уверенный вид, никто не должен знать, что внутри у меня теперь идет постоянная борьба. Борьба между желаниями и рассудком. Пока еще победа за рассудком, но не окажутся ли в конце концов желания сильнее? Иногда я боюсь этого, но чаще хочу.

Мне стоит невероятных усилий не проговориться Петеру, но я понимаю, что первое слово должен сказать он; о, как трудно днем зачеркивать все слова и поступки, сказанные и пережитые во сне и ночных мечтах! Да, Китти, эта Анна просто ненормальная, но ведь и времена, и обстоятельства, в которых я живу, тоже нельзя назвать нормальными. Хорошо хоть, что я могу записать свои мысли и чувства, иначе я бы задохнулась. Что думает Петер? Я все время возвращаюсь к мысли, смогу ли я когда-нибудь завести с ним об этом разговор. Ведь, наверно, он что-то угадал обо мне, ведь ту Анну, какой я проявляю себя вовне и какую он знал до сих пор, любить невозможно! Как он, с его тягой к тишине и покою, может испытывать симпатию ко мне, такой шумной и суетливой? Может быть, он — первый и единственный в мире, кто заглянул под мою железную маску? Откроет ли он меня, как неизведанную страну? Кажется, есть какая-то поговорка о том, что любовь рождается из жалости или же что любовь и жалость идут рука об руку. Наверно,

именно это произошло и со мной. Ведь мне его жалко в точности так же, как часто мне бывает жалко себя.

Ох, не знаю, не знаю, как сумею найти первые слова, а тем более как сумеет найти их он, ведь ему разговор дается гораздо труднее, чем мне... Если б я только могла написать ему, тогда, по крайней мере, я бы знала, что он знает, что я хотела сказать, ведь когда разговариваешь, найти нужные слова так невероятно трудно!

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 17 МАРТА 1944 г.

Драгоценное мое сокровище!

На самом деле все уладилось: Беп не разболелась, а только осипла, а менеер Кюглер достал справку от врача и получил освобождение от работ. Все Убежище вздыхает с облегчением. Все у нас ол райт! Кроме того, что нам с Марго поднаоели наши родители.

Пойми меня правильно, я все так же люблю папу, а Марго — их обоих, но в нашем возрасте уже хочется что-то решать самостоятельно, хочется иногда вырваться из-под родительской опеки. Когда я иду наверх, меня спрашивают, что я собираюсь делать, мне не разрешают досолить еду, вечером в четверть девятого мама неизменно спрашивает, не пора ли мне идти раздеваться, каждая книга, которую я читаю, должна предварительно пройти проверку. Честно говоря, проверка не слишком строгая, я могу читать почти все, но то, что нас целыми днями ругают и выспрашивают, нам неприятно.

У меня есть еще свои, особые пункты расхождения с ними. Я больше не хочу целыми днями целоваться и сюсюкать, все эти придуманные слащавые ласкательные прозвища считаю комедией. Пристрастие папы к разговорам о выпускании ветров и о том, что происходит в уборной, мне претит. Короче, я хочу хоть небольшой свободы от них, а они этого не понимают. Мы с Марго им, конечно, ничего не говорим, какой в этом прок, до них все равно не дойдет.

Марго вчера вечером сказала:

— До чего ж надоело: стоит тебе положить руку под голову и два раза вздохнуть, и они тут же спросят, не болит ли у тебя голова и хорошо ли ты себя чувствуешь?

Для нас обеих оказалось большим ударом, когда мы внезапно увидели, что от нашей дружной и гармоничной семьи осталось так мало. А получилось это во многом из-за двойственности нашего положения. Я имею в виду, что в каких-то внешних вещах с нами

обращаются как с маленькими, а внутренне мы гораздо старше своего возраста. Хотя мне всего четырнадцать, я тем не менее отлично знаю, чего хочу, знаю, кто прав и кто не прав, у меня есть свое мнение, свое понимание событий, свои принципы, и пусть это звучит странно из уст девочки-подростка, но я чувствую себя скорее взрослым человеком, чем ребенком, я чувствую себя совершенно независимой от кого бы то ни было. Я знаю, что умею спорить и доказывать свою правоту лучше, чем мама, что у меня более объективный взгляд, я не так все преувеличиваю, я опрятнее и проворнее и потому (хочешь смеяться, хочешь нет) во многом чувствую свое превосходство над ней. Если я кого-то люблю, я прежде всего должна этим человеком восхищаться и уважать его, а вот этих-то чувств к маме у меня как раз нет и в помине!

Все было бы хорошо, если бы у меня был Петер — вот им я действительно во многом восхищаюсь. Такой милый, такой умный мальчик!

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 18 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Никому на свете я не рассказывала так много о себе и своих чувствах, как тебе, почему же мне не рассказать тебе и кое-что по поводу отношений между мужчиной и женщиной?

Родители и вообще взрослые в этом смысле ведут себя очень странно. Вместо того чтобы в двенадцать лет все объяснить своим дочерям, так же как и сыновьям, они, едва только речь зайдет о чем-нибудь таком, выгоняют детей из комнаты, предоставляя им черпать премудрость где придется. Потом, обнаружив, что дети все-таки что-то узнали, они считают, что дети знают слишком много либо слишком мало. Почему бы им не попытаться исправить собственную ошибку и не спросить у детей, как обстоит дело?

Для взрослых тут есть одно серьезное препятствие, хотя, на мой взгляд, это просто ерунда. А именно: они считают, что дети перестанут считать брачные узы, как говорится, священными и нерасторжимыми, если узнают о том, как часто священное действие совершается помимо брака. На мой же взгляд, совсем неплохо, если люди принесут с собой в брак немного опыта, и потом ведь брак как таковой не будет иметь к этому никакого отношения.

Когда мне только что исполнилось одиннадцать, меня просветили насчет месячных, откуда они берутся и какое это имеет значение, я и не подозревала обо всем этом. Когда мне было двенадцать

с половиной, я узнала кое-что еще, потому что Жак была далеко не такой дурой, как я. Еще до того чувство подсказало мне, как живут мужчина с женщиной; поначалу эта мысль показалась мне очень странной, но, когда ее подтвердила Жак, я ощутила что-то вроде гордости своей интуицией.

То, что дети не рождаются прямо из живота, я тоже узнала от Жак, она объяснила просто: «Куда изделие закладывается, оттуда же оно потом и выходит в готовом виде». Насчет девственной плевы и разных других более мелких подробностей мы с Жак узнали из брошюрки по половому воспитанию. Я знала также, что зачатия ребенка можно избежать, но как это происходит в организме, пока оставалось тайной. Когда я уже жила здесь, папа рассказал мне о простигутах и тому подобном, но, все вместе взятое, еще оставляет пробелы, которые не заполнены до сих пор.

Если мама не расскажет своим детям всего, они получают отрывочные сведения то там, то здесь, а в этом, конечно же, нет ничего хорошего.

Хотя сегодня суббота, я не скучаю. Это потому, что я сидела с Петером в мансарде, сидела с закрытыми глазами и мечтала, это было чудесно.

Твоя Анна М. Франк

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Вчера был очень важный для меня день. После обеда все шло совсем как обычно. В пять часов я пошла ставить картошку, и мама дала мне кусочек кровяной колбасы, чтобы я отнесла Петеру. Я сначала не хотела, но потом все-таки пошла. Он не взял колбасу, и у меня возникло омерзительное чувство, что это все еще из-за той ссоры, по поводу недоверия. Вдруг я не смогла больше выдерживать, слезы навернулись на глаза, я не стала настаивать и отнесла блюдечко назад матери, а сама пошла в уборную выплакаться. И тогда я решила, что пришла пора объясниться с Петером. Перед ужином мы сидели вчетвером и помогали ему решать кроссворд, так что я ничего не могла ему сказать, но перед тем как сесть за стол, я шепнула ему:

— Петер, вечером ты будешь заниматься стенографией?

— Нет, — ответил он.

— Тогда я хочу потом с тобой поговорить.

Он согласился.

Итак, помыв посуду, я зашла к нему в комнату и спросила, не из-за прежней ли ссоры он отказался от колбасы. Но к счастью, причина была другая, он просто считал, что не подобает так легко поддаваться искушению. В комнате было очень жарко, и я была красная как рак, поэтому, отнеся вниз воду для Марго, я еще раз поднялась наверх подышать свежим воздухом. Для приличия я сначала встала у окна Ван Даана, но вскоре перешла к Петеру. Он стоял рядом с открытым окном с левой стороны, я заняла место с правой. Разговаривать у открытого окна в полумраке было гораздо легче, чем при ярком свете, мне показалось, что и Петер того же мнения. Мы так много рассказали друг другу, ужасно много, я просто не могу все это сейчас повторить, но это было прекрасно, это был самый чудесный вечер, какой мне довелось пережить в Убежище. Коротко я все же передам некоторые темы нашего разговора.

Сначала мы поговорили о ссорах, я сказала, что теперь отношусь к ним совсем по-другому, о нашем с ним отчуждении от родителей. Я рассказала Петеру о маме и о папе, о Марго и о себе самой. И тут он вставил вопрос:

— Вы, наверно, целуетесь, когда желаете друг другу спокойной ночи?

— И еще как. Мы прямо-таки облизываем друг друга. У вас-то в семье это не принято?

— Нет, я почти никогда никого не целовал.

— А в день рождения?

— В день рождения — да, но это другое дело.

Дальше мы поговорили о доверии — что ни он, ни я не доверяем нашим родителям. Что его родители очень любят друг друга и что они хотели бы быть и с ним близкими друзьями, но он не хочет им доверяться. Что, когда мне грустно, я плачу в подушку; а он в таких случаях на чердаке ругается. Что мы с Марго только недавно по-настоящему узнали друг друга, но все-таки не очень много рассказываем друг другу, именно потому, что мы всегда вместе. Мы говорили обо всем на свете, о доверии, о чувствах и о самих себе, и Петер оказался в точности таким, как я думала.

Потом речь у нас зашла о 1942 годе, о том, насколько другими мы были тогда. Оба мы теперь ничего общего не имеем с собой прежними. О том, как мы поначалу терпеть не могли друг друга. Он считал меня суетливой и надоедливой, а я очень скоро решила, что в нем нет ничего интересного, мне было непонятно, как это он не флиртует, но теперь я рада. Он еще сказал, что очень много уединяется. А я еще сказала, что, хотя он тихий, а я шумная и дерзкая, разница между нами не так уж велика, что я тоже люблю покой и что у меня нет места, где я могла бы побыть одна, ничего

своего, кроме дневника, что всем больше в радость, когда я уйду, чем когда я прихожу, и особенно менееру Дюсселу, а быть постоянно у своих мне не хочется. Он сказал, мол, как он рад, что у моих родителей есть дети, а я — как я рада, что он здесь. И что я его теперь хорошо понимаю в его замкнутости и его отношении к родителям и с удовольствием помогла бы ему при ссорах.

— А ты мне и так помогаешь, — сказал он.

Я так и оторопела.

— Чем же?

— Тем, что ты веселая.

Это было самое лучшее из того, что он мне сказал. А еще он сказал, когда я прихожу к нему, ему это нисколько не мешает, наоборот, приятно. Я сказала ему также, что ласкательные прозвища, какими награждают нас папа и мама, на самом деле ничего не значат и что целоваться и сюсюкать это одно, а доверять — совсем другое. Мы еще говорили о своей собственной воле, о моем дневнике, об одиночестве, о разнице между тем, как человек себя проявляет и какой он на самом деле, о моей маске и тому подобном.

Это было чудесно, по-видимому, он начинает хорошо относиться ко мне как к товарищу, и на первых порах этого достаточно. У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность и свою радость, так что извини меня, Китти, за сегодняшний ну куда не годный стиль. Я писала как Бог на душу положит.

Когда Петер смотрит на меня, смеется и подмигивает, нас как будто связывает общая тайна и внутри у меня загорается огонек. Хоть бы все так и осталось, хоть бы нам еще было дано провести вместе много-много приятных часов!

Твоя благодарная и радостная Анна

ПОНЕДЕЛЬНИК, 20 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Сегодня утром Петер спросил, приду ли я к нему еще как-нибудь вечером, мол, я ему совсем не мешаю и в его комнате хватит места для двоих. Я сказала, что не могу приходить каждый вечер, так как внизу этого не одобряют, но он посоветовал мне не обращать внимания. Я ответила, что с удовольствием приду в субботу, и еще попросила обязательно сказать мне, когда на небе будет видно луну.

— Мы тогда спустимся вниз, — сказал он, — и оттуда будем смотреть на луну.

Отличная мысль, а воров я не особенно боюсь.

За это время счастье мое омрачилось: я давно предполагала, что Петер нравится Марго, и это подтвердилось. Не знаю, в какой мере она к нему равнодушна, но мне это очень неприятно. Теперь всякий раз, когда я встречаюсь с Петером, я как будто нарочно причиняю ей боль, а она почти не показывает виду, и это очень благородно с ее стороны. Я бы на ее месте была в отчаянии от ревности, а Марго только говорит, мол, ты не должна меня жалеть.

— Мне очень неприятно, что ты оказалась третьей лишней, — сказала я.

— К этому я привыкла, — ответила она не без горечи.

Об этом все же я не решаюсь поведать Петеру, может быть, позднее, а сейчас нам прежде всего надо выяснить отношения.

Мама вчера дала мне легкую оплеуху, которую я, честно говоря, вполне заслужила. Я должна следить за собой, чтобы в своем равнодушии и пренебрежении к ней не заходить слишком далеко. Итак, решено: я сделаю еще одну попытку быть ласковой вопреки всему, а свои замечания держать при себе.

И Пим теперь тоже не такой душевный. Он пытается немного отучиться от сюсюканья, но держится уж чересчур холодно. Посмотрим, что из этого выйдет! Он пригрозил мне, что, если я не буду заниматься алгеброй, он не станет потом нанимать мне репетитора. Подумаешь, напугал! Тем не менее я решила опять заняться алгеброй, если только у меня будет новый учебник.

Ну, пока хватит, не могу делать ничего другого, как только смотреть на Петера, мои чувства переливаются через край.

Твоя Анна М. Франк

Доказательство доброты Марго. Вот что я получила от нее сегодня, 20 марта 1944 г.:

«Анна! Когда я вчера сказала тебе, что не ревную, я была искренней только наполовину. Постараюсь объяснить, как обстоит дело. Я действительно не ревную ни тебя, ни Петера. Мне просто немного грустно, что я пока не нашла и в ближайшее время наверняка не найду человека, с которым могла бы делиться своими мыслями и чувствами. Но это еще не причина, чтобы я завидовала вашим доверительным отношениям. И так уж ты лишена здесь многого, что есть у других и что они принимают как должное и даже не ценят.

К тому же я знаю, что у меня отношения с Петером никогда не зашли бы так далеко, ведь для того, чтобы мне захотелось обсуждать с человеком все или почти все, мне нужна большая близость. Нужна уверенность, что, даже если я и не очень много гово-

рю, он прекрасно понимает меня. Но для этого я должна чувствовать, что он духовно выше меня, а о Петере я так совсем не думаю. Но могу себе представить, что у тебя с Петером так и есть. Стало быть, ты вовсе не должна считать меня обделенной и угрызаться, что отняла у меня нечто причитающееся мне, — ничего такого нет и в помине. А вы с Петером оба от общения друг с другом можете только выиграть».

Мой ответ:

«Милая Марго!

Твое письмо просто исключительно милое, но все же оно не до конца успокоило меня, я и не смогу никогда до конца успокоиться.

О том доверии, какое ты имеешь в виду, у нас с Петером пока еще нет и речи, но в темноте у открытого окна можно сказать больше, чем при ярком солнечном свете. И свои чувства легче выразить шепотом, чем громогласно раструбить о них. Я думаю, у тебя к Петеру нечто вроде сестринской привязанности и ты хочешь ему помочь не меньше, чем этого хочу я. Возможно, тебе еще когда-нибудь представится случай это сделать, хотя и без доверия в том смысле, какой мы обе вкладываем в это слово. Я думаю, что доверительность должна быть обоюдной; полагаю, что именно по этой причине ее нет между мной и папой. Хватит об этом, и не надо больше ничего говорить, если захочешь что-то добавить, пожалуйста, напиши, я тоже письменно гораздо лучше сумею выразить свои мысли, чем устно. Ты не представляешь, как я восхищаюсь тобой, мне остается только надеяться, что и я сумею когда-нибудь обрести частичку доброты, которая присуща отцу и тебе, а вы с ним, теперь я в этом убедились, одинаково добрые».

Твоя Анна

СРЕДА, 22 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Вот какое письмо я получила вчера вечером от Марго:

«Дорогая Анна!

После твоего вчерашнего письма у меня осталось неприятное чувство, что тебя мучит совесть, когда ты идешь к Петеру позаниматься или поговорить; честное слово, для этого нет никаких причин. Во мне живет образ человека, который имеет право на мое взаимное доверие, и я пока еще не позволила бы Петеру занять его место.

Однако же ты права, когда пишешь, что Петер для меня что-то вроде брата, но... младшего брата, и мы как бы протягиваем шу-

пальца, чтобы узнать друг друга, и, возможно, позже это приведет (а возможно, не приведет никогда) к привязанности брата и сестры, но пока еще до этого далеко. Так что не надо меня жалеть. Наслаждайся как можешь общением, которое ты нашла».

А тем временем здесь у нас становится все чудеснее. Знаешь, Китти, возможно, здесь, в Заднем Доме, нас еще посетит настоящая любовь. Так что все эти подначки, мол, если мы еще долго просидим в Убежище, не миновать нам с Петером свадьбы, были не таким уж вздором. О свадьбе я не помышляю, я не представляю, каким он станет потом, когда совсем вырастет, не знаю даже, полюбим ли мы друг друга так сильно, чтобы нам захотелось пожениться.

Я теперь не сомневаюсь, что Петеру я тоже нравлюсь, только не знаю, в каком смысле. Может, он хочет лишь дружить со мной как с товарищем, а может, я привлекаю его как девочка, или же он видит во мне сестру, — в этом я пока еще не слишком разобралась. Его слова, мол, я ему всегда помогаю, когда его родители ссорятся, меня ужасно обрадовали, и я уже готова была поверить в его дружбу. Вчера я у него спросила, что бы он сделал, если бы здесь была не одна Анна, а целая дюжина и все они приходили к нему. Он ответил: «Если бы все они были похожи на тебя, я бы ничего не имел против».

Меня он встречает очень радушно, и я думаю, что он действительно рад, когда я к нему прихожу. Между тем он очень усердно занимается французским, даже в одиннадцатом часу, в постели.

Ах, вспоминая субботний вечер, наши слова, наши голоса, я впервые довольна собой: это значит, что и сейчас сказала бы то же самое, а не что-то совсем другое; обычно-то я задним числом всегда жалею, что сказала не то и не так. Он такой красивый и когда смеется, и когда у него спокойный взгляд, он такой милый, хороший и красивый. По-моему, его больше всего ошеломило, что я совсем не пустая девчонка, а такая же мечтательница, как и он сам, которой так же трудно жить.

Вчера вечером после мытья посуды ждала, что он попросит меня остаться наверху, но он не попросил, я ушла, он спустился вниз позвать Дюссела слушать радио, надолго застрял в ванной, но Дюссел все не шел, и Петер поднялся к себе. Он ходил у себя в комнате из угла в угол и очень рано лег спать.

Весь вечер я была в такой тревоге, что то и дело бегала в ванную сполоснуть лицо холодной водой, пыталась читать, но отвлекалась и погружалась в мечты, каждую минуту смотрела на часы и

все ждала, ждала, ждала и прислушивалась к тому, что происходит у него в комнате. Я рано улеглась в постель, совершенно измочаленная. Сегодня вечером моя очередь купаться, а что будет завтра?

До этого еще так далеко!

Твоя Анна М. Франк

Мой ответ:

«Милая Марго!

По-моему, нам следует выждать, посмотреть, что из всего этого получится. Долго так продолжаться не может, в скором времени решится, как будет у нас с Петером: как было всегда или как-то по-другому. В этом деле я не мыслю дальше своего носа.

Но если мы с Петером будем дружить, я обязательно расскажу ему, что тебе он тоже нравится и ты будешь готова помочь ему, если это понадобится. Ты вряд ли этого захочешь, но я приму решение сама; я не знаю, что он о тебе думает, но я у него спрошу. Я уверена, что не плохо, совсем наоборот! Ты можешь не стесняясь приходить на мансарду или присоединяться к нам, где бы мы ни были, честное слово, ты нам не мешаешь, потому что мы, как мне кажется, без слов уговорились, что говорить о серьезном будем только вечером в темноте.

Не падай духом! Я тоже держусь, хотя это часто бывает нелегко, возможно, твое время придет скорее, чем ты думаешь».

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 23 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

У нас все понемногу снова входит в свою колею. Тех, кто доставал нам продовольственные карточки, выпустили на свободу, вот счастье так счастье!

Со вчерашнего дня Мип снова здесь. Зато сегодня свалился ее супруг. Озноб и жар, обычные симптомы гриппа. Беп поправилась, хотя все еще кашляет, Клейман еще долго просидит дома.

Вчера неподалеку отсюда сбили самолет, летчики успели выпрыгнуть с парашютом. Самолет упал на школу, где в это время не было занятий. Вспыхнул небольшой пожар, несколько человек погибли. Немцы открыли ужасную пальбу по парашютистам, наблюдавшие за происходящим амстердамцы были вне себя от бешенства при виде такой подлости. Мы, то есть женское население Заднего Дома, еще и перепугались до смерти. Бррр, ну и мерзкая же вещь стрельба!

Теперь о себе.

Когда я вчера была у Петера, речь у нас, уж не помню как, зашла об отношениях мужчины и женщины. Я уже давно собиралась спросить у него о некоторых вещах. Он знает все; когда я ему сказала, что мы с Марго в этом вопросе почти полные дуры, он ужасно удивился. Я подробно рассказала ему о Марго и о себе и о наших родителях и сказала, что в последнее время я вообще не решаюсь их спрашивать. Тогда он вызвался просветить меня, и я с благодарностью воспользовалась этим предложением: он рассказал мне о противозачаточных средствах, а я набралась храбрости и спросила, как мальчики замечают, что они уже взрослые. Он ответил, что над этим ему надо подумать и он расскажет мне вечером. Среди прочего я рассказала ему историю про Жак и добавила, что девочки не могут сопротивляться сильным мальчикам.

— Ну, меня ты можешь не бояться, — сказал он.

Когда я вернулась вечером, он рассказал мне о мальчиках. Нам было немного неловко, но все же было очень здорово, что мы об этом говорим. Ни он, ни я и не представляли, что девочка и мальчик могут так откровенно обсуждать самые интимные вещи. Я думаю, что теперь я знаю все. Много он рассказывал мне о том, как нужно предохраняться, о «присервативах». По-немецки.

Вечером в ванной мы с Марго говорили о Бrame и Трееc.

Сегодня утром меня ожидала большая неприятность. После завтрака Петер сделал мне знак подняться с ним наверх.

— Хорошо же ты заманила меня в ловушку, — сказал он. — Я слышал, о чем вы говорили с Марго в ванной, теперь я понял: ты просто хотела выяснить, что я знаю об этом деле, чтобы потом посмеяться с Марго!

Я была совершенно убита и постаралась, как только могла, заставить его выбросить из головы нашу пошлую болтовню; я так хорошо понимаю его чувства, а ведь на самом деле ничего подобного не было!

— Ну что ты, Петер, — сказала я, — неужели, по-твоему, я такая низкая обманщица, я обещала тебе держать язык за зубами и не нарушу слово. Разыграть такой спектакль, нарочно так подло обманывать — нет, Петер, это уже не смешно, это не шутка, не развлечение, это просто непорядочно. Я никому ничего не рассказывала, честно, ты мне веришь?

Он стал убеждать меня, что верит, но надо будет еще раз с ним поговорить, целый день я только над этим и ломаю голову. Хорошо еще, что он прямо высказал то, что думал, а представь себе, что он бы ходил и держал это в себе? Милый Петер!

Теперь я должна и буду рассказывать ему все.

Твоя Анна

Дорогая Китти!

Я часто хожу по вечерам наверх глотнуть свежего воздуха в комнате у Петера. В темной комнате гораздо скорее может завязаться настоящий разговор, чем когда солнце щекочет тебе лицо. Мне очень уютно сидеть рядом с Петером на стуле и смотреть в окно. Ван Даан и Дюссел, видя, что я вхожу к Петеру, начинают говорить ужасные глупости и пошлости. Например: «*Annes zweite Heimat*»* или «Подобаает ли мужчине в столь поздний вечерний час и в темноте принимать у себя молодых девушек?» Петер выказывает удивительное присутствие духа по отношению к таким якобы остроумным замечаниям. Моя мамочка сгорает от лобопытства и наверняка спросила бы, о чем мы разговариваем, если бы в глубине души не боялась, что я откажусь ей ответить. Петер говорит, что взрослые просто завидуют нашей молодости и злятся, что мы не обращаем внимания на их колкости.

Иногда он сам приходит за мной вниз, но и тут получается неловкость, потому что, несмотря на все меры предосторожности, он краснеет до ушей и ничего не может толком сказать. Какое счастье, что я никогда не краснею, вероятно, это пренеприятнейшее ощущение.

Еще меня очень огорчает, что Марго сидит внизу одна, в то время как я наверху нахожусь в хорошей компании. Но тут я ничего не могу изменить, я была бы рада, если бы она ходила вместе со мной наверх, но тогда она уж точно будет пятым колесом в телеге.

Со всех сторон сыплется подначки насчет нашей внезапно вспыхнувшей дружбы, а за столом то и дело возникает тема свадьбы, которую сыграют здесь, в Убежище, если война продлится еще пять лет. Задевает ли нас вздор, который выплескивают на нас наши старики? Во всяком случае, не слишком сильно, это все так глупо. Неужели мои родители забыли собственную юность? Похоже, что да, по крайней мере, они всегда принимают всерьез сказанное нами в шутку и смеются над нами, когда мы серьезны.

Не знаю, что будет дальше, не знаю и того, всегда ли нам с Петером будет о чем говорить. Но если это будет продолжаться, мы, наверно, сможем быть вместе и не разговаривая. Если бы только верхние старики не вели себя так глупо. Наверно, им просто не нравится, что я прихожу. Ведь мы с Петером не рассказываем, о чем мы говорим. А представляешь, что было бы, знай они, какие интимные темы мы обсуждаем.

* Вторая родина Анны (нем.).

Я хочу спросить Петера, знает ли он, что и как расположено у девочки в том месте. По-моему, мальчик там внизу устроен не так сложно, как девочка. Ведь на фотографиях или изображениях обнаженных мужчин отлично видно, что там у них, а у женщин — нет. У женщин половые органы, или как там это называется, больше спрятаны между ног. Петер, скорее всего, никогда еще не видел девочку совсем вблизи, я, честно говоря, тоже нет. И в самом деле у мальчиков все проще. Ума не приложу, как мне объяснить ему наше строение. А он его не знает, это мне стало ясно из его слов. Он мне рассказывал про Muttermund*, но ведь это находится внутри, его увидеть невозможно. У нас, надо признать, все очень хитро устроено. Только в одиннадцать или в двенадцать лет я узнала, что у нас внутри есть еще одни срамные губы, их совсем нельзя увидеть. И в довершение всего я еще считала, что моча течет из клитора. Однажды я спросила у мамы, а для чего у меня эта штучка, она ответила, что не знает, — ха, как же глупо она себя всегда ведет!

Ну ладно, возвращаюсь к делу. Как же мне без всяких рисунков объяснить ему, что находится внутри у женщины? Сейчас я попробую изложить это здесь, в дневнике.

Итак, я начинаю.

Когда стоишь, спереди не видно ничего, кроме волос. Между ног — что-то вроде подушечек, мягких-мягких, тоже покрытых волосами, когда стоишь, они прилегают друг к другу, и того, что находится между ними, не видно. Но когда садишься, они расцепляются, и между ними открывается что-то ярко-красное, безобразное, похожее на сырое мясо. В верхней части, между большими срамными губами, на самом верху, находится кожная складочка, если присмотреться, вроде пузырька, это клитор. Дальше идут маленькие срамные губы, они тоже прижаты друг к другу, их тоже можно принять за складочку кожи. Если они раскроются, между ними можно будет увидеть мясистый отросточек, не больше подушечки моего большого пальца. Его верхняя половина пористая, в ней много дырочек, и из них течет моча. Нижняя часть выглядит так, как будто состоит из одной кожи, но на самом деле именно там находится влагалище. Складочки кожи полностью закрывают его, так что его почти невозможно увидеть. Дырочка, находящаяся под кожей, такая малюсенькая, что почти невозможно себе представить, как может войти туда мужчина, а как может выйти целый ребенок — и подавно. В эту дырочку вставить указательный палец и то трудно. Только и всего, но это играет такую огромную роль.

Твоя Анна М. Франк

* Зев матки (нем.).

Милая Китти!

Когда человек меняется, сам он замечает это только тогда, когда перемена завершится. Я изменилась, и основательно, полностью и во всем. Мои мнения, взгляды, критические суждения, моя внешность, мой внутренний мир — все изменилось. И я могу с уверенностью утверждать, потому что так оно и есть, — изменилось к лучшему. Я уже рассказывала тебе, как трудно дался мне переход от прежней жизни, где я была предметом поклонения, к здешней суровой реальности с ее перепалками и нападками взрослых. Но большая доля вины за то, что мне пришлось так тяжело, ложится на моих родителей. Дома они с удовольствием предоставляли мне быть предметом поклонения, и это было хорошо, здесь же им не следовало бы вдобавок ко всему прочему меня еще и подзуживать и, ссорясь с Ван Даанами и сплетничая о них, убеждать, что правы только они, мои родители. Прошло много времени, пока я поняла, что каждая сторона права. Прошло только наполовину. Но теперь я знаю, как много здесь совершено ошибок, и старыми, и молодыми. Самая большая ошибка моих родителей по отношению к Ван Даанам в том, что ни папа, ни мама никогда не пытались говорить с ними откровенно, по-дружески, пусть даже эта дружба была бы немного неискренней. Я хочу прежде всего жить со всеми в мире, не ссориться и не сплетничать. С отцом и с Марго это будет легко, а с мамой трудно, и потому только к лучшему, что она сама иногда дает мне по рукам. Подружиться с менеером Ван Дааном можно, если с ним соглашаться, выслушивать его и поменьше говорить самой, а главное — подхватывать его шуточки и самой отвечать на них шуткой. Чтобы понравиться меффрау, надо говорить с ней начистоту и признавать свои ошибки. Она тоже откровенно признается в своих весьма многочисленных недостатках. Я знаю, что теперь она уже не такого плохого мнения обо мне, как вначале. И только потому, что я правдивая и говорю людям в глаза даже не очень лестные вещи. Я и впредь буду правдивой, я считаю, что так можно достичь большего; вдобавок и самой приятнее. Вчера меффрау завела со мной разговор насчет риса, который мы дали Клейману. Она сказала:

— Мы все время даем ему рис. Но теперь я говорю: хватит. Менеер Клейман может и сам достать рис, если только захочет дать себе труд. Почему мы должны все отдавать из наших запасов? Они точно так же нужны нам самим.

— Нет, меффрау, — ответила я, — я с вами не согласна. Наверно, менеер Клейман может достать рис, но ему неприятно этим

заниматься. Не нам осуждать людей, которые нам помогают. Мы должны отдавать им все, что им нужно, если только можем. Тарелочка риса в неделю нас не спасет, с таким же успехом мы поедем фасоль.

Мефрау была другого мнения, но сказала, что, хотя она со мной не согласна, спорить не будет.

Ну ладно, хватит об этом, иногда я считаю, что уже нашла свое место, другой раз сильно в этом сомневаюсь, но знаю, что я его обязательно найду! О да! И особенно теперь, ведь у меня есть поддержка, с Петером легче разгрызать твердые орехи и от кислых яблок не такая оскомины.

Я до сих пор не знаю, в какой мере я ему нравлюсь и дойдет ли у нас когда-нибудь до поцелуя; во всяком случае, я не собираюсь навязывать свой поцелуй. Папе я рассказала, что часто хожу к Петеру, и спросила, одобряет ли он это. Он, разумеется, одобрил.

Мне стало гораздо легче высказывать Петеру то, о чем я больше никому не говорю; так, я ему рассказала, что собираюсь писать, даже если и не стану писательницей, то все равно наряду со своей профессией или другими делами буду писать.

Я не богата деньгами и земными богатствами, не красива, не умна, мало знаю, но я счастлива и буду счастлива! У меня счастливый характер, я лоблю людей, у меня нет к ним недоверия, и я хочу, чтобы все они были счастливы вместе со мной.

Преданная тебе Анна М. Франк

И снова мне день не принес ничего,
Я с темною ночью сравнила б его.

(Эти строки написаны недели две назад, теперь все изменилось. Но поскольку мне очень редко приходят в голову стихи, я решила просто так записать их.)

ПОНЕДЕЛЬНИК, 27 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Большое место в летописи нашей жизни в Убежище должна была бы занимать политика, но, поскольку меня эта тема не особенно интересует, я до сих пор не уделяла ей должного внимания. Поэтому сегодня посвящаю свое письмо целиком политике.

То, что мнения у всех очень разные, вполне естественно, еще понятнее, что в тяжелые военные времена о политике много говорят, но... вечно ссориться из-за этого — просто идиотизм. Держать

пари, смеяться, браниться, брюзжать — пожалуйста, пусть варятся в собственном соку, мне безразлично, но ссориться-то зачем, это ведь по большей части до добра не доводит.

Люди, приходящие с воли, приносят много ложных новостей, наше радио, наоборот, до сих пор еще ни разу не соврало. У Яна, Мип, Клеймана, Бел и Кюглера в смысле политики настроение все время меняется от оптимизма к пессимизму и обратно. Ян подвержен пессимизму меньше всех.

Здесь же, в Убежище, у каждого взгляды на политику неизменны. Когда без конца обсуждают высадку союзников, бомбежки, выступления разных политических деятелей и т. д. и т. п., так же без конца один повторяет: «Это невозможно!», другой: «О Господи, если они высадятся только теперь, что тогда будет!», третий: «Все идет наилучшим образом, отлично, блеск!»

Оптимисты, и пессимисты, и не в последнюю очередь реалисты не устают энергично твердить свое, и, как и во всем остальном, каждый считает себя единственным обладателем истины. Некую даму сердит безграничное доверие, которое ее высокочтимый супруг питает к англичанам, некий господин набрасывается на свою даму за ее пренебрежительные и издевательские замечания касательно его любимой нации.

И так с раннего утра до позднего вечера, а самое поразительное, что это им никогда не надоедает. Я сделала открытие, столь же блестящее, как то, что человек подпрыгнет, если уколоть его булавкой. Так же безотказно действует и мое изобретение. Я начинаю разговор о политике, и довольно одного вопроса, одного слова, одной фразы, чтобы все Убежище втянулось и увязло по уши!

Недавно появилась новая радиопередача «Обзор воздушной обстановки» — как будто мало нам немецких «Сообщений вермахта» и английской Би-би-си. Очень здорово, но обратная сторона медали в чем-то и разочаровывает. Англичане поставили свои военно-воздушные силы на поток, в точности как немцы — свои пропагандистские враки.

Итак, радио у нас включается в восемь утра (если не раньше) и новости слушаются каждый час до девяти, десяти, а часто до одиннадцати вечера. Вот лучшее доказательство терпения взрослых, а также того, с каким трудом до них все доходит (это, разумеется, касается лишь некоторых, я не хочу никого обижать). Нам, молодым, за глаза хватило бы одного выпуска, в крайнем случае двух. Но эти старые дураки и дуры, впрочем, ладно, об этом я уже говорил. «Arbeiter-Programm»*, «Оранже», Франк Филипс или ее ве-

* «Программа для рабочих» (нем.).

личество королева Вильгельмина, все подряд, все выслушивается безотказно, и если они не едят и не спят, то сидят у радиоприемника и разговаривают про еду, сон и политику. Ох и надоедает же это, и немало надо приложить усилий, чтобы самой не превратиться в занудную старушечку! Ну а нашим взрослым уже нечего терять.

Чтобы показать все это на ярком примере, опишу тебе, как мы слушали речь нашего общего любимца Уинстона Черчилля.

Воскресенье, девять часов вечера. На столе — чайник под колпаком, собираются гости. Дюссел рядом с приемником слева, мейнеер Ван Даан прямо перед приемником, Петер рядом с приемником справа. Мама рядом с Ван Дааном, мефрау за ними. Мы с Марго в самом заднем ряду, а Пим за столом. Я вижу, что не совсем четко обрисовала, кто где сидит, но в конце концов наша рассадка не имеет значения. Господа попыхивают сигаретами, у Петера от напряженного вслушивания слипаются глаза, мама (в длинном темном платье) и мефрау Ван Даан дрожат, потому что в это время самолеты, не обращая внимания на речь, бодро летят бомбить Эссен. Папа прихлебывает чай, мы с Марго в истинно сестринском единении, потому что спящий Муши разлегся на коленях у нас обеих. У Марго волосы накручены на бигуди, я в ночном костюме, который мне мал — и узок, и короток. Атмосфера кажется задушевной, уютной, мирной, на этот раз так оно и есть на самом деле, но я со страхом жду, что будет после речи. Слушатели просто не могут дождаться, когда Черчилль договорит, бьют копытами от нетерпения; как бы вскоре не вспыхнула новая ссора! Кис-кис, как мыши чувствуют появление кошки в округе и спешат выбраться из своих норок, вот так и они действуют на нервы друг другу, вызывая на ссоры и перепалки.

Твоя Анна

ВТОРНИК, 28 МАРТА 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Я могла бы еще много написать тебе о политике, но сегодня я сначала должна сообщить массу других новостей. Во-первых, мама, можно сказать, прямо запретила мне ходить наверх, сославшись на ревность со стороны мефрау Ван Даан. Во-вторых, Петер пригласил Марго тоже приходить наверх вместе со мной, не знаю, из вежливости или он на самом деле этого хочет. В-третьих, я спросила у папы, должна ли я, по его мнению, считаться с этой ревностью, и он сказал, что не должна.

Что же делать? Мама злится, не хочет пускать меня наверх, хочет, чтобы я занималась, сидя в комнате вместе с Дюсселом, возможно, она и сама тоже ревнует. Папа рад за меня, что я иногда захожу к Петеру, и рад за нас, что нам так хорошо вместе. Марго тоже нравится Петер, но она чувствует, что втроем нельзя разговаривать так свободно и откровенно, как вдвоем.

Еще мама считает, что Петер в меня влюблен, честно говоря, я очень хотела бы, чтобы она оказалась права. Тогда мы с Петером были бы на равных и нам было бы гораздо легче понять друг друга. Мама говорит, дескать, он на меня так много смотрит; что правда, то правда, мы все время переглядываемся и перемигиваемся, ну а если ему приятно смотреть на ямочки у меня на щеках, тут уж я ничего поделать не могу. Не так ли?

Я в трудном положении. Мама против меня, а я против нее. Папа делает вид, что не замечает нашей тихой войны. Мама огорчается, потому что все еще любит меня, я же совершенно не огорчаюсь, потому что она для меня больше не существует.

Ну а Петер... От Петера я не откажусь ни за что, он такой милый, и я так им восхищаюсь, у нас все может быть так чудесно, и зачем только взрослые суют свой нос в наши дела? Хорошо, что я научилась таить от всех свой внутренний мир, и мне отлично удается скрывать, как сильно я в него влюблена. Заговорит ли он наконец? Прикоснется ли когда-нибудь его щека к моей, как прикоснулась в моем сне щека Петера Схиффа? Петер Ван Даан и Петер Схифф, для меня вы слились в единый образ. Взрослые нас не понимают, до них не доходит, что нам достаточно просто молча сидеть рядом. Они не понимают, что влечет нас друг к другу. Когда же мы преодолеем все препятствия, и все-таки хорошо, что мы их преодолеваем, тем чудеснее нам будет потом. Когда он лежит, руки под головой, закрыв глаза, видно, что он еще ребенок. Когда он играет или говорит с Муши, видно, как нежно он способен любить. Когда он несет картошку или другие тяжелые ведки, видно, какой он сильный. Когда он смотрит на стрельбу или в темноте идет выяснять насчет воров, видно, какой он смелый, а когда он бывает беспомощным и неловким, он как раз и милее всего. Мне гораздо приятнее, когда он что-нибудь объясняет мне, чем самой его поучать. Я бы очень хотела, чтобы он почти во всем превосходил меня.

Что мне за дело до всех этих матерей! Только бы он сказал мне то, чего я жду.

Папа все время называет меня кокеткой, но это неправда, я просто тщеславная. Меня нечасто называли хорошенькой, только один К.Н. и сказал мне один раз, что на меня приятно смотреть,

когда я смеюсь. Вчера Петер сделал мне чистосердечный комплимент, и шутки ради я тебе приблизительно передам наш разговор.

Петер часто говорит мне: «Засмейся». Я этому удивлялась и вчера спросила:

— Почему тебе всегда хочется, чтобы я смеялась?

— Приятно на тебя смотреть. У тебя на щеках появляются ямочки, кстати, отчего это происходит?

— Это у меня от рождения. На подбородке у меня тоже ямочка. Единственное, что у меня есть красивого.

— Неправда.

— Нет, правда, я знаю, что красивой меня назвать нельзя, я никогда такой не была и никогда не буду.

— Не выдумывай. Ты хорошенькая.

— Неправда.

— Раз я говорю, можешь мне поверить.

Я, конечно, в ответ сказала то же самое о нем.

Твоя Анна М. Франк

СРЕДА, 29 МАРТА 1944 г.

Милая Кимми!

Вчера по радиостанции «Оранже» выступал министр Болкестейн и сказал, что после войны будет организован сбор свидетельств об этой войне — писем и дневников. Конечно, все в Убежище тут же наперебой заговорили о моем дневнике. Представляешь, как будет интересно, если я издам роман об Убежище. По названию все сразу подумают, что это детектив.

А если говорить серьезно, лет через десять после войны будет занимательно читать рассказ о том, как мы, евреи, жили здесь, что мы ели и о чем говорили. Хотя я много рассказываю тебе про нас, тем не менее тебе известна лишь малая частичка нашей жизни. Ты не знаешь, как умирают от страха наши дамы во время бомбежек, например в воскресенье, когда 350 английских самолетов сбросили на Эймёйден полмиллиона кило бомб, как в это время дома сотрясаются, словно былинки на ветру; ты не знаешь, какие здесь свирепствуют эпидемии.

Обо всем этом ты не имеешь ни малейшего представления, и, чтобы посвятить тебя во все подробности, мне пришлось бы писать с утра до вечера. За овощами и всеми другими продуктами стоят очереди, врачи не могут посещать больных, потому что у них то и дело воруют средства передвижения, грабежи и квартирные кражи

стали таким частым явлением, что невольно спрашиваешь себя, какая муха укусила голландцев, вдруг сделав их охочими до чужого добра. Маленькие дети от восьми до одиннадцати лет разбивают окна в квартирах и тащат что под руку попадет. Никто не решается оставить свою квартиру хотя бы на пять минут, потому что стоит тебе уйти, как твои пожитки тоже уйдут. Каждый день в газетах печатаются объявления, где люди просят за вознаграждение вернуть украденные пишущие машинки, персидские ковры, электрические часы, ткани и т. д. Снимают электрические уличные часы, разбирают до последней проволочки телефоны-автоматы.

Настроение у людей плохое, да и каким ему быть, если все голодно, того, что дают по карточкам на неделю, едва хватает на два дня, кроме разве что кофе-суррогата. Высадка союзников все время оттягивается, мужчин увозят в Германию на принудительные работы, дети болеют или недоедают, все плохо одеты, в плохой обуви. Одна подметка из-под полы у спекулянтов стоит семь с половиной гульденов. При этом большинство саложников вообще не берут обувь в починку или берут на срок четыре месяца, а потом придешь, и окажется, что обувь пропала.

Нет худа без добра: чем хуже становится еда и чем суровее меры, которые применяют власти, тем сильнее сопротивление. Нидерландские карточные бюро, полиция, чиновники либо помогают своим согражданам, либо доносят на них, и те попадают за решетку. К счастью, лишь небольшая часть нидерландцев сделала неправильный выбор.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 31 МАРТА 1944 г.

Милая Китти!

Представляешь, сейчас, когда на улице еще довольно-таки холодно, большинство людей уже примерно месяц сидят без угля — мало радости, а? Настроены все снова более оптимистично в связи с событиями на Русском фронте, а там дела идут просто потрясающе! Вообще-то не в моем обычае много писать о политике, но где сейчас стоят русские войска, я все же должна тебе сообщить, они подошли вплотную к границам генерал-губернаторства* и к реке Прут в Румынии. Подошли вплотную к Одессе и окружили Тернополь. Здесь у нас каждый вечер ждут чрезвычайного сообщения от Сталина.

В Москве так часто стреляют из орудий, производя салют, что,

* Часть Польши, отошедшая при ее разделе к Германии.

наверно, каждый день город содрогается, уж не знаю, то ли им приятно играть, как будто война идет совсем близко, то ли они не могут придумать другого способа выразить свою радость.

Немцы оккупировали Венгрию, там не меньше миллиона евреев, вот и они, наверно, теперь погибнут.

У нас все по-старому. Сегодня день рождения менеера Ван Даана, ему подарили две пачки табака, кофе на одну чашку, сбереженный его женой, лимонный пунш от Кюглера, сардины от Мип, одеколон от нашей семьи, две ветки сирени и тюльпаны. Нельзя не упомянуть также торт с прослойками, пропитанными компотом из малины и смородины, он получился немного клеклым из-за плохой муки и отсутствия масла, но все равно вкусным.

Разговорчики насчет нас с Петером немного поутихли, сегодня вечером он зайдет за мной, все же мило с его стороны, не правда ли, ведь ему самому это совсем не нравится. Мы с Петером очень дружим, много бываем вместе и говорим на самые различные темы. Так чудесно, что нет необходимости сдерживать себя, когда речь заходит о щекотливых вопросах, я, конечно, ни за что не стала бы обсуждать их с другими мальчиками. Например, мы говорили о крови, и тут оказалось кстати перейти к менструации и т. п. Он считает, что мы, женщины, очень стойкие и выносливые, если так спокойно выдерживаем ежемесячную потерю крови. И сказал, что я вообще очень стойкая и выносливая. Тра-та-та, почему бы это?

Жить здесь мне стало лучше, гораздо лучше. Господь меня не оставил и не оставит впредь.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 1 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

И все-таки мне очень трудно; ты, наверно, догадалась, что я имею в виду? Мне так ужасно хочется, чтобы Петер меня поцеловал, но время идет, а он все не целует. Неужели он видит во мне лишь товарища и ничем другим я для него не стала?

Ты знаешь, и сама я тоже знаю, что я сильная, что большинство своих тягот я могу нести в одиночку. Я не привыкла делить их ни с кем, искать поддержку в материнских объятиях. Но теперь я так мечтаю положить голову ему на плечо и посидеть тихо-тихо.

Я не могу забыть сон про щеку Петера Схиффа, как мне тогда было хорошо! Неужели ему не хочется того же? Может, он просто

от застенчивости не признается мне в любви? Почему он так часто стремится быть со мной? Ну почему, почему он молчит?

Ладно, хватит, я ведь сильная, надо успокоиться и не распускаться, набраться терпения, а остальное приложится, но... меня ужасно угнетает, что выглядит это так, будто я за ним бегаю. Всегда я хожу наверх, а не он ко мне. Но ведь тут все дело в том, как у нас расположены комнаты, он не может этого не понимать. Впрочем, наверно, он понимает не только это.

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 3 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Полностью вопреки своему обыкновению я подробно напишу тебе сегодня о еде, ведь не только в Убежище, но и во всей стране, во всей Европе, да и за ее пределами еда стала очень важной и трудной проблемой.

За 21 месяц нашей жизни в Убежище мы пережили несколько «столовых периодов», что это означает, я тебе сейчас объясню. «Столовым периодом» я называю время, когда мы постоянно едим одно и то же кушанье или один и тот же вид овощей. Какое-то время мы только и ели что салатный ципторий — каждый день, с песком, без песка, толченый с картошкой, в виде салата, запеченный в огнеупорной миске, потом ему на смену пришел шпинат, за ним последовали кольраби, скорцонера, огурцы, помидоры, кислая капуста и т. д. и т. п.

Конечно, мало радости каждый день и в обед, и в ужин есть, например, кислую капусту, но никуда не денешься, голод не тетка. А сейчас у нас самый замечательный период, когда вообще нет свежих овощей.

По будням мы едим на обед бобы, гороховый суп, картошку с мучными клецками, картофельную запеканку; если Бог даст, разок перепадет ботва скороспелой репы или гнилая морковь, а потом опять бобы. Картошку мы едим каждый раз, начиная с завтрака, поскольку нам не хватает хлеба, на завтрак мы едим печеную (или немного поджаренную). Суп мы варим из бобов или фасоли, картошки, сухих пакетных овощных супов, кубиков куриного бульона, концентрата бобов. Бобы у нас входят во все блюда, не исключая хлеба. На ужин мы всегда едим картошку с подливкой-суррогатом и салатом из свеклы, которой у нас, к счастью, достаточно. Хочу рассказать подробнее о мучных клецках, их мы делаем из «государственной» муки — просеиваем ее, разводим водой и добавляем

дрожжи. Клецки получаются клейкие и твердые и ложатся камнем в желудке, ну да ладно!

Самое большое наше развлечение — ломтик ливерной колбасы раз в неделю и варенье, намазанное на кусочек сухого хлеба. Но мы еще живы и даже иногда находим все это вкусным.

Твоя Анна М. Франк

СРЕДА, 5 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Долгое время меня мучили сомнения, зачем я сижу за учебой, ведь войне конца не видно, да и верится-то в него с трудом. Если война к сентябрю еще не кончится, я больше не пойду в школу, отставать на целых два года я не хочу.

Для меня все дни заполнены Петером, одним лишь Петером, мечтами и мыслями о нем, а в субботу мне стало так плохо, ну просто ужасно. Я сидела у Петера и с трудом сдерживала слезы, потом пила лимонный пунш с Ван Дааном, пришла в большое возбуждение и хохотала до упаду, но стоило мне остаться одной, как я почувствовала, что теперь мне надо выплакаться. Я выскользнула из постели и прямо в ночной рубашке опустила на пол; сначала долго и от всей души молилась, потом положила голову на руки, подтянула колени, сжалась в комок на голом полу и заплакала. Громко всхлипнув, я вернулась к действительности и подавила рыдания, чтобы меня не услышали наши за стеной. Я начала сама себя ободрять, все время повторяя: «Я должна, я должна, я должна...» От непривычной позы у меня все занемело, я привалилась к краю кровати и продолжала бороться с собой, и только в пол-одиннадцатого снова залезла в постель. Я успокоилась.

А теперь я уже совсем успокоилась. Я знаю, что должна учиться, чтобы не остаться душой, чтобы чего-то добиться, чтобы стать журналисткой — вот чего я хочу! Я знаю, что могу писать. Несколько рассказов у меня получились, зарисовки Убежища сделаны с юмором, многие страницы дневника выразительны, но... действительно ли у меня есть талант, это еще вопрос.

Самая лучшая из моих сказок — «Сон Евы», и что самое удивительное, я понятия не имею, откуда у меня это все взялось. Многое из «Жизни Кэди» тоже удалось, но все в целом никуда не годится. Я сама — свой самый лучший и самый беспощадный критик, я знаю, что написано хорошо, а что — плохо. Тот, кто сам не пишет, не может понять, как это чудесно; раньше я расстраивалась,

что совсем не умею рисовать, но теперь я ужасно счастлива, что хотя бы сочинять могу. А если у меня нет таланта, чтобы писать книги или газетные статьи, ну что ж, тогда я буду писать для себя. Но я хочу чего-то добиться, я не могу себе представить, что буду жить так, как моя мама, мефрау Ван Даан и все те женщины, которые делают свои домашние дела, а потом их никто и не вспомнит. Кроме мужа и детей, у меня должно быть что-то еще, чему я смогу посвятить себя. Да, я не хочу подобно большинству людей прожить жизнь зря. Я хочу приносить пользу или радость людям, окружающим, но не знающим меня, я хочу продолжать жить и после смерти. И потому я благодарю Бога за то, что он дал мне врожденную способность развивать свой ум и душу и дал способность писать, то есть выражать все, что во мне есть.

Когда я пишу, я обо всем забываю, проходит грусть, воскресает мужество! Впрочем, это еще не значит, что я когда-нибудь смогу создать что-нибудь значительное, стать журналисткой или писательницей.

Я надеюсь на это, ах, как я хочу на это надеяться, ведь тогда я смогу выразить все свои мысли, свои идеалы и свои фантазии.

Над «Жизнью Кэди» я давно уже не работала, в мыслях я ясно вижу, как там должно быть дальше, но дело не ладится. Возможно, так ничего и не получится и вся моя писанина пойдет в корзину или в печь. Думать об этом мне неприятно, но я говорю себе: в четырнадцать лет и так мало пережив, ты и не можешь написать философское произведение.

Итак, вперед, с новыми силами, у меня должно получиться, я хочу, я очень хочу писать!

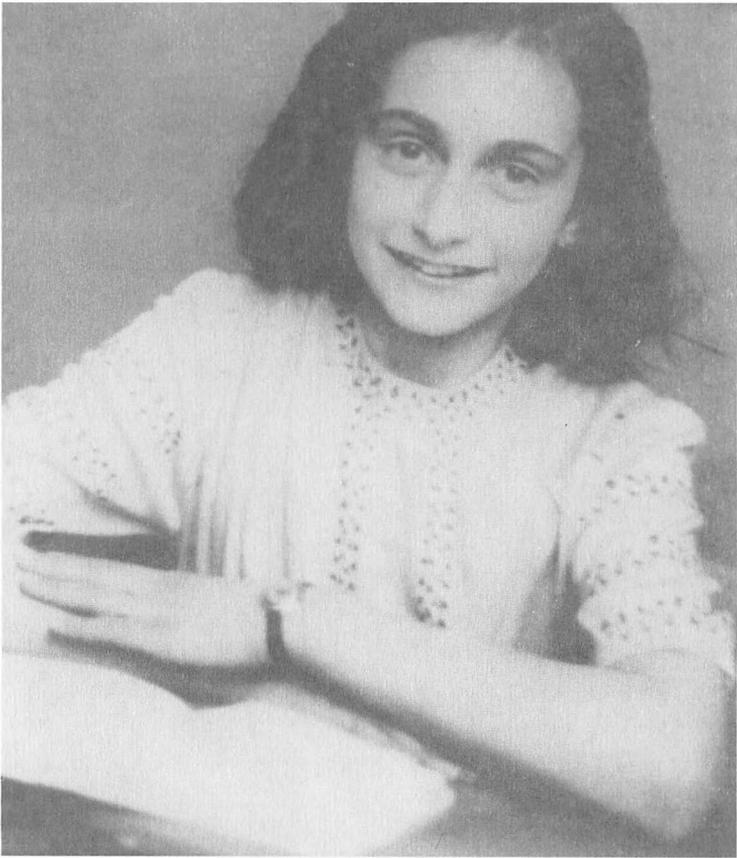
Твоя Анна М. Франк

ЧЕТВЕРГ, 6 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Ты спрашиваешь о моих увлечениях и интересах, и сейчас я отвечу на твой вопрос, но заранее предупреждаю, чтобы ты не испугалась: их у меня вагон и маленькая тележка. Прежде всего — писать, но это, собственно, уже не увлечение, а нечто более серьезное.

Во-вторых, родословные. Во всех газетах, книгах и бумагах я выписываю сведения о французских, немецких, испанских, английских, австрийских, русских, норвежских и нидерландских княжеских домах. Многие родословные я проследила достаточно далеко, тем более что давно уже делаю выписки из биографий и исторических книг, которые читаю. Часто переписываю даже целые главы из истории.

Анна Франк, 1941 г.

*Первый дневник Анны Франк,
подаренный ей в 1942 г.
на день рождения*

Отто, Марго и Анна Франк, Франкфурт-на-Майне, 1930 г.

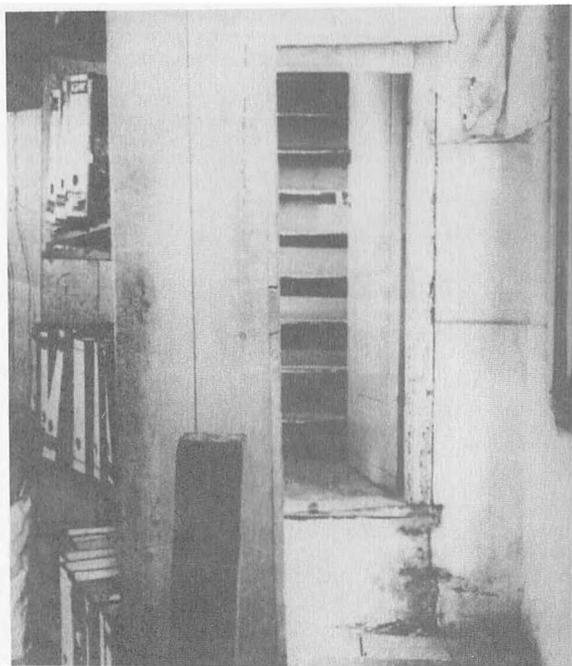
Анна и Марго, 1933 г.

Фасад дома на Принстенгрехт, 263

*Внутренняя сторона дома
(Убежище)*

*Ход в Убежище был закрыт
вращающимся книжным шкафом*

Обитатели Убежища: Отто, Эдит, Анна и Марго Франк; господин и госпожа Ван Даан, Петер Ван Даан; господин Дюссел

Помощники (слева направо): господин Коопхойс, Мип Хис, Элли Воссен и господин Кралер

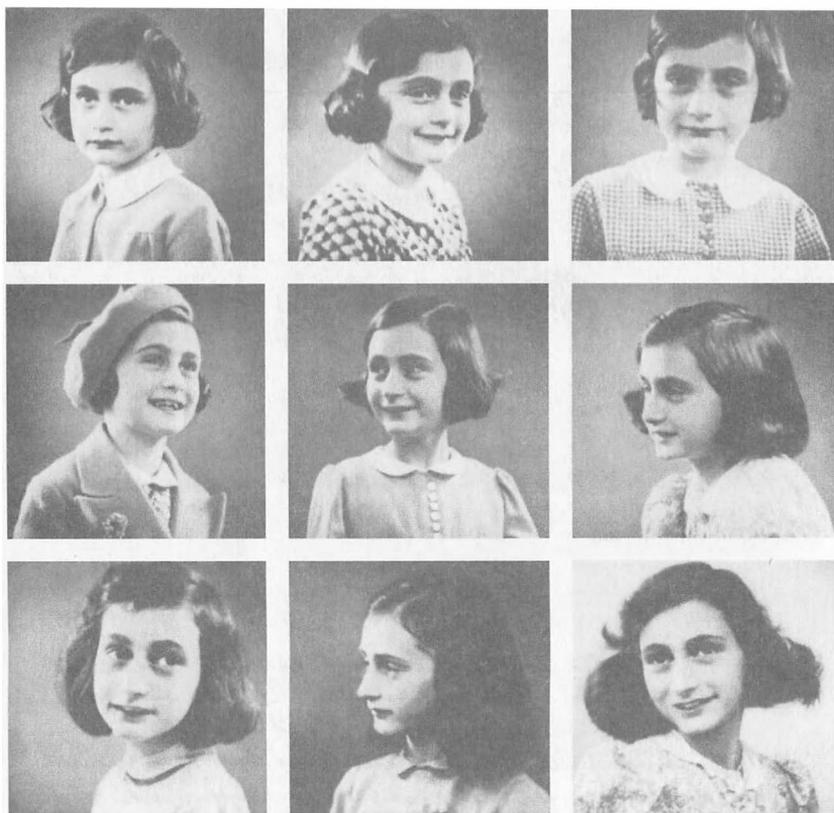

SEPT. 11 1934
Jhr ↓ Gewicht

kg 24 25 26 kg

PHOTOWAAGE
BAD AACHEN

Анна Франк, Амстердам, 1935 — 1942 гг.

Анна Франк, Ахен, 1934 г.

Мое третье хобби — вообще история, и папа уже накупил мне много исторических книг. Я жду не дождусь того времени, когда смогу как следует покопаться в Публичной библиотеке. Хобби номер четыре — греческая и римская мифология. На эту тему у меня тоже много книг. Я могу отбарабанить тебе имена девяти муз или семерых любовниц Зевса. Женщин Геракла и т. д. и т. п. я знаю назубок.

Еще увлекаюсь кинозвездами и семейными фотографиями. Очень люблю читать, люблю книги. Интересуюсь историей искусств, прежде всего биографиями писателей, поэтов, художников. Интерес к музыкантам, возможно, придет потом. Испытываю ярко выраженную антипатию к алгебре, геометрии и арифметике. Всеми остальными школьными предметами занимаюсь с удовольствием, но история превыше всего!

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 11 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Голова у меня идет кругом, даже не знаю, с чего начать. Четверг (когда я писала тебе в прошлый раз) прошел обычно. На следующий день была Страстная пятница, мы играли в «Биржу», в субботу тоже. Все эти дни прошли очень быстро. В субботу часа в два началась сильная стрельба из зениток, беглый огонь, как называли наши господа. Но потом все успокоились.

В воскресенье Петер по моему приглашению пришел ко мне в полпятого, в четверть шестого мы с ним поднялись в мансарду, где оставались до шести. С шести до четверти восьмого по радио передавали чудесный концерт Моцарта, особенно наслаждалась я «Маленькой ночной серенадой». Вообще-то мне часто трудно слушать радио в общей комнате, слишком уж сильно на меня действует хорошая музыка. В воскресенье вечером Петер не мог помыться, потому что корыто было занято замоченным бельем и стояло внизу в кухне. В восемь мы вместе поднялись в мансарду, а чтобы нам было мягко сидеть, я захватила из нашей комнаты единственную диванную подушку, которая там у нас есть. Мы сели на ящик. И ящик, и подушка довольно-таки узкие, мы сидели, прижавшись вплотную и прислонясь к другим ящикам; нам составлял компанию Муши, так что мы были под присмотром. Без четверти девять вдруг свистнул менеер Ван Даан и спросил, не у нас ли подушка менеера Дюссела. Мы оба вскочили и вместе с подушкой, кошкой и Ван Дааном спустились вниз. Из-за этой подушки получился большой скандал.

Дюссел злился, что я ее взяла, и боялся, что в нее набрались блохи; из-за этой паршивой подушки он поставил вверх дном все Убежище. Мы с Петером в отместку за его вредность подложили ему в постель две жесткие платяные щетки. То-то было смеху!

Но наша радость продолжалась недолго. В полдесятого Петер тихонько постучал в дверь и попросил отца подняться к нему и помочь с трудной английской фразой.

— Что-то тут нечисто, — сказала я Марго, — видно невооруженным глазом, что предлог выдуманый, а разговаривают наши господа такими голосами, как будто бы в дом забрались грабители.

Оказалось, я попала в самую точку, на склад пробрались взломщики. Папа, Ван Даан и Петер поспешили вниз. Марго, мама, мейффрау и я остались ждать. Четыре перепуганные женщины не могут молчать, вот и мы разговаривали, и вдруг снизу донесся удар, потом все стихло, часы пробили без четверти десять. Мы все побледнели, но сидели тихо, хоть нам и было страшно. Где наши мужчины? Что это был за удар? Может, они дрались с грабителями? Никто не рещался строить догадки, мы выжидали.

Десять часов, шаги на лестнице. Входит папа, бледный, взволнованный, за ним менеер Ван Даан.

— Гасите свет, все тихонько наверх, сейчас в дом явится полиция.

Мы не успели испугаться, свет тут же погас, я быстренько схватила кофту, и вот мы уже все сидим наверху.

— Ну рассказывай же, что случилось?

Но рассказывать было некому, мужчины снова ушли вниз. Только в десять минут одиннадцатого они пришли наверх все четверо, двое заняли сторожевые посты у открытого окна в комнатухе Петера, дверь в переход была заперта, подвижной шкаф повернут. Лампочку-ночник завесили фуфайкой, и тогда господа рассказали нам следующее:

Петер в коридоре услышал два громких удара, спустился вниз и увидел, что из двери на склад с левой стороны вынута доска. Он бросился наверх, оповестил боеспособную часть населения, и вчетвером они побежали вниз. Когда они пришли на склад, грабители были заняты своим делом. Ван Даан, не подумав, закричал: «Полиция!» Послышались торопливые шаги — вору спаслись бегством. Чтобы полиция не обратила внимания на дыру в двери, господа водворили доску на место, но от сильного пинка снаружи она опять вылетела и оказалась на полу. Наши были ошеломлены такой наглостью, Ван Даан и Петер готовы были убить нахалов. Ван Даан с силой грохнул топором по полу, потом все опять затихло. Господа снова занялись доской, и опять им помешали. Некая супружеская

чета вдруг вдруг ярко осветила с улицы весь склад лучом карманного фонарика. «Черт побери», — пробормотал кто-то из господ, и... отбросив роль полицейских, они перевоплотились в грабителей. Все четверо ринулись наверх, Дюссел и Ван Даан забрали книги вышеупомянутого Дюссела, Петер открыл двери и окна в кухне и директорском кабинете, швырнул на пол телефонный аппарат, и в конце концов они укрывшись за спасительными стенами Убежища. (Конец первой части.)

Можно было предположить, что супруги с фонариком сообщат в полицию. Было воскресенье, первый день Пасхи, на второй день Пасхи контора не работает, так что нам предстояло сидеть затаившись до утра вторника. Представляешь, две ночи и день провести в таком страхе! Мы-то ничего себе не представляли, просто сидели в крошечной тьме — мефрау с перепугу вывернула лампочку, — говорили шепотом, при малейшем шорохе шипели друг на друга «пшпш, пшпш».

Пол-одиннадцатого, одиннадцать, полная тишина, папа и Ван Даан по очереди заходили к нам. Потом, в четверть двенадцатого, внизу раздался шум. Мы сидели не шевелясь, отчетливо слышно было дыхание каждого. Шаги в доме, в директорском кабинете, в кухне... на лестнице. Теперь все затаили дыхание, лишь колотились восемь сердец. Шаги на нашей лестнице, шум и возня у подвижного шкафа. Неопишимо!

— Теперь мы погибли, — сказала я и уже видела в своем воображении, как нас всех, пятнадцать человек, в ту же ночь заберет гестапо.

Снова какая-то возня у подвижного шкафа, стук — раз, другой, потом упала консервная банка, и вот шаги удалились, на этот раз пронесло. Всех нас била дрожь, я слышала, как у моих товарищей по несчастью стучат зубы, никто все еще не решался заговорить, так мы просидели до половины двенадцатого.

В доме все затихло, но в нашем переходе прямо перед шкафом горел свет. Потому ли, что наш шкаф показался подозрительным? Или полицейские забыли потушить свет? Кто-нибудь вернется его выключить? Языки у нас развязались. В доме больше никого не было, разве что поставили полицейского сторожить у наружных дверей. Теперь мы могли делать три вещи: строить догадки, дрожать от страха и справлять нужду. Ведра находились на чердаке, только жестяной мусорный бачок Петера был в нашем распоряжении. Ван Даан сделал почин, за ним последовал папа, мама застеснялась. Папа перенес бачок в комнату, где им охотно воспользовались Марго, мефрау и я, тогда наконец решилась и мама. Постоянно

кому-то требовалась бумажка, у меня, к счастью, было немного бумаги в кармане.

Бачок вонял, все говорили шепотом, все устали, была полночь.
— Ложигесь на пол и поспите!

Нам с Марго выдали каждой по подушке и одеялу. Марго легла в стороне от шкафа с продуктами, я — между ножками стола. На полу вонь чувствовалась не так сильно, но все-таки меффрау потихоньку сходила за хлоркой, а горшок еще накрыли кухонным полотенцем.

Разговоры, шутки, страх, вонь, и все время кто-то пукает, а кто-то сидит на горшке — попробуй тут засни! Но в полтретьего усталость все же сморила меня, и до полчетвертого я не слышала ничего. Проснулась я оттого, что меффрау улеглась, положив голову мне на ноги.

— Дайте мне, пожалуйста, еще что-нибудь надеть, — попросила я. Мне дали, но Бог знает что. Я напялила поверх гизжамы шерстяные штаны, красный свитер и черную юбку, белые чулки, рваные гольфы.

Потом меффрау села на стул, а лег, положив голову мне на ноги, ее супруг. Начиная с полчетвертого я лежала и думала, меня все еще так трясло, что Ван Даан не мог спать. Я размышляла, как поступить, если полиция вернется и нам придется признаться, что мы прячемся; полицейские окажутся либо добрыми нидерландцами — тогда ничего, либо местными национал-социалистами, тогда надо будет дать им взятку.

— Убери же радиоприемник! — простонала меффрау.

— Куда? В печку? — ответил ее супруг. — Если найдут нас, пусть найдут и приемник.

— Тогда найдут и дневник Анны, — вмешался папа.

— Давайте его сожжем, — предложила самая трусливая из нас.

Эта минута была для меня такой же страшной, как те, когда полиция возилась у нашего подвижного шкафа; нет, только не это, если сожгут мой дневник, пусть сожгут и меня вместе с ним! Но папа, к счастью, не ответил.

Нет никакого смысла передавать, кто что сказал и что я запомнила, разговоров было так много, я успокаивала меффрау, которая очень боялась. Мы обсудили попытку к бегству, допросы в гестапо, говорили, что надо позвонить по телефону, ободряли друг друга.

— Теперь мы должны вести себя, как солдаты, меффрау, если мы погибнем, то за королеву и отечество, за свободу, истину и справедливость, как все время говорят по радио «Оранже». Вот только ужасно, что мы навлечем беду на тех, кто нам помогает!

Через час менеер Ван Даан снова поменялся местами с женой,

папа прилег рядом со мной. Мужчины непрерывно курили, то и дело кто-то глубоко вздыхал, потом кто-то делал по-маленькому, и так все время.

Четыре, пять, полшестого. Я пошла к Петеру, мы напряженно вслушивались, сидя почти вплотную друг к другу, так близко, что я чувствовала, как дрожит он, а он — как дрожу я, сидели молча, лишь кое-когда перекидываясь словом. Наши между тем сняли затемнение у себя в комнате и записывали все по пунктам, чтобы рассказать по телефону Клейману.

Они собирались в семь часов позвонить Клейману и попросить, чтобы сюда кто-нибудь пришел. Риск был велик — постовой у двери мог услышать разговор, но риск, что полиция вернется, был еще больше.

Хотя я вкладываю сюда памятку, на которой они записали, что должны сказать по телефону Клейману, я для ясности перепишу этот документ.

«*Кража со взломом*; в доме побывала полиция, до подвижного шкафа, не дальше. Воров, очевидно, спугнули, они взломали дверь склада и сбежали через сад. Парадная дверь заперта на засов, наверно, Кюглер вышел через вторую дверь.

Машинка и арифмометр на месте, стоят в черном ящике в директорском кабинете.

Также и замоченное белье Мип или Беп, оно лежит в корыте на кухне.

Ключ от второй двери есть только у Беп или Кюглера, возможно, там взломан замок.

Постарайтесь передать Яну, чтобы он сходил за ключом и пришел посмотреть, что делается в конторе, пусть также покормит кошку».

Дальше все пошло как по маслу. Позвонили Клейману, отодвинули засовы, поставили пишущую машинку обратно в ящик. После этого все опять уселись у стола и стали ждать, кто придет первым — Ян или полиция.

Петер заснул, менеер Ван Даан и я лежали на полу, и тут внизу послышались громкие шаги. Я тихонько встала.

— Это Ян!

— Нет-нет, это полиция! — сказали все остальные.

Раздался стук в нашу потайную дверь и условный свист Мип. И тут силы мефрау Ван Даан иссякли, она побледнела как смерть и поникла на своем стуле, продлись ожидание минутой дольше, она бы упала в обморок.

Когда Ян и Мип вошли в нашу комнату, их глазам представи-

лось невообразимое зрелище, уже один только стол так и просился на фотоснимок: номер «Кино и театра», раскрытый на страничке с танцовщицами, весь вымазанный вареньем и пектином — от поноса; две банки варенья, половинка и четвертушка булочки, пектин, зеркальце, расческа, спички, пепел, сигареты, табак, пепельница, книги, пара трусов, карманный фонарик, гребень меффрау, туалетная бумага и т. д.

Ян и Мип, разумеется, были встречены ликованием и слезами, Ян забил дыру в двери, и вскоре они с Мип ушли, чтобы рассказать в полицию о взломе. Мип нашла под дверью склада еще записку от ночного сторожа Слеехерса, который обнаружил дыру и сообщил в полицию. К нему Ян тоже собирался зайти.

У нас было полчаса, чтобы привести себя в порядок. Никогда еще я не видела, чтобы за такой короткий срок произошло так много перемен. Мы с Марго застлали внизу постели, сходили в уборную, помыли руки, почистили зубы и причесались. После чего я немного прибрала в комнате и снова пошла наверх. Там стол был уже убран, мы налили воды из крана, поставили кофе и чай, вскипятили молоко и накрыли стол для чаепития. Папа и Петер опорожнили горшки с мочой и дерьмом, вымыли их горячей водой с хлоркой, но самый большой был еще полон до краев и неподъемно тяжел, кроме того, в этой посудине была течь, так что ее пришлось унести, поставив в ведро.

В одиннадцать часов мы все, вместе с вернувшимся к тому времени Яном, сидели вокруг стола и мало-помалу снова почувствовали себя хорошо. Вот что поведал нам Ян.

Жена Слеехерса — сам он спал — рассказала, что ее муж, совершая обход улиц вдоль каналов, заметил дыру у нас в двери, сходил за полицейским, и они вместе вошли в дом. Менеер Слеехерс — частный ночной сторож и каждый вечер в сопровождении двух своих собак объезжает на велосипеде улицы вдоль каналов. Во вторник он придет к Кюглеру и расскажет обо всем подробнее. В полицейском участке еще ничего не знали о взломе, но тут же все записали и во вторник тоже собираются прийти посмотреть.

На обратном пути Ян проходил мимо лавки Ван Хувена, того, кто продает нам картошку, и рассказал ему, что к нам залезли воры.

— Знаю, — сказал Ван Хувен, не удивившись. — Вчера вечером мы с женой проходили мимо вашего дома и видели дырку в двери. Жена тянула меня идти дальше, но я посветил фонариком, тут воры, наверно, убежали. На всякий случай я не стал звонить в полицию, именно из-за вас мне не захотелось. Хотя я ничего не знаю, но кое о чем догадываюсь.

Ян сказал «спасибо» и пошел своей дорогой. Ван Хувен, скорее

всего, догадывается, что в доме прячутся, потому-то он всегда приносит картошку после полвторого. Симпатичный человек!

Когда Ян ушел и мы помыли посуду, был час дня. Мы все легли спать. Я проснулась без четверти три и увидела, что менеера Дюссела уже нет. В ванной я, вся встрепанная со сна, случайно наткнулась на Петера, который только что спустился из своей комнаты. Мы договорились встретиться внизу. Я привела себя в порядок и спустилась вниз.

— Ты не боишься подняться в мансарду? — спросил он. Я сказала, что не боюсь, взяла в охалку свою подушку и тряпку, и мы пошли в мансарду. Погода была великолепная, и, конечно, вскоре заревели сирены, но мы никуда не ушли. Петер обнял меня за плечи, я обняла за плечи его, и так в обнимку мы спокойно сидели, пока в четыре часа не пришла Марго и не позвала нас пить кофе.

Мы съели свой хлеб, выпили лимонаду и уже начали шутить, а раз мы уже могли шутить, значит, жизнь продолжалась. Все пошло своим чередом. Вечером я поблагодарила Петера за то, что он оказался самым храбрым из всех.

Никто из нас прежде не сталкивался с такой опасностью, как той ночью. Сам Господь хранил нас, ведь ты только подумай: полиция прямо-таки уперлась в нашу потайную дверь, перед ней горел свет, а нас так и не нащли! В ту минуту я тихонько сказала: «Теперь мы погибли», а мы между тем спасены. Когда начнется высадка союзников и бомбежка, каждый будет в ответе только за себя, но этой ночью нас мучил страх за наших покровителей — невинных и добрых христиан.

«Мы спасены; Господи, храни нас и дальше!» — что нам еще остается сказать?

Этот случай повлек за собой некоторые перемены. С тех пор Дюссел вечерами сидит не в конторѣ, а в ванной комнате, Петер в полдевятого и в полдесятого делает обход всего дома. Окно у Петера больше открывать нельзя, и так уже человек из фирмы «Кех» видел его открытым. После половины десятого вечера нельзя спускать воду в уборной. Менеера Слеехерса наняли к нам ночным сторожем. Сегодня вечером придет нелегальный плотник и смастерит из наших белых франкфуртских кроватей заграждения, чтобы забаррикадировать двери. В Убежище постоянные споры. Кюглер упрекнул нас в неосторожности, Ян тоже говорит, что нам нельзя спускаться вниз никогда. Теперь надо выяснить: надежен ли Слеехерс, не залают ли его собаки, если почуют людей за дверьми, как баррикадировать двери и много чего еще. Нам со страшной силой напомнили, что мы —

узники-евреи, прикованные к одному-единственному месту, без прав, с тысячей обязанностей. Мы, евреи, не смеем поддаваться чувствам, должны быть мужественными и стойкими, должны брать на себя все неудобства и не роптать, должны делать все, что можем, и полагаться на Господа. Кончится же когда-нибудь эта ужасная война, станем же мы когда-нибудь опять людьми, а не только евреями!

Кто возложил на нас эту ношу? Кто сделал нас, евреев, исключением среди всех народов? Кто всегда заставлял нас страдать? Это сделал Господь, но он же и вознесет нас. И если мы терпим все эти напасти, то, если только все евреи не будут уничтожены, когда-нибудь из проклятых и отверженных они превратятся в образец для подражания. Кто знает, быть может, когда-нибудь именно наша вера научит добру все человечество, все народы, и ради этого, ради этого одного стоит пострадать. Мы не можем быть только голландцами, или только англичанами, или людьми какой-нибудь другой нации, наряду с этим мы остаемся евреями, — должны, но и хотим оставаться евреями.

Будем мужественны! Осознаем нашу миссию и не будем роптать, спасение придет, Господь никогда еще не бросал наш народ на произвол судьбы; веками жили евреи, несмотря на все преследования, но за все эти века они и стали сильными. Слабые падут, а сильные останутся и не погибнут никогда!

Этой ночью я была уверена, что умру, я ждала прихода полиции, я была готова к смерти, готова, как солдаты на поле брани. Я была рада пожертвовать собой за отечество, ну а раз уж я спасена, я решила сразу же после войны принять нидерландское гражданство.

Я люблю голландцев, люблю нашу страну, люблю ее язык и хочу здесь работать. И если для этого мне придется написать самой королеве, я все равно не отступлюсь, пока не добьюсь своей цели.

Я становлюсь все более независимой от родителей; хотя я еще совсем юная, я меньше боюсь жизни, чем мама, я точнее, чем она, различаю, что правильно и что неправильно, у меня более целостное и острое чувство справедливости. Я знаю, чего хочу, у меня есть цель, есть свои взгляды, есть вера и любовь. Дайте мне быть самой собой, больше мне ничего не надо. Я знаю, что я женщина, женщина, наделенная силой духа и большим мужеством! Если Господь даст мне остаться в живых, я достигну большего, чем мама, я не останусь незначительной, я выйду в мир и буду работать на пользу людям!

И теперь я знаю, что человеку нужнее всего мужество и радость.

Твоя Анна М. Франк

Дорогая Китти!

Настроение у нас здесь все еще очень напряженное. Пим близок к точке кипения, мефрау слегла с простудой и брюзжит, менеер, оставшийся без курева, увял, Дюссел, пожертвовавший многими своими удобствами, всем недоволен, и т. д. и т. п. Мы попали в полосу невезения. Уборная течет, а кран сорван. Но с нашими знакомствами и связями то и другое вскоре удастся починить.

Как ты знаешь, я иногда впадаю в излишнюю чувствительность, но... ведь здесь излишняя чувствительность вполне уместна. Когда мы с Петером сидим где-нибудь среди рухляди и пыли на жестком деревянном ящике, прижавшись друг к другу, обнявшись за плечи, и он держит в руке мою кудряшку, когда птички так переливчато свистят и чирикают за окном, когда я вижу, как распускаются листочки на деревьях, когда солнышко манит выйти погулять, когда небо такое голубое, о, тогда — тогда мне так многого хочется!

Здесь у нас только и видишь что брюзгливые и недовольные лица, только и слышишь что подавленные вздохи, как будто нам здесь вдруг стало ужасно плохо. Но ведь все бывает плохо не само по себе, а потому, что мы так считаем. Здесь, в Убежище, никто не подаст хорошего примера, каждый должен в одиночку положить на обе лопатки свои настроения!

Со всех сторон только и слышишь, мол, ах, когда же все это кончится!

Мои труды, моя надежда, моя любовь, мои мечты.
Вы мне даете силу выжить и не утратить доброты.

Нет, знаешь, Кит, я сегодня немножко придурковата, сама не знаю почему. Валпо все в одну кучу, без всякой связи, и мне не очень верится, что кому-нибудь потом будет интересна моя писанина. А называют эти глупости «Сердечные излияния гадкого утенка». Нет, господам Болкестейну и Гербранди* будет мало проку от *моего* дневника!

Твоя Анна М. Франк

* Члены нидерландского правительства в изгнании в Лондоне.

Милая Китти!

«Только пришли в себя, и тут же — новый испуг! Когда же это кончится?» Такими словами можно выразить наше общее настроение. Ты только подумай, какая у нас опять случилась беда: Петер забыл отодвинуть засов на входной двери. В результате Кюглер с рабочими склада не могли попасть в дом, пришлось пойти в «Кех» и оттуда взломать окно на кухне. Наши окна были открыты, из «Кеха» было видно и это. Что могли подумать служащие этой фирмы? А Ван Маарен? Кюглер в ярости. И так его упрекают, что он не укрепляет дверей, а мы позволяем себе такую глупую неосторожность! Петер в смятении. За столом моя мама сказала, что ей больше всего жалко Петера, так он, представляешь, чуть не расплакался. Вообще-то виноваты мы все, потому что почти каждый день кто-нибудь из нашей семьи и менеер Ван Даан спрашиваем, отодвинул ли Петер засов. Возможно, в ближайшие минуты я смогу его немного утешить. Мне так хочется ему помочь!

Вот еще несколько интимных признаний из жизни Убежища.

Ровно неделю назад, в прошлую субботу, Моффи вдруг стало плохо, он лежал пластом и пускал слюни. Мип не долго думая схватила его, завернула в платок, сунула в хозяйственную сумку и отнесла в клинику для собак и кошек. Там сказали, что у него что-то с кишечником, и дали микстуру. Петер несколько раз давал ему лекарство, но вскоре Моффи исчез с наших глаз, он гулял днем и ночью, наверняка был у своей возлюбленной. Ну а теперь у него ужасно распух нос, и стоит взять его на руки, как он начинает пищать. Небось хотел где-то что-то слязнить и получил по носу. У Муши несколько дней ломался голос, мы уже собирались и его отправить к врачу, но тут он быстро пошел на поправку.

Наше окно на мансарде теперь на ночь немного приоткрывают. Мы с Петером часто сидим по вечерам наверху.

Вскорости течь в уборной будет устранена с помощью резинового клея и масляной краски. Кран, который был сорван, уже заменили новым.

Менеер Клейман, к счастью, чувствует себя лучше. Он должен пойти показаться специалисту. Будем надеяться, что операция ему не понадобится.

В этом месяце нам досталось восемь продовольственных карточек. К несчастью, на первые две недели вместо геркулеса или гречки-продела дали только бобы. Лакомство, которым мы увлекаемся в последнее время, — пикули. Но если не повезет, в баночке окажутся одни огурцы и совсем немного горчичного соуса. А свежих

овошей нет. Только вечный салат. Наши трапезы состоят из картошки с имитацией подливки.

Русские уже заняли больше половины Крыма. Под Кассино англичане не продвигаются. Будем надеяться, что хоть раздолбают «лнию Зигфрида». Бомбежки бывают часто и невообразимо тяжелые. В Гааге разбомбили Объединенное Нидерландское управление загса. На все население заводятся новые учетные карточки.

На сегодня хватит.

Твоя Анна М. Франк

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Запомни вчерашний день, это очень важный день в моей жизни. Ведь правда, для каждой девочки важное событие — первый поцелуй? Ну вот и для меня оно наступило. Тот раз, когда Брам поцеловал меня в щеку, не в счет, тот, когда Ваудстра поцеловал мне правую руку, тоже. Как внезапно пришел в мою жизнь этот первый поцелуй, я тебе сейчас расскажу.

Вчера вечером в восемь часов я сидела вместе с Петером у него на диване, он вскоре обнял меня (поскольку была суббота, он не был одет в комбинезон).

— Давай немножко подвинемся, — сказала я, — тогда я не буду ударяться головой о шкафчик.

Он отодвинулся чуть ли не в самый угол, я продела свою руку под его спину и обняла его и оказалась как бы под ним, потому что его рука обхватывала мои плечи. Мы уже не раз сидели в такой позе, но все же не так близко друг к другу, как вчера. Он крепко прижал меня к себе, моя левая грудь прижималась к его груди, мое сердце колотилось все сильнее, но это было еще не все. Петер не успокоился, пока я не положила голову ему на плечо, а он поверх моей головы — свою. Минут через пять я попыталась выпрямиться, но он вскоре взял мою голову обеими руками и снова притянул к себе. Это было так прекрасно, я не могла говорить, слишком велико было блаженство; он немного неуклюже гладил меня по щеке и по руке, трепал мои кудряшки, и почти все время наши головы тесно соприкасались.

Китти, я не могу описать тебе чувство, которое меня тогда захлестнуло, я была безмерно счастлива, и он, как мне кажется, тоже.

В полдевятого мы встали. Петер надевал спортивные тапочки, чтобы, обходя дом, ступать бесшумно, а я стояла рядом. Сама не

знаю, как я вдруг сообразила сделать нужное движение, но, прежде чем нам спуститься вниз, он поцеловал меня: сквозь волосы, наполовину в левую щеку, наполовину в ухо. Я побежала вниз, не оглядываясь, и теперь с нетерпением жду, что произойдет сегодня.

Воскресенье утром, без нескольких минут одиннадцать.

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Как ты думаешь, одобряют ли мои родители, что я сижу на диване и целуюсь, я, девочка неполных пятнадцати лет, с юношей, которому семнадцать с половиной? Я-то думаю, что не одобряют, но считаю, что могу положиться на собственное ощущение. Как покойно и надежно я себя чувствую, когда мечтаю в его объятиях, как волнует меня прикосновение его щеки к моей, как прекрасно знать, что кто-то меня ждет. Но — тут действительно есть одно «но»: захочет ли Петер этим ограничиться? Да, он мне обещал, но... он ведь мальчик!

Знаю, что я, как говорится, из молодых да ранняя: мне еще нет пятнадцати, а я уже такая самостоятельная, вряд ли другие меня поймут. Я почти уверена, что Марго никогда не поцеловалась бы с молодым человеком, если бы речь не шла о помолвке и браке. А таких намерений ни у меня, ни у Петера нет. Я также уверена, что папа был первым мужчиной, который обнимал маму. Что бы сказали мои подруги, что бы сказала Жак, если бы они знали, что я обнимаюсь с Петером, что мое сердце прижато к его груди, что моя голова лежит на его плече, а его голова и лицо — на моем!

Они сказали бы: о, Анна, как тебе не стыдно; но я не вижу, чего мне стыдиться. Мы сидим здесь взаперти, отрезанные от мира, в страхе и заботах, особенно в последнее время, так почему же нам, любящим друг друга, не соединиться? Почему бы в такое-то время нам не поцеловать друг друга? Почему мы должны ждать, пока не войдем в подобающий возраст? Почему должны все время спрашивать разрешения?

Я сама позабочусь о том, чтобы со мной ничего не случилось, Петер никогда не захочет причинить мне горе или боль, почему же мне не сделать то, что мне подсказывает сердце и что дает нам обоим счастье?

Но, Китти, как ты, наверно, заметила, я нахожусь в некотором сомнении, по характеру я честная и правдивая, и мне неприятно,

что все это делается втихомолку. Не считаешь ли ты, что мой долг — рассказать обо всем папе? Не считаешь ли, что надо открыть нашу тайну третьему лицу? От этого она утратит большую долю своей прелести, но зато у меня будет спокойно на душе. Я поговорю об этом с ним.

Как много есть такого, о чем я собираюсь с ним поговорить, по-моему, мало проку, если мы только и будем, что ласкать друг друга. Для того чтобы делиться друг с другом своими мыслями, нужно большое доверие, но мы оба станем сильнее, зная, что у нас есть такое доверие!

Твоя Анна М. Франк

P.S. Вчера утром мы все в шесть часов снова были на ногах — услышали какие-то звуки, наводящие на мысль, что, возможно, воры забираются в дом. Вероятно, на этот раз жертвой стал кто-нибудь из соседей. Когда в семь часов мы проверили наши двери, они, к счастью, оказались запертыми и в полном порядке.

ВТОРНИК, 18 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Здесь все хорошо. Вчера вечером снова приходил плотник и начал привинчивать к двери железные пластины.

Папа только что сказал, мол, он с уверенностью ожидает, что до 20 мая произойдут крупные операции как в России и Италии, так и на Западе; мне чем дальше, тем труднее себе представить, что мы выберемся отсюда.

Вчера у нас с Петером состоялся наконец тот разговор, который откладывался уже по меньшей мере десять дней. Я объяснила ему все про девочек и не побоялась обговорить самые интимные вещи. Оказывается — это даже немного забавно, — он думал, что на картинах входное отверстие у женщин просто не принято изображать. То есть он не мог себе представить, что оно на самом деле находится между ног. Вечер закончился тем, что мы поцеловали друг друга куда-то поблизости от губ. Какое же это изумительное ощущение!

Возможно, когда-нибудь я захвачу с собой наверх свою «книгу прекрасных мыслей», она поможет мне наконец-то от поверхностных разговоров перейти к более глубоким, мне мало все время только обниматься, и я была бы рада, если бы и он думал так же.

После мягкой зимы снова наступила роскошная весна, апрель стоит поистине чудесный, не слишком жаркий и не слишком холод-

ный, кое-когда выпадают дожди. Наш каштан уже довольно зеленый, там и сям даже появились свечечки.

В субботу Беп побаловала нас четырьмя букетиками цветов: три букетика нарциссов и один — гиацинтов, специально для меня. Менеер Кюглер все лучше снабжает нас газетами.

Мне пора заниматься алгеброй, до свиданья, Китти.

Твоя Анна М. Франк

СРЕДА, 19 АПРЕЛЯ 1944 г.

Мое сокровище!

(Так называется фильм с участием Дорит Крейслер, Иды Вюст и Харальда Паульсена!)

Что может быть прекраснее на свете, чем из открытого окна смотреть на природу, слушать пение птичек, ощущать солнце на своей щеке и держать в объятиях милого юношу? Как спокойно и надежно я чувствую себя, когда он обнимает меня, когда мы молча прижимаемся друг к другу; тут не может быть ничего плохого, раз я так спокойна, значит, все хорошо. Только бы нам никто не мешал, даже Муши.

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 21 АПРЕЛЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Вчера я лежала в постели, у меня болело горло, но мне это еще вчера надоело, а жара у меня нет, и сегодня я встала. Тем более что горло уже «почти не болит».

Вчера, как ты, вероятно, уже знаешь и без меня, стукнуло пятьдесят пять нашему фюреру. Сегодня исполнилось восемнадцать ее королевскому высочеству наследной принцессе Елизавете Йоркской. По Би-би-си передавали, что она еще не объявлена совершеннолетней, как обычно водится в королевских домах. Мы обсудили, какому принцу достанется в жены эта красавица, но не нашли подходящего; зато, возможно, ее сестра, принцесса Маргарита-Роза, заполучит бельгийского наследного принца Бодуэна!

У нас здесь одна напасть за другой, только мы успели укрепить входные двери, как вновь напомнил о себе Ван Маарен. По всей вероятности, он украл картофельную муку и теперь хочет свалить вину на Беп. Вполне понятно, что Убежище снова в смятении. Беп

вне себя от ярости. Не исключено, что Кюглер теперь организует слежку за этим беспутным типом.

Сегодня утром у нас побывал оценщик с улицы Бетховенстраат. За наш ларь он дает 400 гульденов, все остальное тоже оценил, с нашей точки зрения, слишком низко. Я хочу обратиться в «Припц», не поместят ли они одну мою сказку, конечно, под псевдонимом. Но все написанные мною сказки слишком длинные, так что вряд ли моя затея удастся.

До следующего раза, darling*.

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 25 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Уже дней десять Дюссел снова не разговаривает с Ван Дааном, только из-за того, что после взлома мы приняли кучу новых мер предосторожности. Одна из них состоит в том, что Дюсселу нельзя больше по вечерам спускаться вниз. Каждый вечер в полдесятого Петер вместе с менеером Ван Дааном совершают последний обход, и после этого спускаться вниз запрещено. Начиная с восьми вечера в уборной нельзя спускать воду, и по утрам после восьми тоже. По утрам окна открываются только после того, как в конторе Кюглера зажигается свет, а по вечерам больше нельзя вставлять палочки под рамы. Вот из-за этого-то и надулся Дюссел. Он утверждает, что Ван Даан его оскорбил, но, даже если и так, виноват только он сам. Он говорит, что скорее может прожить без пищи, чем без свежего воздуха, и что нужно все-таки что-то придумать, чтобы можно было открывать окна.

— Я поговорю об этом с менеером Кюглером, — сказал он мне, а я ответила, что такие вопросы должен решать не менеер Кюглер, а все вместе.

— Все здесь делается за моей спиной, тогда я поговорю об этом с твоим отцом.

Теперь ему нельзя также сидеть в конторе Кюглера по субботам и воскресеньям, потому что, если шеф фирмы «Кех» надумает прийти, он может его услышать. Но Дюссел не подчинился и спустился вниз. Ван Даан пришел в ярость, а папа отправился поговорить с Дюсселом. Разумеется, Дюссел опять напел ему с три короба, но на этот раз номер не прошел даже с папой. Теперь и папа старается как можно меньше разговаривать с Дюсселом, потому что Дюссел

* Дорогая (англ.).

его обидел, ни я, ни кто другой из нас не знает как и чем, но, вероятно, обидел очень сильно.

И, как на грех, на следующей неделе у этого недотепы день рождения. Праздновать день рождения и ни с кем не разговаривать, дуться и принимать подарки — как можно это сочетать?

Состояние менеера Фоскёйла резко ухудшилось, у него уже больше десяти дней температура около сорока. Врач считает его безнадежным, предполагается, что рак добрался до легкого. Несчастный, как бы я хотела ему помочь, но тут помочь может один только Бог!

Я написала забавный рассказ, он называется «Бларри открывает мир» и пришелся весьма по вкусу трем моим слушателям.

Я до сих пор сильно простужена, заразила Марго и родителей. Только бы не подхватил заразу Петер, он требовал, чтобы я его поцеловала, и назвал меня своей Эльдорадо. Так сказать нельзя, глупый мальчик! Но все-таки он милый!

Твоя Анна М. Франк

ЧЕТВЕРГ, 27 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Сегодня мадам встала не с той ноги, ноет и ноет: ах, она простужена, ах, ей хочется конфет, ах, как надоело все время сморкаться. Потом ворчит, что солнце не сияет, что союзники все не высаживаются, что нам нельзя смотреть в окна и т. д. и т. п. Мы не выдержали и стали ужасно смеяться над ней, и, видно, все было не так уж плохо, потому что она тут же сама засмеялась вместе с нами.

Сейчас я тебе напишу рецепт приготовления нашей картофельной запеканки, видоизмененный в связи с отсутствием лука.

Взять очищенную картошку, измельчить в овощерезке, добавить государственную муку и соль. Форму для выпечки или огнеупорную посуду смазать изнутри парафином или стеарином, полученную массу запекать в течение 2,5 часов. Подавать с испорченным земляничным компотом. (Лук, а также жира ни для теста, ни для смазывания формы в наличии не имеется.)

Я сейчас читаю книгу «Император Карл V», написанную неким профессором Геттингенского университета; он работал над этой книгой сорок лет. За пять дней я прочла пятьдесят страниц, больше прочитать невозможно. В книге 598 страниц, можешь вычислить, как долго я буду ее читать, а ведь есть еще вторая часть! Но — очень интересно...

Чего только не узнает школьница за один день, взять хоть меня.

Сначала я переводила с голландского на английский отрывок о последней битве Нельсона. Потом занялась Северной войной (1700 — 1721): Петр Великий, Карл Двенадцатый, Август Сильный, Станислав Лещинский, Мазепа, фон Гёрц, Бранденбург, Западная Померания, Восточная Померания и Дания плюс хронология. Затем перенеслась в Бразилию, прочитала о табаке из Баии, о перепроизводстве кофе, о полуторамиллионном городе Рио-де-Жанейро, о Пернамбуку и Сан-Паулу, а также о реке Амазонке. О неграх, мулатах, метисах, белых, о более 50% неграмотных и о малярии. Поскольку оставалось время, я еще быстро пробежала глазами одну родословную. Ян Старый, Вильгельм Лодевейк, Эрнст Казимир I, Гендрик Казимир I, куча народу и, наконец, маленькая Маргрит Франциска (родилась в 1943 году в Оттаве).

Двенадцать часов: в мансарде учебный цикл продолжался — настоятели монастырей, пасторы, священники, папы римские... уф! И так до часу.

После двух несчастный ребенок (гм-гм) уже снова засел за работу, теперь на очереди были обезьяны узконосые и обезьяны широконосые. Китти, а ну ответь быстро: сколько пальцев на ногах у бегемота?

Далее следует Библия: Ноев ковчег, Сим, Хам и Яфет. Потом Карл Пятый. У Петера читаем «Полковника» Теккерей по-английски. Потом я спрашиваю у него французские слова, затем — сравнение Миссисипи с Миссури.

Хватит на сегодня, adieu! *

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 28 АПРЕЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Я не забываю свой сон о Петере Схиффе (см. мой дневник за начало января). Когда я вспоминаю его, я и сегодня чувствую, как его щека прикасается к моей, — изумительное ощущение, от которого все становится хорошо. С моим здешним Петером у меня тоже подчас возникало это ощущение, но никогда — с такой силой... вплоть до вчерашнего дня, когда мы, как обычно, сидели на диванчике и обнимались. И тут вдруг обычная Анна исчезла, и ее место заняла другая Анна, совсем не похожая на первую — насмешливую и дерзкую, другая Анна, у которой одно желание — любить и быть кроткой и нежной.

* Пока (фр.).

Я сидела прижавшись к нему, меня захлестнуло волнение, слезы навернулись на глаза, одна упала ему на комбинезон, другая побежала вдоль носа и тоже капнула ему на комбинезон. Заметил ли он? Он не выдал этого ни одним движением. Чувствовал ли он то же, что и я? Он почти не произнес ни слова. Знал ли он, что рядом с ним две Анны? Все это вопросы без ответа.

В полдевятого я встала, подошла к окну, там мы всегда прощаемся. Я все еще дрожала, я все еще была другой Анной, он подошел ко мне, я обняла его за шею и поцеловала в щеку и только хотела поцеловать в другую, как наши губы встретились и — куда тут денешься? — прижались друг к другу. Голова у нас кружилась, мы прижимались губами еще и еще, мы хотели, чтобы это никогда не кончалось... Ах!

Петеру так нужна нежность, к тому же он впервые в жизни открыл для себя девочку, впервые увидел, что даже у самых вредных девочек есть душа и сердце, и стоит им остаться с мальчиком наедине, как они меняются. Впервые в жизни он подарил кому-то свою дружбу и самого себя, до сих пор у него никогда не было ни друга, ни подруги. Теперь мы нашли друг друга, я ведь тоже его не знала, у меня ведь тоже никогда не было близкого друга, и вот во что это вылилось...

И снова вопрос, который не оставляет меня в покое: «Хорошо ли это?» Хорошо ли, что я так быстро уступаю, что я такая пылкая, такая же пылкая и страстная, как и сам Петер? Можно ли мне, девочке, настолько давать себе волю?

А ответ один: «Я так страстно хочу этого, так долго этого ждала, я так одинока и теперь наконец нашла утешение».

Утром мы ведем себя обычно, днем тоже вполне обычно, кроме отдельных случаев, но по вечерам на поверхность вновь всплывает тяга друг к другу, накопленная за целый день, воспоминания о счастье и блаженстве прошлых встреч, и мы думаем только друг о друге. Каждый вечер, после прощального поцелуя, я хочу броситься прочь, не смотреть ему в глаза, прочь, прочь, побыть в темноте, одной!

Но что же я нахожу, когда спускаюсь на четырнадцать ступенек? Яркий свет, расспросы, смех, надо тут же чем-то заняться и вести себя так, чтобы по мне ничего не было заметно.

Мое сердце еще слишком встревожено, и я не могу сразу отойти от потрясения вроде того, что я пережила вчера вечером. Кроткая, нежная Анна является слишком редко и потому не поддается, когда я пытаюсь тут же выставить ее за дверь. Петер затронул мое сердце глубже, чем кто-либо другой в моей жизни, если не считать моего сна. Петер захватил меня, вывернул мою душу наизнанку, и разве

не каждому на моем месте был бы необходим покой, чтобы прийти в себя? Ах, Петер, что ты сделал со мной? Чего ты хочешь от меня?

К чему могут привести наши отношения? Теперь, когда все это происходит со мной, ах, как хорошо я понимаю Беп, понимаю ее сомнения; будь я постарше и захоти он жениться на мне, что бы я ему ответила? Анна, будь честной! Ты не могла бы выйти за него замуж, но и отказаться от него так трудно... Характер у Петера еще не сформировался, у него слабая воля, слишком мало мужества и силы. Он еще ребенок, душой он не старше меня; он ищет лишь покоя и счастья. Неужели мне и правда только четырнадцать? Неужели я и правда всего лишь глупая школьница? Неужели у меня и правда нет никакого опыта? Но у меня больше опыта, чем у других, мне пришлось пережить такое, чего никто в моем возрасте не испытывал.

Я боюсь самой себя, я боюсь, что в своей страсти слишком скоро отдам себя, тогда уже потом с другими мальчиками не может быть ничего хорошего. Ах, как трудно, снова и снова сердце спорит с рассудком, то время говорить сердцу, то время говорить рассудку, но могу ли я быть уверена, что правильно выбрала время?

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 2 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

В субботу вечером я спросила у Петера, считает ли он, что я должна рассказать папе про нас, он помялся, но потом сказал, что да. Я обрадовалась, это говорит о том, что чувство у него чистое. Спустившись вниз, я тут же пошла вместе с папой за водой и еще на лестнице сказала:

— Папа, ты ведь наверняка понимаешь, что, когда мы сидим с Петером, мы не отодвигаемся друг от друга на целый метр, ну и как, по-твоему, это плохо?

Папа ответил не сразу.

— Нет, Анна, я не считаю, что это плохо, но здесь, где мы живем, так скученно, ты должна быть осторожна.

Он добавил еще что-то в этом духе, и мы пошли наверх. Утром в воскресенье он позвал меня к себе и сказал:

— Анна, я еще раз подумал (мне стало страшно!), здесь это, в общем-то, не очень хорошо, до сих пор я полагал, что вы просто хорошие друзья. Петер в тебя влюблен?

— Ну что ты, — ответила я.

— Дочка, ты ведь знаешь, я вас очень хорошо понимаю, но будь более сдержанной, не ходи наверх слишком часто, не особенно поощряй его. В таких делах активной стороной всегда бывает мужчина, а женщина его сдерживает. На свободе все было бы совсем иначе, ты общалась бы с другими девочками и мальчиками, могла бы куда-нибудь уйти, заниматься спортом и мало ли чем еще, но здесь, где вы слишком много бываете вместе и ты не сможешь уйти, если захочешь, вы видите постоянно, можно сказать, ежечасно... Будь осторожна, Анна, и не относись к этому слишком уж серьезно.

— Я и не отношусь, но Петер порядочный, он милый мальчик!

— Да, но он слабохарактерный, он легко поддается любым влияниям, как хорошим, так и дурным. Надеюсь, что хорошее вообладает, ведь от природы-то он хороший.

Мы еще немного побеседовали и пришли к тому, что папа поговорит с Петером тоже.

В воскресенье днем на мансарде Петер спросил:

— Ну как, Анна, ты поговорила с отцом?

— Да, — ответила я, — сейчас я тебе расскажу. Папа не видит в этом дурного, но он считает, что здесь, где мы все сидим друг у друга на головах, легко могут возникнуть столкновения.

— Мы же обещали друг другу, что не будем ссориться, я собираюсь выполнить обещание.

— Я тоже, Петер, но папа не думал, что у нас «такие» отношения, он считал нас просто добрыми друзьями. Как ты думаешь, теперь это уже невозможно?

— Для меня возможно, а для тебя?

— Для меня тоже. Папе я тоже сказала, что я тебе доверяю. Я доверяю тебе, Петер, на все сто процентов, так же, как ему, и я считаю, что ты этого заслуживаешь, ведь так?

— Надеюсь. (Он очень смутился и немного покраснел.)

— Я верю в тебя, Петер, — продолжала я. — Я верю в твой хороший характер и в то, что ты кое-чего достигнешь в жизни.

Мы заговорили о чем-то другом, а потом я сказала:

— Я знаю, что, когда мы выйдем отсюда, ты меня забудешь.

Он вспыхнул.

— Это неправда, Анна, нет-нет, ты не должна так думать обо мне.

И тут нас позвали.

Папа поговорил с ним, Петер рассказал мне об этом в понедельник.

— Твой папа сказал, мол, эти ваши дружеские отношения когда-нибудь могут перейти во влюбленность. Но я ответил, что мы будем помогать друг другу не переходить границ.

Теперь папа хочет, чтобы я реже ходила наверх по вечерам, но я с этим не согласна, не только потому, что мне приятно быть с Петером, а еще потому, что я сказала ему о своем доверии. Я действительно ему доверяю и хочу это доказать, а если я из недоверия не буду к нему ходить, я никогда не смогу доказать свое доверие.

Нет, я пойду!

А тем временем «Дюсселова драма» благополучно разрешилась. В субботу вечером за столом он в изящных оборотах нидерландского языка принес свои извинения. Ван Даан тут же их принял. Дюссел, наверно, целый день учил свое выступление наизусть.

Воскресенье, день рождения Дюссела, прошло спокойно. Мы подарили ему бутылку хорошего вина урожая 1919 года, Ван Дааны (которые теперь уже могли сделать ему подарок) — банку пикулей и пачку лезвий для бритвы, Кюглер кувшин лимонада, Мип — книгу, Бел — растение в горшке. Дюссел угостил каждого яйцом.

Твоя Анна М. Франк

СРЕДА, 3 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Сначала новости недели. Политика взяла отпуск, ничего, ну решительно ничего не происходит, не о чем и рассказывать. Я мало-помалу тоже поверила в высадку союзников, не могут же они требовать, чтобы русские справлялись в одиночку. Впрочем, сейчас и русские ничего не предпринимают.

Менеер Клейман снова каждое утро приходит в контору. Он принес новую пружину для Петерова дивана, так что Петеру теперь нужно перебирать диван, а ему, естественно, совсем неохота. Клейман принес также кошачий порошок от блох.

Рассказывала ли я тебе, что нашего Моффи больше нет? Он бесследно исчез в прошлый четверг. Наверняка уже в кошачьем раю, какой-нибудь друг животных приготовил из него лакомое блюдо. Возможно, некой девушке, у которой есть деньги, достанется шапка из его шкурки. Петер очень горюет по этому поводу.

Уже две недели по субботам мы едим ленч в полдвенадцатого; до этого времени приходится терпеть, съев утром лишь чашечку каши. А теперь у нас будет такой порядок каждый день, начиная с завтрашнего, таким образом нам удастся сократить одну трапезу. Овощи по-прежнему очень трудно достать, сегодня к обеду был гнилой кочанный салат. Обычный салат, шпинат или кочанный салат,

и так день за днем. И к тому же гнилая картошка, сочетание — пальчики облизнешь!

У меня уже больше двух месяцев не было месячных, наконец в воскресенье они пришли. Хотя вещь это неприятная и хлопотная, я очень рада, что они не заставили себя ждать дольше.

Как ты, вероятно, догадываешься, здесь у нас часто кто-нибудь в отчаянии вопрошает: «Зачем, ну зачем нужна война, почему люди не могут жить в мире, кому нужно это опустошение?»

Естественный вопрос, но убедительного ответа до сих пор никто не нашел. Ну зачем в Англии строят все более гигантские самолеты, изготавливают все более тяжелые бомбы и, наоборот, хлипкие дешевые дома для послевоенного восстановления? Почему ежедневно на войну тратятся миллионы, а на медицину, на помощь художникам и артистам, на помощь бедным не находится ни гроша? Почему в одних странах люди голодают, а в других гниют лишние продукты? Ну почему люди ведут себя так безрассудно?

Я не думаю, что войны развязывают только сильные мира сего — правители и капиталисты. О нет, маленький человек участвует в этом с немалым удовольствием, иначе народы давно уже восстали бы против войны. Ничего не поделаешь, человеку присуща тяга к разрушению, тяга к убийству, ему хочется буйствовать и сеять смерть, и пока все человечество без исключения коренным образом не изменится, буду свирепствовать эти войны, и снова и снова будет сметаться с лица земли и уничтожаться все, что построено и выращено или выросло само, чтобы потом опять все началось сначала.

Я часто бываю в унынии, но никогда — в отчаянии, на то, что мы прячемся, я смотрю как на опасное приключение, романтическое и интересное. Наше лишения я рассматриваю как развлечение. Ведь я намереваюсь жить не так, как другие девочки, а в будущем не так, как обычные домашние хозяйки. Наше заточение в Убежище — хорошее начало интересной жизни, и поэтому, только поэтому я должна в самые опасные минуты смеяться над комичной ситуацией.

Я молода, и многие мои качества еще не раскрылись, я молодая и сильная и переживаю великое приключение, я нахожусь в самом его центре, и не мне целыми днями ныть, что, ах, мол, я лишена удовольствий! От природы мне многое дано: у меня счастливый характер, я жизнерадостная и сильная. Я чувствую, как с каждым днем созревает моя душа, как близится освобождение, как прекрасна природа, какие хорошие люди меня окружают, как интересно, как забавно это приключение. Отчего же мне приходить в отчаяние?

Твоя Анна М. Франк

Дорогая Китти!

Папа мною недоволен, он думал, что после нашего разговора в воскресенье я по собственному почину перестану каждый вечер ходить наверх. Он сказал, чтобы я больше не смела ходить «обжиматься». Это слово больно резануло меня, и так уж весь разговор был мне неприятен, зачем же ему понадобилось делать его еще неприятнее? Сегодня я с ним поговорю. Марго дала мне добрые советы, вот примерно что я напишу:

«Папа, мне кажется, ты ждешь от меня объяснения, и вот я тебе его даю. Ты разочаровался во мне, ты ожидал от меня больше сдержанности, наверно, ты хочешь видеть меня такой, какой подобает быть четырнадцатилетней девочке, но в этом ты ошибся!

С тех пор как мы очутились здесь, с июля 1942 года и вплоть до последних недель, мне приходилось очень нелегко. Если бы ты знал, сколько вечеров я проплакала, в каком я была отчаянии, какой несчастной и одинокой я себя чувствовала, тебе, наверно, было бы понятно, почему меня так тянет пойти наверх. Не день и не два шла во мне внутренняя работа, которая привела в конце концов к тому, что я могу жить совсем без матери и вообще без чьей бы то ни было поддержки; та самостоятельность, к которой я пришла теперь, стоила мне очень много борьбы и слез. Можешь смеяться, можешь не верить, мне это безразлично, но я знаю, что я отдельный человек, что я сама по себе, и не чувствую ни на грош ответственности перед родителями. Я рассказала тебе про нас с Петером, чтобы ты не считал, что я делаю все это исподтишка, но за свои поступки я отвечаю только перед самой собой.

Когда мне было трудно, вы — ты тоже — закрывали глаза и затыкали уши, ты мне не помог, наоборот, меня только одергивали, чтобы я не шумела. Я шумела лишь для того, чтобы не чувствовать себя беспрестанно несчастной, я дерзила, чтобы хоть на время заглушить внутренний голос. Полтора года, ежедневно и ежечасно, я разыгрывала спектакль, не жаловалась, никогда не выходила из роли, нет, ничего такого не было и в помине, ну а теперь моя борьба закончена. Я победила. Я самостоятельна телом и душой, мне больше не нужна мама, во всей этой борьбе я обрела силу.

И теперь, когда я выплыла, когда я знаю, что одержала победу, я и дальше пойду своим путем одна, пойду тем путем, который сама выбрала. Не считай меня четырнадцатилетней, мои невзгоды сделали меня старше; я не раскаюсь в своих поступках, я буду делать то, что сама считаю правильным.

Ты не можешь добром добиться, чтобы я не ходила наверх, или ты мне категорически запрещаешь все, или ты мне полностью доверяешь, и если так, оставь меня в покое!»

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 6 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вчера перед едой я сунула свое письмо папе в карман; как мне потом сказала Марго, он, прочитав его, весь вечер был сам не свой (я-то наверху мыла посуду). Бедный Пим, я могла бы предвидеть, каково будет действие моего послания. Он ведь такой уязвимый! Петеру я сразу сказала, чтобы он меня больше ни о чем не спрашивал и ничего не говорил. Пим пока ничего не сказал мне о письме, может быть, все еще впереди?

У нас жизнь идет помаленьку. Ян, Кюглер и Клейман рассказывают совершенно невероятные вещи о ценах и людях: 250 граммов чая стоят 350 гульденов, 250 граммов кофе 80 гульденов, масло — 35 гульденов фунт, одно яйцо — 1,45 гульдена. Болгарский табак продают по 14 гульденов за унцию! Все торгуют из-под полы, каждый мальчишка-рассыльный предлагает какой-нибудь товар. Рассыльный нашего булочника принес нам штопальные нитки, 90 центов крошечный моток, молочник достает «левые» продовольственные карточки, в похоронном бюро торгуют сыром. Грабежи, убийства и кражи происходят ежедневно, полицейские и ночные сторожа занимаются этим так же, как и настоящие воры, каждый хочет набить чем-нибудь живот, а поскольку зарплата заморожена, людям приходится заниматься мошенничеством. Полиция по делам несовершеннолетних непрерывно занята розыском, каждый день пропадают девочки пятнадцати, шестнадцати, семнадцати лет и старше.

Я хочу попытаться закончить рассказ про волшебницу Эллен. Я шутки ради могу подарить его папе на день рождения, шутки ради укажу авторское право и тому подобное. До свиданья (вообще-то это неправильно, в передаче из Англии на немецком языке всегда говорят «Auf Wiederhören» *, а я должна бы написать «До следующего письма»).

Твоя Анна М. Франк

* Букв.: «До следующего слушания» (нем.).

Милая Китти!

Вчера у нас с папой был долгий разговор, я ревела в три ручья, и он тоже плакал. Знаешь, что он мне сказал:

— Много писем получал я в жизни, но это было самое подлое. И это ты, Анна, ты, окруженная родительской любовью, ты, чьи родители всегда делают для тебя все, всегда и при всех обстоятельствах защищают тебя, ты говоришь о том, что не чувствуешь перед ними никакой ответственности! Ты чувствуешь себя обделенной и заброшенной. Нет, Анна, это ты обидела нас, это ты к нам очень несправедлива. Возможно, ты этого не хотела, но написала-то именно так. Нет, Анна, такого упрека мы не заслужили!

Что же я наделала, такого дурного поступка я еще сроду не совершала. Я написала свое письмо лишь для того, чтобы покрасоваться своими слезами и рыданиями, выставить себя в лучшем свете, чтобы он меня «зауважал». Конечно, мне и в самом деле было очень плохо и насчет мамы я написала сухую правду, но обвинять доброго Пима, который все для меня делал и сейчас все для меня делает, — нет, это хуже чем низость.

Ну и поделом мне, хорошо, что меня хоть раз сбросили с моей недосигаемой высоты, что моя гордыня хоть раз получила щелчок, я, конечно, чересчур зарвалась. Оказалось, что юффрау Анна Франк далеко не всегда поступает идеально! Причинить такое горе другому, да еще умышленно, да еще человеку, которого, по твоим словам, ты любишь, — это подлый, очень подлый поступок.

И особенно стыдно мне потому, что папа мне все простил, он сказал, что бросит письмо в печку, он ласков со мной и ведет себя так, как будто это он виноват. Да, Анна, тебе нужно еще очень многому научиться, давай-ка принимайся за дело вместо того, чтобы смотреть на других людей свысока и обвинять их.

У меня было много огорчений, но у кого же в моем возрасте их нет? Я часто разыгрывала спектакль, но я ведь даже не осознавала этого, я чувствовала себя одинокой, но почти никогда не отчаивалась. Я никогда не доходила до того, чтобы, как папа, бродить по улицам с ножом, желая покончить счеты с жизнью.

Мне должно быть очень стыдно, мне и вправду очень стыдно; сделанного не воротишь, но это мне урок на будущее. Я начну все сначала, и мне будет легче теперь, когда у меня есть Петер. Имея такую опору, я смогу! Я больше не одинока, он меня любит, я люблю его, у меня есть мои книги, тетради, где я пишу свои рассказы, и мой дневник, я не самая ужасная уродина, не такая уж

большая дура, жизнерадостна от природы и хочу, чтобы у меня еще и выработался хороший характер.

Да, Анна, ты ведь и сама прекрасно понимала, что твое письмо слишком сурово и что ты пишешь неправду, но как ты гордилась этим письмом! Впредь я буду брать пример с папы и обязательно исправлюсь.

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 8 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Рассказывала ли я тебе уже когда-нибудь о нашей семье? Насколько я помню, нет, и потому сделаю это сейчас. Мой папа родился во Франкфурте-на-Майне в сказочно богатой семье. Михаэль Франк был банкиром и нажил миллионы, Алиса Штерн была дочерью очень почтенных и состоятельных родителей. В молодости Михаэль Франк был совсем не богат, но сумел пробиться в жизни. Мой папа в молодости жил так, как и все сыновья богачей: каждую неделю вечеринки, балы, празднества, красивые девушки, вальсы, званые обеды, много комнат и т. п. После дедушкиной смерти деньги пропали, а после мировой войны и инфляции от них вообще ничего не осталось. Но до войны семья была еще достаточно богатой. Так что папа получил блестящее воспитание и вчера ужасно смеялся, когда в 55 лет впервые в жизни за столом выскреб сковородку.

Мама была не такая богатая, но тоже вполне состоятельная, так что мы здесь то и дело с открытым ртом выслушиваем рассказы про свадьбы и помолвки, на которые приглашалось по 250 человек, про балы и званые обеды.

Сейчас нас уж никак не назовешь богатыми, но я надеюсь, что после войны все изменится, поверь, я вовсе не настроена вести скучное мещанское существование, что, кажется, вполне устраивает маму и Марго. Я хотела бы пожить год в Париже и год в Лондоне, совершенствоваться в языках и изучать историю искусств. А вот Марго, в отличие от меня, хочет быть медсестрой и ухаживать за роженицами в Палестине. Мне все еще очень хочется красивых платьев и интересных знакомств, я хочу что-то повидать и испытать в жизни, об этом я тебе уже рассказывала, и немножко денег при этом тоже не помешает!

Сегодня Мип рассказывала о помолвке своей племянницы, где она была в субботу. У племянницы богатые родители, а у ее жениха еще богаче. У нас слюнки потекли от рассказа Мип о том, чем их уго-

щали: овощной суп с мясными фрикадельками, сыр, пирожки с мясом, холодные закуски из яиц и ростбифа, пирожки с сыром, ромовый бисквит, вино и сигареты, и всего этого сколько душе угодно.

Мип выпила десять рюмок и выкурила три сигареты; нечего сказать, хороша наша поборница трезвости! Если уж Мип так много выпила, могу себе представить, сколько заглотал ее супруг. На этом празднике все, конечно, были навеселе. Среди гостей были двое полицейских из комиссии по расследованию убийств, они фотографировали помолвленных; Мип ни на минуту не забывает нас, своих подопечных, это видно из того, что она запомнила фамилии и адреса этих полицейских на случай, если что-нибудь произойдет и потребуется помощь добрых нидерландцев. У нас текли слюнки, ведь мы съели на завтрак всего по две ложки каши и клацали зубами от голода, ведь мы изо дня в день только и питаемся что недоваренным шпинатом (ради витаминов) и гнилой картошкой, ведь нам нечем насытить наши пустые желудки, кроме салата, кочанного салата, шпината, шпината и еще раз шпината. Может быть, от него когда-нибудь мы станем сильными, как Матрос Пучеглаз*, но пока этим и не пахнет!

Если бы Мип взяла нас с собой на эту помолвку, другим гостям не досталось бы ни одного печеньеца. Будь мы на этом празднике, мы расхватали бы все, даже мебель не оставили бы на своих местах. Представляешь, мы впивали в себя каждое слово Мип, мы так обступили ее, как будто никогда в жизни не слышали о вкусной еде и шикарных людях! И это внушки прославленного миллионера! Странные все же вещи порой происходят в мире!

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 9 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Рассказ про волшебницу Эллен закончен. Я переписала его на хорошей почтовой бумаге, разукрасила красными чернилами и сшила листочки. Все вместе выглядит очень приятно, но не знаю, не маловато ли все же для подарка. Марго и мама написали каждая по стихотворению в честь юбилея.

Менеер Кюглер пришел сегодня с сообщением, что начиная с понедельника мейфрау Брокс не будет уходить на обеденный перерыв, а будет два часа пить кофе здесь. Представляешь? Никому нельзя

* Персонаж диснеевских мультфильмов.

будет подниматься наверх, Ван Хувен не сможет в это время приносить картошку, Беп не сможет ходить к нам есть, нам нельзя будет пользоваться уборной, и вообще мы должны будем сидеть тихо как мыши, ну и мало ли еще какие неприятности! Мы стали изощряться в остроумии, выдвигая предложения, как бы от нее отделаться. Ван Даан сказал, что самое верное средство — подсыпать слабительное ей в кофе.

— Ой нет, — ответил Клейман, — пожалуйста, не надо, тогда она вообще не будет вылезать из сортира.

Громовой хохот.

— Из сортира? — спросила мэфрау. — А что это значит?

Ей объяснили.

— И я всегда могу употреблять это слово? — осведомилась она простоудушно.

— Представляешь, — хихикнула Беп, — вдруг ты спросишь в магазине «Бейенкорф», где у них сортир, а тебя даже не поймут!

Теперь Дюссел точно в полпервого занимает сортир, если уж пользоваться этим словом. Сегодня я набралась храбрости, взяла лист розовой бумаги и написала:

Распорядок пользования уборной для господина Дюссела:

утро — 7.15 — 7.30

день — после 13 часов

далее по потребности.

Листок я прикрепила к зеленой двери уборной. Надо было бы еще добавить: за нарушение указанных правил — заточение.

Потому что наша уборная запирается как изнутри, так и снаружи.

Последний анекдот Ван Даана:

«Один 13-летний мальчик в связи с уроком священной истории и рассказом про Адама и Еву спросил отца:

— Скажи, папа, как я родился?

— А вот как, — ответил папа, — тебя принес аист из моря во время прилива, положил к маме в постель и сильно хлопнул ее в ногу. От этого у нее пошла кровь, и ей пришлось больше недели пролежать в кровати.

Чтобы уточнить, мальчик обратился еще и к матери.

— Скажи, мама, — спросил он, — как, собственно говоря, ты родилась и как родился я?

Мать дословно повторила рассказ отца, а мальчик, чтоб уж добраться до самой сути, пошел еще к дедушке.

— Скажи, дедушка, — спросил он, — как ты родился и как родилась твоя дочь?

И в третий раз услышал тот же ответ.

Вечером он записал в свой дневник: «Я навел очень точные справки и убедился, что в нашей семье уже в течение трех поколений не имеет места половая жизнь».

Уже три часа, мне пора заниматься.

Твоя Анна М. Франк

P.S. Про нашу новую уборщицу я тебе уже рассказывала, хочу только добавить, что эта дама замужем, ей 60 лет и она тут на ухо. Очень мило, учитывая, что до нее могут донестись какие-нибудь звуки, издаваемые восьмеркой нелегалов.

Ах, Кит, какая чудесная стоит погода, если бы только я могла выйти!

СРЕДА, 10 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Сидим мы вчера днем в мансарде и занимаемся французским, вдруг слышу: у меня за спиной журчит вода, я спрашиваю у Петера, что бы это значило, но он не успевает мне ответить, он стремглав мчится на чердак, на место катастрофы, грубо хватает Муши, который, как оказалось, не стал делать по-маленькому в отведенном для этого месте, сочтя торфяную крошку слишком мокрой, а пристроился рядом, — и водворяет преступника в кошачий ящик. Поднимается шумная возня. Муши, который тем временем уже облегчился, несется вниз. Чтобы все же справить нужду с минимальным комфортом, Муши уселся на кучку стружек, прикрывавшую щель в ноздреватом полу чердака. Моча тут же протекла с чердака сквозь потолок мансарды и, к несчастью, попала частично как раз в бочку с картошкой, частично на пол рядом. Потолок в мансарде протек очень сильно, и, поскольку в полу там было тоже немало дырочек, много желтых капель просочилось сквозь потолок комнаты прямо на стол, между стопкой чулок и книгами.

Я корчилась от смеха, очень уж комичное было зрелище; Муши, съезжившийся в комок под стулом, Петер с ведром воды, хлоркой и половой тряпкой и Ван Даан, который всех успокаивает. Вскоре последствия несчастья были ликвидированы, но, как известно, кошачьи писи очень сильно воняют. Это с отчетливостью под-

твердила вчерашняя картошка, а также стружки, которые папа отнес вниз в ведре и сжег.

Бедный Муши! Откуда тебе знать, что теперь не достанешь торфяной крошки?

Анна

ЧЕТВЕРГ, 11 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вот еще одна смешная сценка.

Петеру надо было подстричь волосы, парикмахером, как всегда, предстояло быть его мамаше. В двадцать пять минут восьмого Петер ушел к себе в комнату, ровно в полвосьмого он вновь появился, в чем мама родила, если не считать синих плавок и спортивных тапочек.

— Ну, пошли? — спросил он свою мать.

— Сейчас, вот только найду ножницы.

Петер стал помогать ей искать и при этом устроил невообразимый кавардак в ее туалетном ящичке. Она ворчала:

— Петер, не устраивай такой кавардак.

Что ответил Петер, я не разобрала, но, наверно, он ей надерзил, потому что она шлепнула его по руке, он дал сдачи, она в ответ ударила изо всей силы, и Петер, скорчив смешную рожу, отдернул руку.

— Пошли, старая!

Мефрау не трогалась с места, Петер схватил ее за запястья и так протапчил через всю комнату, она плакала, смеялась, ругалась, упиралась — все было бесполезно. Петер довел свою пленницу до лестницы на мансарду, тут уж ему пришлось ее отпустить. Мефрау вернулась в комнату и с громким вздохом повалилась на стул.

— Die Entführung der Mutter*, — пошутила я.

— Да, но он сделал мне больно.

Я подошла посмотреть и приложила к ее горячим, покрасневшим запястьям примочки с холодной водой. Петер, который еще стоял у лестницы, вернулся в комнату, зажав в руке свой брючный ремень, как укротитель. Но мефрау все не шла, она сидела у письменного стола и искала носовой платок.

— Сначала извинись.

— Ну ладно, приношу свои извинения, а то мы протянем время до самой ночи.

Мефрау против воли засмеялась, поднялась и пошла к двери.

* Похищение матери (нем.).

Здесь она сочла нужным сначала дать нам кое-какие объяснения. (Нам — это моим родителям и мне, мы мыли посуду.)

— Дома он был не такой, — сказала она. — Дома я бы ему так наподдала, что он бы с лестницы скатился (!). Он никогда не был таким дерзким, ведь я его шлепала не раз и не два. Вот вам современное воспитание, вот вам современные дети, да разве я бы позволила себе так схватить свою маму, а вы, менеер Франк, вы обходились так со своей матерью?

Она была ужасно взвинчена, ходила взад и вперед, задавала вопросы и сама отвечала на них, несла Бог знает что, а наверх все не шла. Потом наконец-то, слава Богу, убралась восвосяси.

Уже через пять минут она вернулась надутая, сбросила фартук, на мой вопрос, неужто она уже управилась, невпопад ответила, что ненадолго сходит вниз, и вихрем слетела по лестнице, вероятно, в объятия своего Путти. Поднялась она только в восемь часов, вместе с мужем, Петера привели с мансарды и беспощадно отругали, до меня долетали только отрывочные бранные слова — оболтус... хулиган... невежа... дурной пример... Анна то... Марго се... Но по всей видимости, сегодня у них уже все в порядке.

Твоя Анна М. Франк

P.S. Во вторник и в среду вечером по радио выступала наша возлюбленная Королева, она уходит в отпуск, чтобы подкрепить свои силы перед возвращением в Нидерланды. В ее речи прозвучало, мол, как только я вернусь... освобождение близко... героизм и тяжелые испытания...

После нее выступал министр Гербранди. У него оказался такой писклявый детский голосок, что мама невольно ахнула. Заключил передачу пастор, который, похоже, своровал свой голос у некоего благородного менеера, и призывал Господа не оставить евреев, узников концлагерей и тюрем и тех, кого угнали в Германию.

ЧЕТВЕРГ, 11 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Я забыла наверху свою «шкатулку со всякой всячиной», и, следовательно, в том числе авторучку, а у них «мертвый час» (до полтретьего), и их нельзя будить, так что ты уж не взъщи, пишу карандашом.

Я сейчас ужасно занята, как странно это ни покажется, у меня не хватает времени, чтобы повернуть всю эту гору работы. Рас-

сказать тебе вкратце, что я должна сделать? Ну так вот, до завтра мне надо дочитать первую часть биографии Галилео Галилея, потому что книгу нужно вернуть в библиотеку. Я начала ее читать вчера, сейчас я на странице 220, а всего в ней 320, так что я успею. На той неделе мне надо прочитать «Палестину на распутье» и вторую часть «Галилея». Дальше, вчера я закончила первую часть биографии императора Карла Пятого и много чего оттуда выписала, в том числе родословные, теперь крайне необходимо все это привести в порядок. Затем у меня скопилось три страницы иностранных слов, выписанных из разных книг, надо их прочитать вслух, переписать и выучить. Пункт четвертый в моей программе — мои кинозвезды, они свалены как попало и ждут не дождутся, чтобы их разобрали как следует; но, поскольку на это потребуются много дней, а профессор Анна, как уже было сказано, в данный момент задыхается от работы, пусть пока хаос остается хаосом. Далее ждут своей очереди Тесей, Эдип, Пелей, Орфей, Ясон и Геркулес, их многочисленные деяния перемешались у меня в голове, как пестрые нити в ткани платья, и с Мироном и Фидием тоже нужно разобраться, а то я забуду, что я про них знаю. То же самое можно сказать, например, о Семилетней и Девятилетней войнах.

Этак у меня в голове все перепутается. Ну что прикажешь делать, если у меня плохая память! Воображаю, как я буду все забывать, когда мне стукнет восемьдесят!

Да, вот еще Библия, ну когда же наконец я дойду до истории про купание Сусанны? И в чем там дело с грехом Содомы и Гоморры? Ах, как ужасно много вопросов, как многому нужно еще учиться! А Лизелотта Пфальцская? Ее я тем временем совсем забросила.

Так что видишь, Китти, в какой я запарке?

Теперь о другом. Ты уже давно знаешь, что я больше всего хочу стать когда-нибудь журналисткой, а потом знаменитой писательницей. Осуществится ли моя великая мечта (или мания величия), покажет будущее, но замыслов у меня уже сейчас накопилось достаточно. Во всяком случае, хочу издать после войны книгу под названием «Убежище». Удастся ли это — еще вопрос, но основой для нее послужит мой дневник.

«Жизнь Кэди» тоже непременно доведу до конца, продолжение рассказа я придумала такое: Кэди выздоравливает, возвращается из санатория домой и переписывается с Хансом. Это происходит в 1941 году. Вскоре она обнаруживает, что Ханс симпатизирует НСД*.

* НСД (Национал-социалистическое движение) — партия нидерландских фашистов.

Кэди же всей душой сострадает евреям и своей подруге Марианне, из-за этого они с Хансом отдаляются друг от друга. Потом они встречаются, и сначала было у них все снова налаживается, но после у Ханса появляется другая девушка, и они с Кэди порывают. Кэди совершенно убита и, чтобы найти удовлетворение хотя бы в работе, решает стать медицинской сестрой. Выучившись на медсестру, она по настоянию друзей своего отца отправляется в Швейцарию, где ей предлагают работу в туберкулезном санатории. В первый же отпуск она едет на озеро Комо и случайно встречает Ханса. Он рассказывает ей, что два года назад женился на преемнице Кэди, но его жена во время приступа депрессии покончила с собой. Только женившись на другой, он понял, как любил свою маленькую Кэди, и теперь он снова просит ее руки. Кэди отказывает, хотя она и сейчас против воли продолжает его любить так же сильно, но гордость не позволяет ей согласиться. После этого Ханс уезжает, и спустя годы до Кэди доходит слух, что он обосновался в Англии и постоянно мается со здоровьем.

Сама Кэди вышла замуж в двадцать семь лет за состоятельного деревенского жителя по имени Симон. Со временем она крепко полюбила его, но все же не так, как Ханса. У нее родились две дочери и сын, Лилиан, Юдит и Нико. Симон и Кэди были счастливы, но Ханс всегда присутствовал где-то на заднем плане в ее мыслях до тех пор, пока однажды ночью он не приснился ей и она во сне не распрощалась с ним.

Это вовсе не сентиментальная чушь, в основу рассказа положен роман моего папы.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 13 МАЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Вчера был папин день рождения и, кроме того, 19-я годовщина свадьбы моих родителей, уборщица в этот день не работала, и солнце сияло так, как еще ни разу в 1944 году. Наш каштан снизу доверху в цвету, у него пышная листва, и он гораздо красивее, чем в прошлом году.

Клейман подарил отцу биографию Линнея, Кюглер — тоже книгу о природе, Дюссел — «Амстердам на водах», Ван Дааны — огромную коробку, так красиво разукрашенную, как будто над ней потрудился лучший художник-декоратор, а внутри — три яйца, бутылка пива, бутылка йогурта и зеленый галстук. Подаренный нами горшок папки выглядел бедновато на таком фоне. Зато мои розы

чудесно пахли в отличие от красных гвоздик, подаренных Мип и Беп. В общем, ублажили его как следует. От Симонса прислали пятьдесят пирожных, вот это да! Кроме того, папа сам выставил угощение — пряник, пиво для господ, а для дам — йогурт. Все было очень вкусно!

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 16 МАЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Для разнообразия (поскольку я тебе давно ничего такого не писала) перескажу маленькую дискуссию между супругами Ван Даан, которая произошла вчера вечером.

Меффрау: Наверняка немцы за это время очень сильно укрепили Атлантический вал, они, конечно, сделают все, что в их силах, чтобы остановить англичан. Все же какие огромные силы у немцев.

Менеер: О да, невероятные!

Меффрау: Да-а!

Менеер: Эти немцы наверняка напоследок выиграют войну.

Меффрау: Очень может быть, я пока еще не убеждена в обратном.

Менеер: Все, я больше тебе не возражаю.

Меффрау: Но ты же, наоборот, всегда возражаешь, ты тут же втягиваешься в спор.

Менеер: Вот уж нет, я отвечаю по возможности кратко.

Меффрау: Но отвечаешь и всегда считаешь, что ты прав. А твои пророчества сбываются далеко не всегда.

Менеер: До сих пор они сбывались.

Меффрау: А вот и нет. По-твоему, высадка союзников произошла еще в прошлом году, Финляндия уже заключила мир, с Италией еще зимой было покончено, русские уже заняли Львов. Нет уж, твои пророчества гроша ломаного не стоят.

Менеер (вставая): Хватит, заткнись наконец-то. Когда-нибудь я тебе докажу, что я прав, когда-нибудь ты у меня схлопочешь, мне осточертело твое кудахтанье, вот погоди, получишь за свои придирки.

(Конец первого действия.)

Я чуть не расхохоталась, мама и Петер тоже с трудом сдерживали смех. Ох уж эти глупые взрослые, пусть бы сначала сами научились себя вести, а потом уже цеплялись к детям со своими вечными замечаниями. Начиная с пятницы мы опять по ночам открываем окна.

Твоя Анна М. Франк

Круг интересов семьи, проживающей в Убежище.

(Систематический обзор учебных занятий и читательских вкусов)

Менеер Ван Даан: не учится ничему; часто отыскивает что-нибудь у Кнаура; любит читать детективы, медицинские книги, увлекательные и несерьезные любовные романы.

Менеер Франк: учит английский язык (Диккенс!), немного занимается латынью; романов не читает, но любит серьезные и сухие жизнеописания и книги о разных странах.

Мефрау Франк: изучает английский язык заочно; читает все подряд, кроме детективов.

Менеер Дюссел: изучает английский, испанский и нидерландский без видимого результата; читает все подряд; всегда присоединяется к мнению большинства.

Петер Ван Даан: изучает английский, французский заочно, нидерландскую стенографию, английскую стенографию, немецкую стенографию, английскую деловую переписку, любит мастерить из дерева, занимается экономикой и иногда арифметикой; читает мало, иногда книги по географии.

Марго Франк: изучает английский, французский, латынь заочно, английскую стенографию, немецкую стенографию, нидерландскую стенографию, механику, гониометрию, стереометрию, физику, химию, алгебру, геометрию, английскую литературу, французскую литературу, немецкую литературу, нидерландскую литературу, бухгалтерию, географию, современную историю, биологию, экономику, читает все подряд, особенно про религию и медицину.

Анна Франк: изучает французский, английский, немецкий, нидерландскую стенографию, геометрию, алгебру, историю, географию, историю искусств, мифологию, биологию, библейскую историю, нидерландскую литературу: очень любит читать биографии, сухо или увлекательно они написаны, книги по истории (иногда романы и развлекательную литературу).

ПЯТНИЦА, 19 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вчера мне было очень плохо, меня рвало (меня, Анну!), болела голова, болел живот — все напасти, какие только можно себе представить. Сегодня мне лучше, очень хочется есть, но от бобов, которые у нас сегодня на столе, я лучше воздержусь.

У нас с Петером все хорошо. У бедного мальчика потребность в нежности еще больше, чем у меня, он до сих пор краснеет, когда мы вечером целуемся на прощанье, и просто выпрашивает еще один

поцелуй. Может быть, я просто оказалась удачной заменой пропавшего Моффи? Ну что ж, и это неплохо, он так счастлив теперь, когда знает, что кто-то его любит. После того как я с таким трудом завоевала его, я в каком-то смысле поднялась над всей этой ситуацией, хоть это и не значит, что моя любовь ослабела. Он — прелесть, но моя душа очень скоро снова замкнулась; если теперь он захочет снова сломать замок, ему потребуется лом потверже!

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 20 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вчера вечером я пришла с мансарды и, едва войдя в дверь, увидела такую картину: красивая ваза с гвоздиками лежит на полу, мама, ползая на коленях, вытирает тряпкой пол, Марго вылавливает из лужи мои бумаги.

— Что случилось? — спросила я с недобрыми предчувствиями и, не дожидаясь ответа, оглядела понесенный ущерб. Вся моя палка с родословными, тетради, книги — все промокло насквозь. Я чуть не плакала и от волнения заговорила по-немецки, своих слов я не помню, но Марго сказала, что я болтала какие-то глупости вроде: «Unübersehbarer Schade, schrecklich, entsetzlich, nie zu ergänzen»* и так далее. Папа хохотал, мама и Марго присоединились к нему, а я чуть не плакала: сколько труда пошло прахом, как жалко аккуратных выписок.

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что, к счастью, ущерб не столь уж необозрим. Я пошла на мансарду и тщательно разобрала и отделила друг от друга слипшиеся бумажки. Потом повесила их, сколов по две, сушиться на бельевых веревках. Забавная была картина, и я невольно рассмеялась. Мария Медичи рядом с Карлом Пятым, Вильгельм Оранский и Мария Антуанетта.

— Это Rassenschande**, — сострил менеер Ван Даан.

Поручив Петеру присматривать за моими бумагами, я снова спустилась вниз.

— Какие книги испорчены? — спросила я у Марго, которая разбирала мои книжные сокровища.

— Алгебра, — сказала Марго.

Но и учебник алгебры вовсе не был испорчен, о чем я могла

* Необозримый ущерб, ужасно, чудовишно, невозстановимо (нем.).

** Осквернение расы (нем.) — брак или связь с неарийцем или неарийкой в фашистской Германии.

только пожалеть. Лучше бы он утонул в вазе, этот учебник по алгебре мне противно взять в руки. На титульном листе по меньшей мере десятка два фамилий: все это девочки, которые по нему занимались до меня, он старый, с пожелтевшими страницами, испещрен каракулями, что-то вычеркнуто, что-то исправлено. Вот когда-нибудь разойдусь как следует и порву эту пакость в клочки!

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 22 МАЯ 1944 г.

Милая Китти!

20 мая оказалось, что папа проспори́л мефрау Ван Даан пять бутылочек йогурта. Союзники действительно все еще не высадились. Я могу с уверенностью утверждать, что весь Амстердам, все Нидерланды, мало того, все западное побережье Европы до самой Испании дни и ночи только и говорят что о высадке, спорят, держат пари и... надеются.

Напряженность достигает высшей точки; далеко не все, кого мы причисляем к «добрым нидерландцам», сохранили доверие к англичанам, далеко не все считают английскую тактику блефа образцом совершенства, о нет, люди хотят наконец увидеть дела, великие и героические дела.

Никто не мыслит дальше своего носа, не думает о том, что англичане борются за себя и свою страну, каждый почему-то считает, что англичане обязаны как можно скорее и как можно лучше спасти Голландию. Но какие у англичан обязательства перед нами? Чем заслужили голландцы великодушную помощь, которую они с такой уверенностью ожидают? Ведь это большое заблуждение, и, несмотря на их тактику блефа, англичан, уж наверно, не нужно поносить больше, чем все остальные страны, большие и маленькие, которые теперь оккупированы немцами. Англичане уж точно не станут извиняться, хотя, конечно, они проспали все те годы, когда Германия вооружалась, но ведь и другие страны, причем страны, граничащие с Германией, проспали их тоже. Страусовая политика до добра не доводит, в этом убедилась Англия, и убедился весь мир, и теперь все страны одна за другой, и Англия не меньше других, должны нести суровую расплату.

Ни одна страна не станет жертвовать своими солдатами зря, и прежде всего ради чужих интересов, не станет этого делать и Англия. Высадка, освобождение, свобода когда-нибудь придут; но выбрать подходящий момент — дело самой Англии, а не всех оккупированных стран, вместе взятых.

Нам очень горько и страшно слышать, что отношение к нам, евреям, у многих людей изменилось и перешло в свою противоположность. Мы слышали, что антисемитизм появился в таких кругах, где раньше этим и не пахло. Мы все восемь человек здесь в Убежище больно, очень больно этим задеты. Причина этого юдофобства понятна, может, даже естественна, и все же это нехорошо. Христиане упрекают евреев, что те, попав в руки к немцам, распускают язык, что они выдают своих спасителей, что многим христианам по вине евреев выпала на долю страшная судьба и страшная кара. Все это верно. Но пусть посмотрят и на другую сторону медали: окажись на нашем месте христиане, разве они вели бы себя иначе? Может ли человек, будь он еврей или христианин, выстоять против немецких методов и молчать? Все знают, что это почти невозможно, так почему же требуют невозможного от евреев?

В кругах нелегалов ходит слухок, что немецких евреев, которые эмигрировали в Голландию, а теперь сидят в концлагерях в Польше, не впустят обратно в Голландию, мол, эта страна предоставила им право убежища, но, когда Гитлера не станет, пусть возвращаются в Германию. Когда я слышу такие разговоры, я, естественно, спрашиваю себя, во имя чего же ведется эта долгая и трудная война? Нам же все время говорят, что мы все сообща боремся за свободу, истину и справедливость. Но борьба еще не кончена, а уже начались раздоры, и опять оказывается, что евреи стоят меньше, чем другие. Очень печально, что опять уже в который раз подтверждается старая мудрость: за то, что сделал один христианин, отвечает он сам, за то, что сделал один еврей, вина падает на всех евреев.

Честно говоря, у меня в голове не укладывается, что голландцы, этот добрый, честный и справедливый народ, такого мнения о нас, такого мнения о, наверно, самом угнетенном, самом несчастном, самом достойном сострадания народе мира.

Я надеюсь лишь, что их неприязнь к евреям пройдет, что голландцы все-таки останутся верны себе, что ни сейчас, ни после они не изменят своему чувству справедливости, ведь антисемитизм — это такая несправедливость!

Ну а если этот ужасный слух оправдается, оставшаяся жалкая кучка евреев уйдет из Голландии. И мы тоже, мы снова соберем в узелок пожитки и побредем дальше, прочь из этой прекрасной страны, которая когда-то так радушно предложила нам пристанище, а теперь поворачивается спиной.

Я люблю Голландию, я надеялась, что я, изгнанница, найду здесь родину, я надеюсь на это и сейчас!

Твоя Анна М. Франк

Милая Китти!

Беп обручилась! Вообще-то к тому делу и шло, но никто из нас особенно не рад этому. Бертус — порядочный, симпатичный и спортивный молодой человек, но Беп его не любит, а раз так, зачем же выходить за него? Я, например, ее отговаривала.

Беп очень хочет и многое делает для того, чтобы чего-то достичь в жизни, а Бертус тянет ее вниз; он рабочий, без всяких интересов, ему ничего не надо, и я не верю, что Беп будет счастлива с таким слабохарактерным человеком. Просто Беп не может больше выносить всю эту неопределенность и половинчатость: месяц назад она написала ему письмо с отказом, но после этого ей стало еще хуже, она написала ему снова, и вот сейчас обручилась.

У этой помолвки много причин. Во-первых, больному отцу Беп очень нравится Бертус, а во-вторых, Беп — старшая дочь в семье Фоскэйл, а у нее еще много младших сестреночек, и мама вечно пилит ее за то, что она не замужем, в-третьих, Беп уже скоро двадцать пять, и она из-за этого очень переживает.

Мама сказала, что лучше бы Беп просто встречалась с Бертусом. Я не знаю, мне жалко Беп, и я понимаю, как одиноко она себя чувствовала. Но все равно пожениться они смогут только после войны, ведь Бертус скрывается, другими словами, живет на нелегальном положении, к тому же у обоих ни гроша за душой и никакого приданого. Что хорошего может ждать Беп, а всем нам так хотелось бы видеть ее счастливой. Но я надеюсь, что или Бертус изменится под ее влиянием, или Беп еще встретит другого симпатичного мужчину, который ее оценит.

Твоя Анна М. Франк

В тот же день

Каждый день что-нибудь новенькое: сегодня утром арестовали Ван Хувена, у него в доме прятались двое евреев. Мы все потрясены, еще двое несчастных евреев оказались на краю гибели, ужасно это и для Ван Хувена.

Мир перевернулся. Самые порядочных людей отправляют в концлагеря, сажают в тюрьмы и одиночные камеры, подонки правят страной, и любой должен остерегаться их: стар и млад, богачи и бедняки. Один попадает, торгуя на черном рынке, другой — помогая евреям и другим нелегалам, никто, кроме голландских национал-социалистов, не знает, что с ним случится завтра.

Нам будет очень трудно без Ван Хувена. Беп не может и не должна таскать так много картошки, единственный выход — поменьше есть. Как нам это удастся, я тебе расскажу, но приятнее наша жизнь наверняка не станет. Мама говорит, что завтракать мы вообще не будем, на обед будут каша и хлеб, на ужин печеная картошка и, возможно, раз или два в неделю овощи либо салат, вот и все. Голодновато, но все лучше, чем если нас найдут.

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 26 МАЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Ну вот, наконец-то я могу спокойно усесться за своим столиком у окна, где чуть приоткрыта щелка, и все-все тебе написать.

Я чувствую себя такой удрученной, какой не была уже много месяцев, даже после налета грабителей я не чувствовала себя такой разбитой и душой и телом. С одной стороны, арест Ван Хувена, и вечное обсуждение еврейского вопроса, и оттяжка вторжения, скверная еда, напряженные нервы, подавленное настроение, разочарование в Петере, а с другой стороны, помолвка Беп, праздник Троицы, цветы, день рождения Кюглера, торты и рассказы о кабаре, фильмах и концертах. Какая огромная разница, совсем другая жизнь, и эту разницу мы чувствуем всегда, один день мы можем посмеяться над забавными сторонами нашего нелегального житья-бытья, но на другой день и еще много, много дней подряд опять боимся, и на лице каждого можно прочесть страх, нервозность и отчаяние.

Из-за того, что мы прячемся в Убежище, тяжелее всего Мип и Кюглеру, у Мип прибавляется работы, а Кюглера невыносимо гнетет огромная ответственность за нас восьмерых, иногда он так нервничает, что почти не в состоянии говорить. Клейман и Беп тоже хорошо, даже очень хорошо заботятся о нас, но они хоть иногда, пусть на несколько часов, на денек-другой могут выкинуть из головы Убежище. У них есть и свои заботы — у Клеймана о здоровье, у Беп из-за помолвки, которая рисуется в не слишком розовых тонах, и, кроме этих забот, они еще куда-то ходят или ездят, бывают в гостях, живут хоть изредка, как нормальные люди, у них напряжение хоть иногда, ненадолго ослабевает, нас же оно не отпускает никогда, не отпускает вот уже два года, и как долго оно еще будет давить нас рукой, которая становится все тяжелее?

Канализация снова засорилась, воду спускать нельзя, разве что по капле, мы должны либо вообще не ходить в уборную, либо брать

с собой щетку, грязную воду храним в большом фаянсовом горшке. Сегодня мы еще как-то переберемся, но что, если слесарь не сумеет сам починить, ведь городскую ремонтную службу не вызовешь раньше вторника.

Мип прислала нам хлеб с изюмом с надписью «Веселой Троицы», ну прямо как в насмешку, какое уж тут веселье при нашем настроении и нашем страхе.

После случая с Ван Хувеном мы стали еще больше бояться, со всех сторон только и слышишь: «Тссс, тссс», стараемся сидеть тихо, как мыши. У Ван Хувена полиция взломала дверь, значит, и мы от этого не застрахованы! Если и нас когда-нибудь... нет, я не могу дописать, но сегодня от этой мысли не отмахнешься, наоборот, однажды уже пережитый страх вновь охватывает меня во всей своей невыносимости.

В восемь часов вечера мне пришлось одной пойти вниз в уборную, внизу никого не было, все сидели у радиоприемника, я храбрилась как могла, но это давалось мне с трудом. Здесь, наверху, я все же чувствую себя в большей безопасности, чем одна в большом тихом доме; внизу же, наедине с таинственными звуками сверху и автомобильными гудками с улицы, если я не потороплюсь уйти да еще дам волю мыслям, меня начинает бить дрожь.

После разговора с папой Мип стала гораздо любезнее и сердечнее с нами. Но эту историю я тебе еще не рассказывала. В один прекрасный день Мип пришла к папе красная как рак и без обиняков спросила, считаем ли мы, что и они тоже заражены антисемитизмом. Папа очень перепугался и постарался разубедить ее, но, видно, Мип не до конца ему поверила. Теперь они чаще нам что-то приносят, больше интересуются нашими неприятностями, хотя мы, конечно, не должны слишком надоедать им жалобами. О, это такие изумительные, такие хорошие люди!

Я снова и снова спрашиваю себя, а может быть, для всех нас было бы лучше, если бы мы не стали прятаться, если бы сейчас нас уже не было в живых, и не пришлось бы терпеть все эти муки, и, главное, мы бы не подвергали опасности других. Но и об этом страшно подумать, мы еще любим жизнь, голос природы еще говорит в нас, мы еще надеемся, надеемся, что все-все будет по-другому.

Хоть бы уж поскорее что-нибудь произошло, пусть уж хоть начнется стрельба, даже она не будет так давить на нас, как эта тревога, пусть придет какой-то конец, даже если он будет суров, но тогда мы, по крайней мере, будем знать, победим ли мы в конце концов или погибнем.

Твоя Анна М. Франк

Милая Китти!

В субботу, воскресенье, понедельник и вторник была такая жара, что я не могла держать в пальцах авторучку, потому и написать тебе было невозможно. Канализацию, которая испортилась в пятницу, в субботу починили. Днем навестить нас пришла меффрау Клейман и рассказала массу новостей про Йоопи, в том числе что она вместе с Жак ван Маарсен вступила в клуб и теперь играет в хоккей на траве. В воскресенье пришла Беп посмотреть, не вломились ли к нам грабители, и осталась у нас завтракать. В понедельник (второй день Троицы) сторожевую службу при нелегалах нес менеер Хис, а во вторник наконец можно было снова открыть окно. Редко выдается на Троицу такая прекрасная, теплая, а вернее сказать, жаркая погода. Здесь, в Убежище, жара просто невыносимая. Чтобы ты представила себе все наши жалобы, я вкратце опишу тебе эти жаркие дни.

Суббота. «Ах, какая чудесная погода», — говорили мы все утром. «Хорошо бы только было чуточку попрохладнее», — говорили мы днем, ведь окна-то открывать было нельзя.

Воскресенье. «Ну и пекло, это просто невыносимо, масло тает, в доме ни одного прохладного местечка, хлеб сохнет, молоко киснет, а окна нельзя открывать. Ах мы, несчастные отверженные, сидим взаперти и задыхаемся от жары, когда все другие празднуют Троицу» (это сказала меффрау Ван Даан).

Понедельник. «У меня болят ноги, у меня нет летней одежды, в такую жару я не могу мыть посуду». Все ныли с раннего утра до позднего вечера. Было и вправду ужасно тяжело.

Я сама не переносу жару и рада, что сегодня сильный ветер, а солнышко светит все равно.

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 2 ИЮНЯ 1944 г.

Дорогая Китти!

«Кто идет в мансарду, берите с собой большой зонтик, желательно мужской». Это для защиты от дождей, которые льют с нашего чердака. Пословица гласит: «Выше забрался — суше остался, а кто выше всех сидит, тот от страха не дрожит», но она наверняка неприменима к военному времени (стрельба) и к нелегалам (копачье отхожее место!). У Муши вошло в привычку облегчаться на парочке газет или сквозь щель в полу, так что есть основания не только для

страха перед дождем, но и для ужаса перед невыносимой вонью. А если учесть, что новая кошка со склада страдает тем же недостатком, тогда каждый, у кого когда-либо была нечистоплотная кошка, может себе представить, какими ароматами, помимо перца и тимьяна, пропитан наш дом.

Далее я могу сообщить новейший рецепт лекарства «антистрельбина»: при звуке громких выстрелов немедленно бежать к ближайшей деревянной лестнице, в быстром темпе то спускаться, то снова подниматься по ней, позаботившись о том, чтобы как минимум один раз упасть. Шум от беготни и падения заглушит выстрелы, а распухшие ссадины доставят достаточно хлопот, чтобы не думать о стрельбе. Пишущая эти строки с успехом применяла сей идеальный рецепт.

Твоя Анна М. Франк

ПОНЕДЕЛЬНИК, 5 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Китти!

Новые неприятности в Убежище. Ссора между Дюсселом и семьей Франк по поводу раздела масла. Капитуляция Дюссела. Тесная дружба между мефрау Ван Даан и вышеупомянутым Дюсселом, флирт, поцелуи и дружеские смешки. У Дюссела просыпается потребность в женщине.

Ван Дааны не хотят печь пряник на день рождения Кюглера: дескать, мы сами пряников не едим. Какая мелочность! Наверху плохое настроение. Мефрау простужена. Дюссел пойман на том, что глотает пивные дрожжи в таблетках, в то время как мы не получаем ничего. Пятнадцатая армия заняла Рим, разрушений нет, город не бомбили. Пропагандистская шумиха, за Гитлера.

Мало овощей и картошки, один мешок хлеба испортился. Худышка (так зовут новую кошку со склада) не выносит перца. Кошачью уборную она использует как постель, а упаковочную древесную вату — как уборную. Держать эту кошку нельзя, от нее придется отказаться.

Погода скверная. Непрерывные бомбардировки Па-де-Кале и Западного побережья Франции.

Продать доллары невозможно, золото и подавно, наши деньги для черного рынка на исходе, на что мы будем жить в следующем месяце?

Твоя Анна М. Франк

Дорогая моя Китти!

«This is D-day»*, — возвестило в двенадцать часов английское радио, и правильно, сегодня знаменательный день, высадка началась!

В восемь утра англичане сообщили о мощных бомбовых ударах по Кале, Булони, Гавру и Шербургу, а также (как обычно) Па-де-Кале. Далее было передано предупреждение для оккупированных территорий: все, кто живет в зоне 35 километров от берега, должны приготовиться к бомбежкам. При возможности за час до этого англичане сбросят листовки.

Согласно немецким сообщениям, на французском побережье приземлились отряды английских парашютистов. Би-би-си передало, что «английские десантные суда вступили в бой с солдатами немецкой морской пехоты». Вывод, к которому пришло Убежище в девять часов за завтраком: это всего лишь репетиция высадки, такая же, как два года назад у Дьепа.

В десять часов английское радио объявило по-немецки, по-нидерландски, по-французски и на других языках: the invasion has begun!** Значит, это настоящая высадка. В одиннадцать часов — передача английского радио на немецком языке: речь главнокомандующего генерала Дуайта Эйзенхауэра.

Передача на английском языке: «This is D-Day!» Генерал Эйзенхауэр обратился к французскому народу: «Stiff fighting will come now, but after this the victory. The year 1944 is the year of complete victory, good luck!»***

Передача на английском языке в час дня (в переводе):

11 000 самолетов приведены в боевую готовность и непрерывно доставляют на место войска и бомбят вражеский тыл. 4000 десантных судов, не считая катеров, непрерывно пристают к берегу между Шербуром и Гавром. Английские и американские части уже участвуют в тяжких боях. Речи Гербранди, премьер-министра Бельгии, норвежского короля Хокона, де Голля от Франции, английского короля и, разумеется, Черчилля.

Убежище взбудоражено! Неужто близится долгожданное освобождение, освобождение, о котором столько говорили, не слишком ли это прекрасно, не слишком ли похоже на сказку, чтобы стать реальностью? Неужели этот год, 1944-й, принесет нам победу? Пока

* Сегодня — Решающий день (Day of Decision) (англ.).

** Высадка началась! (англ.)

*** Нам предстоит жестокая борьба, но вслед за ней придет победа. 1944 год — год полной победы, удачи вам! (англ.)

еще мы этого не знаем, но надежда рождает жизнь, она возвращает нам мужество, она возвращает нам силу. Ведь мы должны мужественно перенести все страхи, лишения и страдания. Теперь наша задача — оставаться хладнокровными и твердыми, вонзить ногти себе в ладони, но не кричать. Кричать от страданий вправе Франция, Россия, Италия да и сама Германия, но не мы!

О Китти, самое прекрасное для меня в высадке союзников — чувство, что приближаются друзья. Эти ужасные немцы так долго притесняли нас и приставляли нож к нашему горлу, что друзья и помощь для нас все. Я говорю не только о евреях, я говорю о Нидерландах, о Нидерландах и всей оккупированной Европе. Возможно, как сказала Марго, в сентябре или октябре я таки смогу пойти в школу.

Твоя Анна М. Франк

P.S. Я буду держать тебя в курсе последних новостей.

Сегодня утром, и ночью тоже, в тылу у немцев с неба свалились соломенные чучела и манекены, ударившись о землю, они взрывались. Сброшено также много парашютных десантов, солдаты были вымазаны черной краской, чтобы в темноте не бросаться в глаза. В шесть часов утра пристали к берегу первые десантные суда, а еще до этого, ночью, на побережье было сброшено пять миллионов килограммов бомб. Двадцать тысяч самолетов участвовали сегодня в боевых действиях. Ко времени высадки десанта батареи береговой артиллерии немцев были разбиты; уже занят небольшой плацдарм, все идет хорошо, хотя погода плохая. Войска и население объединены «one will and one hope»*.

ПЯТНИЦА, 9 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Китти!

Высадка — просто блеск! Союзники заняли Байо, деревушку на французском побережье, и теперь сражаются за город Кан. Ясно, что их цель — отрезать полуостров, на котором находится Шербур. Каждый вечер военные корреспонденты рассказывают о трудностях, которые приходится преодолевать армии союзников, о ее мужестве и воодушевлении, описывают самые невероятные эпизоды. Выступали по радио и раненые, которые теперь уже вернулись в Англию. Несмотря на ужасную погоду, самолеты летают и летают. Мы услышали по Би-би-си, что Черчилль хотел лично принять учас-

* «Единой волей и единой надеждой» (англ.).

тие в высадке, но отказался от своего плана по настоянию Эйзенхауэра и других генералов. Ты только подумай, какой он смелый, в его-то возрасте, ведь ему наверняка уже семьдесят лет! Здесь у нас волнение уже немного улеглось; но все-таки мы надеемся, что к концу года война закончится, да и пора! Нет больше сил выслушивать нытье меффрау Ван Даан; теперь, когда она уже не может допекать нас оттяжкой вторжения, она целыми днями ноет из-за плохой погоды. Так и хочется посадить ее в ведро с холодной водой на чердаке!

Все Убежище, за исключением Ван Даана и Петера, прочитало трилогию «Венгерская рапсодия». Это биография композитора, виртуоза-пианиста и вундеркинда Франца Листа. Книга очень интересная, но, на мой взгляд, там, пожалуй, слишком много говорится о женщинах; Лист в свое время был не только величайшим и знаменитейшим пианистом, но также и величайшим юбочником — вплоть до семидесяти лет. У него были романы с графиней Марией д'Агу, княгиней Каролиной Витгенштейн, танцовщицей Лолой Монгес, пианисткой Агнес Кингворт, пианисткой Софи Менгер, черкесской княгиней Ольгой Яниной, баронессой Ольгой Мейендорф, актрисой Лиллой как бишь ее и т. д. и т. п., до бесконечности. Там, где речь идет о музыке и других искусствах, книга гораздо интереснее. В ней появляются Шуман и Клара Вик, Гектор Берлиоз, Иоганнес Брамс, Бетховен, Йоахим, Рихард Вагнер, Ганс фон Бюлов, Антон Рубинштейн, Фредерик Шопен, Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Хиллер, Хуммель, Черни, Россини, Керубини, Паганини, Мендельсон и т. д. и т. п.

Сам Лист был славный мальчик, очень щедрый, ничего не требовал для себя, хотя и был непомерно тщеславен, всем помогал, превыше всего ценил искусство, обожал коньяк и женщин, не переносил вида слез, был настоящим джентльменом, не мог никому отказать в просьбе, не придавал значения деньгам, стоял за свободу совести, любил людей.

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 13 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Кит!

Вот и опять прошел мой день рождения, так что мне, стало быть, пятнадцать. Я получила довольно много подарков: пять выпусков шпрингеровской Истории искусств, гарнитур белья, два пояса, носовой платок, две бутылочки йогурта, баночку джема, два медовых

пряника (малого формата), книгу по ботанике от папы и мамы, браслет из накладного золота от Марго, пачку бумаги «патриа» от Ван Даанов, биомальц и душистый горошек от Дюссела, сладости — Мип, сладости и тетради — Бел, и венец всего — книга «Мария Терезия» и три кусочка жирного сыра от Кюглера. От Петера красивый букет пионов; бедный мальчик уж так старался что-нибудь раздобыть, но не удалось.

Высадка союзников продолжается успешно, несмотря на скверную погоду, постоянные бури, ливни и волнение на море.

Черчилль, Смэтс, Эйзенхауэр и Арнольд побывали вчера во французских деревнях, занятых и освобожденных англичанами. Черчилль побывал на торпедном катере, который обстреливает побережье, похоже, он, как и многие мужчины, не знает, что такое страх; могу только позавидовать!

Сидя в нашей Задней Крепости, невозможно выяснить, каковы настроения в Нидерландах. Несомненно, люди рады, что Англия, которую они ругали за бездействие, наконец-то и сама засучила рукава. Некоторые все твердят, что, мол, английская оккупация нам здесь ни к чему, но эти люди не осознают, до чего несправедливы их рассуждения. В общем, ход мысли у них примерно следующий. Пусть Англия сражается, бьется и приносит в жертву своих сыновей за Нидерланды и другие оккупированные страны. Остаться в Нидерландах англичане не имеют права, пусть покорнейше принесут свои извинения всем оккупированным странам, возвратят Индонезию прежнему хозяину и, обескровленные и бедные, вернуться к себе в Англию. Те, кто так думает, просто жалкие болваны, но, как я уже говорила, в Нидерландах таких болванов много. А позвольте вас спросить, что случилось бы с Нидерландами и соседними странами, если бы Англия воспользовалась одной из возможностей, какие ей часто представлялись, и заключила с Германией мир? Нидерланды стали бы немецкими, и точка!

Всех голландцев, кто смотрит на англичан свысока, поносит Англию и ее «правительство старцев» и называет англичан трусами, но все же ненавидит немцев, надо бы как-нибудь перетряхнуть, как мы перетряхиваем подушку; может, тогда у них мозги, которые теперь набекрень, встанут на свое место!

Много желаний, много мыслей, много обвинений и много упреков бродят у меня в голове. На самом деле я совсем не так зазнаюсь, как считают многие, я лучше, чем кто-либо, вижу свои недостатки, бесчисленные ошибки, но только я знаю еще и то, что хочу исправиться, исправлюсь и во многом уже исправилась!

Я часто задаюсь вопросом, почему же все до сих пор считают, что я с гонором, что мне не хватает скромности? Неужели и правда у меня такой гонор? Действительно ли именно я с гонором или, может быть, и другие тоже? Это звучит странно, я понимаю, но все-таки не вычеркиваю последнюю фразу, потому что на самом деле не так уж это странно. Мефрау Ван Даан и Дюссел, мои главные критики, оба считаются людьми совершенно неинтеллигентными, а уж если говорить прямо, дураками. Дурак, как правило, не выносит, когда другие делают что-либо лучше, чем он; и самый наглядный пример тому — именно эта парочка дураков, мефрау Ван Даан и Дюссел. Мефрау считает меня глупой, потому что я не в такой устрашающей степени страдаю этой болезнью, как она, считает, что мне не хватает скромности, потому что у нее самой скромности еще меньше, она считает мои платья слишком короткими, потому что сама носит еще короче, обзывает меня «всезнайкой», потому что сама вдвое чаще лезет рассуждать о вещах, о которых совершенно понятия не имеет. То же относится к Дюсселу. Но одна из моих любимых пословиц — «В каждой упрёке есть доля правды», и я тотчас соглашаюсь: да, я с гонором. У меня трудный характер в том смысле, что я сама, как никто другой, так много ругаю и виню себя; когда еще мама подбавляет свои «добрые советы», на меня наваливается такая куча, что я теряю надежду выкарабкаться, с горя начинаю дерзить и противоречить, и тут само собой возвращается знакомое и уже такое старое Аньино присловье: «Никто меня не понимает».

Эта мысль засела во мне, и, хотя может показаться, что я ошибаюсь, маленькая доля правды есть и тут. Мои самообвинения часто так разрастаются, что я просто жажду, чтобы кто-нибудь утешил меня, вернул их в нормальные пределы, хоть немножко поинтересовался моим внутренним миром, но, увы, мне придется еще долго искать, пока я такого не нашла.

Знаю, что ты сейчас думаешь: а как же Петер, верно, Кит? Да, Петер лобит меня, не как возлюбленный, а как друг, он с каждым днем привязывается ко мне все больше, и все же какая-то таинственная преграда стоит между нами, сама не понимаю, в чем тут дело.

Иногда мне кажется, что я преувеличивала эту свою невероятную тоску по нему; но нет: стоит мне два дня не побывать у него наверху, и я снова тоскую по нему так же сильно, как когда-то раньше. Петер милый и добрый, и все-таки не могу отрицать, что многое меня разочаровывает. Прежде всего мне не нравится отрицание религии, разговоры о еде и еще кое-какие вещи самого разного рода. Но мы дали друг другу честное слово, что никогда не

будем ссориться, и, я почти уверена, правда не будем. Петер миролюбивый, уступчивый и ужасно покладистый. От меня он может выслушать много такого, чего не позволяет своей матери. Он усердно старается удалить чернильные пятна со своих книг и поддерживать у себя порядок. Почему же все-таки его самое сокровенное так и остается скрытым от меня и я никак не могу к нему обратиться? Петер гораздо более замкнутая натура, чем я, что верно, то верно; но ведь я точно знаю из практики (подумай об «Анне в теории», которая постоянно вновь появляется на сцене), что и замкнутым людам иногда нужно — а может, еще нужнее — кому-то довериться.

Мы оба с Петером провели в Убежище те годы, когда думаешь больше всего, мы часто говорим о будущем, прошлом и настоящем, но, как я уже сказала, к чему-то самому подлинному в нем я не могу пробиться, а ведь я точно знаю, что оно существует!

Я просто с ума схожу от всего, что связано с природой: может быть, это потому, что я так долго сижу взаперти и носа не могу высунуть на свежий воздух? Ведь я еще очень хорошо помню, что раньше я лишь ненадолго обращала внимание на сияющее голубое небо, птичье чириканье, лунный свет и цветение цветов. Здесь, в Убежище, это изменилось; например, на Троицу, когда было так жарко, я маялась, хотя глаза у меня слипались, чтобы в полдвенадцатого хоть раз как следует, через открытое окно и в одиночестве, полюбоваться луной. Увы, все мои жертвы оказались напрасными: луна светила слишком ярко и я побоялась открыть окно. В другой раз, это было давно, несколько месяцев назад, я случайно оказалась наверху вечером, когда там проветривали. Я не уходила, пока не закрыли окно. Меня захватил этот темный ветреный дождливый вечер, буря, бегущие по небу тучи; впервые за полтора года я снова оказалась лицом к лицу с ночью. После того вечера мое желание увидеть все это опять стало сильнее страха перед ворами, темнотой, крысами, налетами. Совсем одна спускалась я вниз и смотрела в окно директорского кабинета и кухни. Многие люди восхищаются красотой природы, многие спят иногда под открытым небом, многие в тюрьмах и больницах мечтают о дне, когда снова смогут свободно наслаждаться природой, но мало таких, кто сидит взаперти со своей тоской и отгорожен от того, что одинаково необходимо и бедным и богатым.

Я не придумываю, говоря, что, глядя на небо, облака, луну и звезды, я становлюсь спокойной и терпеливой. Это средство действует гораздо лучше, чем валерьянка или бром, перед лицом природы я смиряюсь и готова мужественно переносить все удары!

Так сложилось, что я могу видеть природу лишь в исключительных случаях, да еще сквозь пыльные стекла с грязными шторами, сквозь них смотреть мало радости. Ведь природа — единственное, что не терпит суррогатов.

Один из многих вопросов, над которыми я уже давно бьюсь, — почему женщина раньше занимала, да и теперь часто у многих народов занимает не такое почетное место, как мужчина. Каждый скажет, что это несправедливо, но мне этого мало, я очень хочу узнать причину такой ужасной несправедливости!

Наверно, дело в том, что мужчина физически сильнее, потому что он с самого начала подчинил себе женщину; мужчина зарабатывает, мужчина зачинает детей, мужчине все можно... Достаточно глупо, что женщины до недавнего времени мирились с этим, ведь чем больше столетий сохраняется такой обычай, тем больше он укореняется. К счастью, когда женщины начали учиться в школе, работать, развивать свой ум, у них немного приоткрылись глаза. Во многих странах женщины получили равные права с мужчинами; много людей — прежде всего женщины, но и мужчины тоже — поняли, каким неправильным долгое время было распределение ролей в мире, и современные женщины хотят иметь права на полную независимость!

Но это не все, женщина должна еще получить признание! Во всех частях света высоко ценят мужчину, почему не ставят на первое место женщин? Солдат и героев войны прославляют и чествуют, изобретателям достается бессмертная слава, перед мучениками благоговеют, но многие ли в мире понимают, что женщина — тот же солдат?

В книге «Борцы за жизнь» есть одна мысль, которая меня поразила, там сказано примерно следующее: женщина уже только в связи с рождением детей переносит больше боли, больше болезней и больше мучений, чем любой герой войны. И какую же награду пожинает женщина, вытерпев столько боли? Когда роды унесут ее здоровье, ее задвигают в угол, и дети вскоре уже как бы ей не принадлежат, и красота уходит. Женщины сражаются и выносят муки ради продолжения человеческого рода, они более храбрые и стойкие солдаты, чем многие борцы за свободу с их хвастовством!

Я вовсе не хочу этим сказать, что женщины должны отказываться рожать детей, наоборот, так устроила природа и так должно быть. Я только осуждаю мужчин и весь миропорядок, где никогда еще не получала признания великая, трудная, но порой прекрасная доля женщины в обществе.

Я полностью согласна с автором вышеупомянутой книги Полем де Крайфом: мужчины в тех частях света, которые называют цивилизованными, должны научиться по-другому относиться к родам, не считать их чем-то само собой разумеющимся и обыденным. Мужчинам легко говорить, им не приходится и никогда не придется нести тяготы, выпавшие на долю женщин!

Теперь считается, что рожать детей — всего лишь долг женщины. Я верю, что в следующем веке взгляд изменится и та, кто безропотно и без громких слов несет это бремя на своих плечах, станет предметом уважения и восхищения.

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 16 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Китти!

Новые проблемы: мейфрау в отчаянии, заводит разговоры о расстреле, тюрьме, виселице и самоубийстве. Ревнует Петера ко мне, потому что не ей, а мне он доверяется, обижается на Дюссела за то, что он недостаточно идет навстречу ее заигрываньям, боится, что супруг истратит на курево все деньги, вырученные за ее меховую шубу, затевает ссоры, ругается, плачет, жалуется, смеется и затевает новую ссору.

Ну что ты будешь делать с такой нюней и дурой! Никто ее не принимает всерьез, тряпка бесхарактерная, плачется в жилетку всем подряд, сзади девчонка, а спереди старушонка. И что хуже всего, в ответ Петер начинает грубить, Ван Даан раздражается, мама говорит колкости. Да уж, обстановка тут у нас! Единственное правило, которое нужно всегда помнить: смейся надо всем и не тревожься из-за других. Звучит эгоистично, на самом же деле — единственное средство, которым можно спастись от саможаления.

Кюглера посылают на месяц в Алкмаар копать укрепления, он попытается отвертеться, предъявив справку от врача и письмо «Опекты». Клейман хочет как можно скорее сделать операцию желудка. Вчера в одиннадцать часов вечера отключили все частные телефоны.

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 23 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Китти!

У нас в Убежище ничего особенного не происходит. Англичане начали большое наступление на Шербур. Пим и Ван Даан уверяют, что 10 октября мы наверняка будем освобождены. Русские принимают участие в акции, вчера они начали наступать на Витебском направлении. Это было точно в годовщину нападения немцев три года назад.

У Беп настроение все еще ниже нуля. У нас почти совсем кончилась картошка. Впредь мы будем точно отсчитывать количество картошки на каждого, чтобы он сам решал, что ему делать. В понедельник Мип берет неделю в счет отпуска. У Клеймана на рентгеновском снимке доктора ничего не нашли. Он теперь не знает, соглашаться ему на операцию или пусть все идет, как идет.

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 27 ИЮНЯ 1944 г.

Дорогая моя Китти!

Настроение круто изменилось, все идет великолепно. Сегодня взяты Шербур, Витебск и Жлобин. Наверняка много трофеев и пленных. Под Шербуром погибли пять немецких генералов, двое попали в плен. Теперь англичане могут доставить на берег все, что им нужно, у них есть порт; три недели прошло после высадки, а весь полуостров Котантен в руках англичан! Вот молодцы!

Все эти три недели после D-day дня не проходит без дождя и шторма. Как здесь, так и во Франции, но плохая погода не мешает англичанам и американцам проявить свою мощную силу, да еще как проявить! Конечно, немцы на всю катушку задействовали свое Wuwa *, но какой прок от этой ерунды, разве что немного ущерба в Англии и газетная трескотня у мофов. Кстати, когда они у себя в «Мофрике» заметят, что «большевистская опасность» и правда движается, их там затрясет еще сильнее.

Всех немецких женщин и детей, которые не работают для вермахта, эвакуируют с побережья в Гронинген, Фрисландию и Гелдерланд. Мюссерт ** заявил, что, если волна вторжения докатится до Нидерландов, он сам напялит солдатские одежды. Неужто этот жирдяй пойдет сражаться? Что ж он раньше не отправился на рус-

* Wuwa (Wunderwaffe) — «чудо-оружие» (нем.).

** Лидер партии НСД.

ский фронт? Финляндия в свое время отвергла предложение о мире, и сейчас опять переговоры по этому вопросу прерваны. Как они будут потом локти кусать, болваны!

Как ты думаешь, где мы будем 27 июля?

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 30 ИЮНЯ 1944 г.

Милая Kitti!

Плохая погода, или иначе: bad weather from one at a stretch to the thirty June*. Правда, неплохо сказано? Да, смею тебя заверить, я уже хорошо знаю английский; чтобы доказать это, читаю со словарем «Идеального мужа»! Война идет отлично: взяты Бобруйск, Могилев и Орша, много пленных.

Здесь все ол райт. Настроение лучше и лучше, наши сверхоптимисты торжествуют, Ван Дааны мухлюют с сахаром, Беп переменяла прическу, а у Мип отпуск на неделю. Таковы последние новости!

Мне мучительно убивали нерв, да еще в переднем зубе, боль была нестерпимая, мне было ужасно плохо, Дюссел даже подумал, что я сейчас грохнусь в обморок. До этого и вправду было недалеко. Тут же у мэфрау тоже заболел зуб!

Твоя Анна М. Франк

P.S. Мы получили весточку из Базеля, Бернд** играл роль трактирщика в «Минне фон Барихельм». «Künstlerneigungen»***, — говорит мама.

ЧЕТВЕРГ, 6 ИЮЛЯ 1944 г.

Милая Kitti!

Мне становится страшно, когда Петер говорит, что потом он, возможно, станет преступником или спекулянтom; хотя говорится это, конечно, в шутку, но мне кажется, он сам боится собственной бесхарактерности. Я снова и снова слышу и от Марго, и от Петера: «Будь у меня столько силы и мужества, как у тебя, умей я так же

* Плохая погода весь июнь, с первого по тридцатое (англ.).

** Двоюродный брат Бернхард (Бадди) Элиас.

*** Артистические наклонности (нем.).

добиваться своего, обладай я такой же настойчивостью и энергией, ну, тогда бы я...»

Так ли уж это хорошо, что я не поддаюсь ничьему влиянию? Что я почти всегда иду лишь тем путем, по какому ведет меня собственная совесть?

Честно говоря, я не очень хорошо себе представляю, как может человек сказать: «Я слабый» — и после этого оставаться слабым. Если ты знаешь о своей слабости, почему же не борешься с ней, почему не закаляешь характер? Ответом было: «Потому что так гораздо удобнее!» Меня это немного огорчило. Удобнее? Неужели жизнь, построенная на лени и обмане, это удобная жизнь? О нет, неправда, я не верю, чтобы удобная жизнь и... деньги были таким уж большим соблазном. Я долго думала о том, что мне ответить, как сделать, чтобы Пит поверил в себя, а главное, захотел исправиться, не знаю, хорошо ли я придумала.

Я часто рисовала в своем воображении, как прекрасно было бы, если бы кто-то мне полностью доверял, только теперь, когда моя мечта сбылась, я вижу, как трудно думать полностью мыслями другого человека и затем найти единственно правильный ответ. И прежде всего потому, что стремление к «легкой» жизни, к «деньгам» мне совершенно чуждо и незнакомо.

Петер начинает в какой-то мере опираться на меня, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Человек должен стоять на собственных ногах в жизни, но еще труднее самому выработать характер, развить душу и все-таки остаться самим собой.

Я все хожу вокруг да около, ищу уже не один день, ищу решительное, верное оружие против омерзительного словца «удобно». Как мне объяснить ему, что это мнимое удобство и красивая жизнь на самом деле затянет его на дно, на дно, где у него больше не будет ни друзей, ни опоры и больше не будет ничего красивого, на дно, всплыть с которого почти невозможно?

Мы все живем, но не знаем почему и для чего, мы все живем с целью быть счастливыми, мы все живем по-разному и все же одинаково. Мы трое воспитаны в хороших семьях, мы можем учиться, мы имеем возможность чего-то достичь, у нас много причин рассчитывать на счастье, но... мы должны его сами заслужить. И его никак нельзя достичь, живя удобно. Заслужить счастье — значит трудиться ради него и делать что-то хорошее, а не спекулировать и не бездельничать. Лень лишь кажется приятной, труд дает удовлетворение.

Людей, которые не любят работать, я не могу понять, но Петер как раз не такой, просто у него нет перед глазами определенной цели, он считает себя слишком тупым и ничтожным, чтобы чего-то

добиться. Бедный мальчик, он не знает, никогда не испытывал чувства, что делает счастливыми других, да и я не могу его этому научить. Он неверующий, об Иисусе Христе говорит иронически, богохульствует; хоть я тоже не чрезмерно религиозна, мне становится больно всякий раз, когда я замечаю, какой он одинокий, как презирает всех, как нищ духом.

Верующие — счастливые люди, не всякому дано верить в нечто потустороннее. Не обязательно даже бояться посмертной кары; как раз в чистилище, ад и рай многие не верят, и все же религия, все равно какая, не дает человеку сбиться с пути. Дело тут не в страхе Божиим, а в заботе о собственной чести и совести. Какими прекрасными и добрыми были бы все люди, если бы они каждый вечер перед сном вспоминали прошедший день и пытались оценить собственные поступки — что было хорошо, а что плохо. Тогда человек, начиная новый день, непроизвольно старался бы быть лучше, глядишь, со временем ему это бы и удалось. Средство, доступное каждому, бесплатное и наверняка очень полезное. Кто этого еще не знает, пусть поймет и проверит на опыте: «Чистая совесть дает силу».

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 8 ИЮЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Брокс был в Бевервейке и на аукционе купил клубнику. Ее привезли сюда, всю пыльную, перемешанную с песком, но очень много. Не меньше двух дюжин ящиков, для конторы и для нас. В тот же вечер мы шесть банок законсервировали и сварили восемь банок варенья. На следующее утро Мип собиралась варить варенье для конторы.

Полпервого, входная дверь на замке, Петер, папа и Ван Даан, топая по лестнице, таскают ящики, Анна наливает горячую воду из газовой колонки, Марго несет ведро — в общем, «свистать всех наверх!». Странное чувство сжало мне желудок, когда я переступила порог кухни при конторе, где было полно народу — Мип, Беп, Клейман, Ян, папа, Петер: нелегалы и их интендантская служба, все вперемежку, и это среди бела дня! Шторы задернуты, но окна открыты, громкий разговор, хлопанье дверьми, от возбуждения меня стало трясти. Мелькнула мысль: разве мы уже больше не прячемся? Наверно, такое чувство будет у нас, когда мы снова сможем показаться на свет Божий. Наполнив водой кастрюлю, я поспешила наверх. В нашей кухне у стола стояли остальные члены семьи не-

легалов и чистили ягоды, вернее, делали вид, что чистят, потому что в рот попадало больше, чем в ведро. Все же скоро понадобилось еще одно ведро, Петер опять спустился в нижнюю кухню, и тут раздаются два звонка в дверь, Петер оставляет ведро, бросается наверх, и мы закрываемся за подвижным шкафом. Мы переминаемся с ноги на ногу от нетерпения, кран пришлось закрыть, клубника перемыта только наполовину, но сейчас вступило в силу правило для нелегалов: «Если кто-то чужой в доме, не открывать кранов, а то услышат шум воды».

В час дня приходит Ян и сообщает: это был почтальон. Петер бросается вниз по лестнице. Дзынь, звонок, направо кругом! Я выхожу послушать, не идет ли кто-нибудь, сначала стою у подвижного шкафа, потом на верхней ступеньке лестницы. Под конец мы с Петером, как двое воров, перегибаемся через перила и вслушиваемся в гомон внизу. Незнакомых голосов не слышно. Петер тихо-нежно спускается по лестнице, останавливается на середине и зовет: «Беп!» Еще раз: «Беп!» Гомон в кухне заглушает его голос. Тогда он сбегает по лестнице и заходит на кухню. Я напряженно слежу за происходящим внизу.

— Скорее наверх, Петер, пришел бухгалтер-ревизор из банка, уходи!

Это голос Клеймана. Петер со вздохом поднимается, мы закрываемся подвижным шкафом.

В полвторого наконец приходит Кюглер.

— Черт меня побери, куда деваться от клубники, на завтрак мне дают клубнику, Ян ест клубнику, Клейман лакомится клубникой, Мип варит клубнику, Беп чистит клубнику, кругом стоит запах клубники, я видеть больше не могу эти красные штуконины и спасаюсь от них наверх, и что же? Здесь моют все ту же клубнику!

Оставшуюся клубнику мы консервируем. Вечером: открываем два горшка. Папа тут же делает из них джем. На следующее утро: открываем две банки, в обед: открываем четыре банки. Ван Даан стерилизовал их при недостаточно высокой температуре. Теперь папа каждый вечер варит джем. Мы едим кашу с клубникой, пахтанье с клубникой, бутерброды с клубникой, клубнику на десерт, клубнику с сахаром, клубнику с песком. Два дня куда ни глянь — всюду одна клубника, потом все кончилось, кроме тех запасов, что оставлены под замком на будущее.

— Послушай, Анна, — зовет меня Марго. — Мы получили от мейфрау Ван Хувен горох, около восьми килограммов.

— Очень мило с ее стороны, — отвечаю я.

Действительно, очень мило, но возни с ним не оберешься.

За столом мама объявляет:

— В субботу с утра все будете лущить горох.

И действительно, сегодня после завтрака на столе появилась наша самая большая эмалированная кастрюля, до краев наполненная гороховыми стручками. Даже и просто лущить горох — работа нудная, а тут еще надо было вынимать изнутри стручка твердую кожу. Я думаю, большинство людей и не догадывается, как богат витаминами, вкусен и нежен гороховый стручок, если удалить эту кожу. Но названные выше три достоинства это еще не все, главное — что получается в три раза больше еды, чем если бы в пищу употреблялись только сами горошины. Вытаскивать эту кожу — работа тонкая, чуть ли не ювелирная, возможно, она подходит для педантичного зубного врача и пунктуального специалиста по пряностям, но для непоседы подростка вроде меня это просто кошмар. Мы начали в полдесятого, я работала стоя, в пол-одиннадцатого села, в одиннадцатый снова встала, в полдвенадцатого опять села. В ушах у меня стучит: надломить уголок, вытащить кожу, удалить волоконец, бросить стручок в миску, надломить уголок, вытащить кожу и т. д. и т. п. Перед глазами у меня плывет: зеленое... зеленое... червячок, волоконец, гнилой стручок, зеленое, зеленое, зеленое. Полнейшее отупение, и чтобы все-таки как-то с ним бороться, я все утро без умолку болтаю глупости, смешу остальных, но сама чувствую, что пришел мой конец, это отупение выше моих сил. С каждым волокномцем, которое я выдерживаю, во мне крепнет решение, что никогда-никогда я не буду только домашней хозяйкой!

В двенадцать мы наконец идем завтракать, но с полпервого до четверти второго опять вытаскиваем кожу. Когда мы закруглились, у меня было что-то вроде морской болезни, да и у остальных тоже. Я тут же легла и проспала до четырех, но и проснувшись была не в себе от этого злосчастного гороха.

Твоя Анна М. Франк

СУББОТА, 15 ИЮЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Нам принесли из библиотеки книгу под интригующим названием «Что вы думаете о современной молодой девушке?». На эту тему мне хочется сегодня с тобой поговорить.

Писательница разносит «нынешнюю молодежь» на все корки, но не в том смысле, что она, молодежь, не способна ни на что толковое. Наоборот, писательница скорее считает, что молодежь могла бы построить большой, новый, лучший мир, было бы только

желание, что у молодежи есть для этого все данные, но она занимается ничтожными вещами, совершенно не интересуясь истинно прекрасным и важным.

В некоторых местах у меня было сильное ощущение, как будто писательница упрекает лично меня, и потому я хочу сегодня наконец-то открыть тебе свою душу полностью и сказать кое-что в свою защиту, против этой атаки. В моем характере есть одна ярко выраженная черта, которую не могут не заметить те, кто меня давно знает, и это — стремление к самопознанию. Я всегда могу посмотреть на свои поступки как бы со стороны. И при этом отношусь к повседневной Анне совершенно беспристрастно, не имею для нее в запасе кучи оправданий, когда оцениваю, хорошо или дурно она себя вела. Это чувство не покидает меня никогда, и стоит мне произнести слово, как я уже знаю: «Это надо было сказать иначе» или «Это было хорошо». Слов и поступков, за которые я осуждаю себя, очень много, и чем дальше, тем больше я убеждаюсь в правоте папы, который сказал: «Каждый ребенок должен сам себя воспитывать». Родители могут только дать добрый совет или наставление, но окончательно формирует свой характер сам человек. Другая моя черта — у меня совсем нет страха перед жизнью, я всегда чувствую себя такой сильной, способной взять на себя так много, такой свободной и такой молодой! Когда я впервые заметила это в себе, я обрадовалась: значит, я, наверно, не так скоро согнусь под ударами, которые выпадают на долю каждого человека.

Но обо всем этом я уже часто тебе писала, теперь я хочу перейти к теме «Родители меня не понимают». Мои родители всегда очень баловали меня, были со мной ласковы, защищали от этих, сверху, и делали все, что только могут делать родители. Но, несмотря на это, я долго чувствовала себя ужасно одинокой, вытолкнутой, брошенной, непонятой. Папа перепробовал все возможное, чтобы смягчить мою строптивость, но все было бесполезно. Я излечила себя сама тем, что постоянно напоминала себе об ошибках в собственном поведении.

Как получилось, что папа никогда не был мне опорой в моих борениях, что, когда он хотел протянуть мне руку помощи, он делал это совершенно невпопад? У папы был ко мне неправильный подход, он всегда говорил со мной как с ребенком, который переживает неизбежный для всех детей трудный возраст. Вообще-то это странно, ведь не кто иной, как папа, всегда относился ко мне с большим доверием, и именно папа внушил мне, что я умная. Но одно он упустил: не подумал о том, что моя борьба за то, чтобы выплыть, для меня важнее всего. Я не хотела слышать о «возрастных явлениях», «других девочках», о том, что, мол, это «пройдет само собой»,

я хотела, чтобы ко мне относились не как к такой же девочке, как все другие, а как к Анне, такой, какая она есть, Пим же этого не понимал. Вдобавок я не могу довериться тому, кто сам не очень много рассказывает мне о себе, а о Пиме я ничего не знаю, так что все равно между нами не могло быть полной откровенности. Пим всегда занимает позицию старшего, который когда-то тоже испытывал такие же преходящие порывы, но теперь уже не может понять, что чувствует молодежь, как бы ни старался. Потому-то и получилось так, что свои взгляды на жизнь и свои глубоко продуманные теории я неверяю никому, кроме своего дневника, да еще изредка Марго. От папы я всегда тайла то, что меня волновало, никогда не раскрывала перед ним свои идеалы, добровольно и сознательно стала для него чужой.

Я не могла иначе, я вела себя так, как подсказывало мне чувство самосохранения, может быть, это эгоизм, но вела я себя так, как было необходимо, чтобы сберечь душевное спокойствие. Это спокойствие и уверенность в себе дались мне с большим трудом, они еще очень шаткие и, если бы кто-нибудь вздумал критиковать результаты моей незаконченной работы, тут же бы рухнули. А на это я не пойду даже ради Пима; хоть это, может быть, и жестоко, я не только не делюсь с ним своей духовной жизнью, но часто еще дальше отталкиваю его от себя своей раздражительностью.

Вот вопрос, над которым я много думаю: почему Пим иногда так раздражает меня? Мне стоит усилый заниматься вместе с ним, его обильные ласки кажутся мне притворными, я хочу, чтобы он лучше уж немного пренебрегал мною, пока я не обрету большую уверенность по отношению к нему. Ведь меня до сих пор мучит совесть из-за того письма, которое я, в тогдашнем взвинченном состоянии, посмела обрушить на него. До чего же трудно на самом деле во всем быть сильной и мужественной!

Но не это мое самое горькое разочарование, нет, гораздо больше, чем об отце, я размышляю о Петере. Я прекрасно знаю, что это я его завоевала, а не он меня, я создала его образ в своей фантазии, видела в нем тихого, чувствительного, милого юношу, который так нуждается в любви и дружбе! Мне самой было необходимо высказаться хоть одной живой душе. Я хотела иметь друга, который помог бы мне идти дальше по моему пути, и вот я ценой больших усилий, медленно, но верно привлекла его к себе.

А когда я в конце концов добила его дружбы, между нами сама собой возникла интимность, которая теперь, при ближайшем рассмотрении, кажется мне просто неслыханной. О каких сокровенных вещах мы говорили! Но о том, что переполняло и до сих

пор переполняет мое сердце, мы так и не сказали ни слова. Я до сих пор не разобралась в Петере: то ли он просто поверхностный, то ли робость мешает ему раскрыться, даже передо мной. Но, независимо от этого, я сделала большую ошибку, исключив все остальные возможности дружбы и сблизившись с ним на почве этой самой интимной доверительности. Он жаждет любви, и с каждым днем я ему все больше нравлюсь, это я отлично вижу. Он вполне доволен нашими встречами, я же все время безуспешно пытаюсь поговорить с ним на темы, которые мне так хотелось бы прояснить. Я привлекла к себе Петера силой, хоть он это и не вполне понимал, и теперь он уцепился за меня, а я пока не вижу способа сделать так, чтобы он оторвался от меня и встал на собственные ноги. Я ведь очень скоро поняла, что он не может быть мне другом в том смысле, как я это понимаю, теперь моя цель по крайней мере вытаскать его из ограниченного мирка, возвысить его, несмотря на молодость.

«В сущности, молодость более одинока, чем старость». Это изречение я вычитала в какой-то книге, и, по-моему, оно очень верное.

Разве взрослым здесь, в Убежище, труднее, чем нам, молодым? Нет, наверняка нет. Их взгляды уже сформировались, им есть чем руководствоваться в своих поступках, их больше не кидает из стороны в сторону. Нам, молодым, вдвойне трудно сохранять свои взгляды во времена, когда всякий идеализм разрушен и сокрушен, когда люди показывают себя с самой отвратительной стороны, когда возникают сомнения в истине и справедливости и в самом Господе Боге.

Тот, кто утверждает, что старшим здесь, в Убежище, гораздо тяжелее, наверняка не понимает, что на нас навалились в тысячу раз более трудные проблемы. Проблемы, для которых мы, возможно, еще слишком молоды, тем не менее они давят на нас, заставляя искать решение, и в конце концов, очень нескоро, мы думаем, что его нашли, но чаще всего оно рушится под напором фактов. Вот это и есть самое трудное в наше время: идеалы, мечты, прекрасные надежды, не успев возникнуть, тут же рушатся под ударами жестокой действительности. Это великое чудо, что я еще не отказалась от всех своих надежд, ведь они нелепы и неосуществимы. И все же я сохраняю их, вопреки всему, потому что до сих пор верю в доброту человеческой души.

Для меня совершенно невозможно строить свой мир, основываясь на смерти, безысходности и хаосе. Да, мир все больше превращается в пустыню, да, все громче раскаты приближающегося грома, который нас убьет, да, велико горе миллионов людей, и все

же, когда я смотрю на небо, я думаю, что все опять обернется к лучшему, что эта жестокость прекратится, что в мир вернется покой и тишина. А я должна до тех пор сохранить свои идеалы, как знать, возможно, в грядущие времена еще удастся претворить их в жизнь!

Твоя Анна М. Франк

ПЯТНИЦА, 21 ИЮЛЯ 1944 г.

Милая Китти!

Вот теперь я полна надежд, вот теперь наконец все хорошо! Да, представь себе, все хорошо! Новости просто потрясны! На Гитлера было совершено покушение, причем не еврейскими коммунистами или английскими капиталистами, а в высшей степени арийским немецким генералом, он граф и к тому же совсем молодой. «Божественное провидение» спасло жизнь фюрера, он, к сожалению, отделался парой царапин и ожогов. Несколько офицеров и генералов из его ближайшего окружения убиты или ранены. Главный виновник расстрелян.

Это лучшее доказательство того, что у многих офицеров и генералов война сидит в печенках и они рады были бы увидеть Гитлера в гробу, установить военную диктатуру, заключить мир с союзниками, снова вооружиться и лет через двадцать начать новую войну. Возможно, провидение нарочно немного замешкалось, прежде чем убрать Гитлера с дороги, ведь для союзников гораздо удобнее, да и выгоднее, если безупречные германцы сами перебьют друг друга, тем меньше работы останется для русских и англичан и тем скорее они смогут опять приступить к восстановлению своих городов. Но пока дело до этого еще не дошло, и меньше всего я хотела бы опережать славные события. Но ты, наверно, и сама видишь, что мои слова — правда, и ничего, кроме правды. В виде исключения сегодня я не морочу тебе голову своими высокими идеалами.

Далее Гитлер соизволил сообщить своему преданному и любящему народу, что отныне все военные подчинены гестапо и что каждый солдат, которому известно о соучастии его командира в этом трусливом и низком покушении, имеет право пристрелить его на месте.

Хорошенькая история может из этого получиться! Какой-нибудь умник стер себе ноги на долгом марше, его начальник офицер обругал его. Умник хватает свою винтовку, кричит: «Ты хотел убить фюрера, вот тебе за это, получай!» Ба-бах, и спесивый начальник, который осмелился задать умнику взбучку, приказывает долго жить

(а сам умирает). В конечном итоге господа офицеры будут класть в штаны от страха при любом столкновении с солдатом или необходимости что-то скомандовать, потому что у солдат оказывается больше прав и полномочий, чем у них.

Ты поняла, что я хотела сказать, или я опять раскудахталась без всякого смысла? Тут уж я ничего не могу поделать, мне сейчас не до логики, слишком радует меня надежда, что в октябре я, может быть, снова сяду на школьную скамью. О-ля-ля, да ведь я только что утверждала, что не хочу опережать события! Прости, видно, недаром обо мне идет молва, что я клубок противоречий!

Твоя Анна М. Франк

ВТОРНИК, 1 АВГУСТА 1944 г.

Милая Китти!

«Клубок противоречий» — это последние слова моего прошлого письма и первые слова сегодняшнего. «Клубок противоречий» — можешь ты мне точно объяснить, что это значит? Что такое противоречие? Как многие другие, это слово имеет два значения — противоречить другим и иметь внутренние противоречия. Первое означает просто не соглашаться с чужим мнением, считать, что знаешь все лучше других, хотеть, чтобы за тобой осталось последнее слово, короче говоря, все неприятные качества, которыми я славлюсь; второго никто обо мне не знает, это моя тайна.

Я тебе уже не раз говорила, что моя душа словно расцеплена надвое. В одной половине помещаются моя необузданная веселость, насмешливость, жизнерадостность, а главное, способность все воспринимать со светлой стороны. В том смысле, что я не вижу ничего плохого в кокетстве, поцелуе, объятии, неприличном анекдоте. Эта сторона моей души всегда подкарауливает и оттесняет на задний план другую, гораздо более красивую, чистую и глубокую. Не правда ли, эту лучшую сторону Анны никто не знает, потому-то так много людей меня терпеть не могут. Да, конечно, я, как клоун, могу кого-то позабавить часок-другой, но после этого человек бывает сыт мною по горло целый месяц. Это, в сущности, то же самое, что для мыслящего человека любовный кинофильм, его смотрят, просто чтобы отвлечься, как забаву на один раз, и тут же забывают; не сказать, что он плох, но, уж во всяком случае, и не хорош. Мне очень неприятно признаваться тебе в этом, но почему же не признаться, если я знаю, что это чистая правда? Моя легкая, поверхностная сторона умеет очень ловко отделяться от более глубокой

и потому всегда побеждает. Ты не можешь себе представить, как часто я пыталась оттолкнуть, переделать, запрятать подальше эту Анну, она ведь составляет только половину существа, носящего это имя, но у меня ничего не получается, и я знаю почему.

Я очень боюсь, как бы все, кто знает меня такой, какая я всегда, не обнаружили, что во мне есть и другая, более красивая, лучшая сторона. Я боюсь, что они начнут подшучивать надо мной, сочтут меня смешной, сентиментальной, не примут всерьез. Я привыкла к тому, чтобы меня не принимали всерьез, но привыкла к этому и может это перенести лишь «легкая» Анна, а у «более весомой» нет для этого сил. В тех редких случаях, когда мне удается с трудом вытащить на публику лучшую Анну, она, если надо сказать хоть слово, свертывается, как мимоза, предоставляет говорить за себя Анне номер один и, не успею я оглянуться, исчезает.

Так и получается, что эта милая Анна еще никогда, ни разу не появилась в обществе, но в уединении почти всегда именно она задает тон. Я точно знаю, какой я хочу быть, да я такая и есть... в душе, но увы, такой меня никто не видит, кроме меня самой. И возможно — да нет, не «возможно», а наверняка, — именно по этой причине я сама считаю, что нахожу счастье внутри себя самой, а другие считают меня общительной. Внутри себя самой мне указывает путь чистая Анна, в обществе же я веду себя, как сорвавшаяся с привязи козочка.

Как я уже сказала, говорю я всегда не то, что чувствую, и потому заслужила репутацию мальчишницы, кокетки, «всезнайки» и любительницы легких романов. Веселая Анна всего лишь посмеется над этим, дерзко огрызнется в ответ, безразлично пожмет плечами, сделает вид, что ей наплевать, но совсем, совсем не так относится к этому тихая Анна. Уж если быть совсем честной, признаюсь тебе, что меня это ужасно огорчает, что я прилагаю неопределимо много стараний стать другой, но всякий раз оказывается, что я опять сражаюсь с превосходящими силами противника.

В душе я плачу и говорю себе: «Вот видишь, к чему ты пришла: люди о тебе плохого мнения, вокруг насмешливые или сердитые лица, ты вызываешь антипатию, и все это лишь потому, что ты не слушаешься добрых советов твоей собственной лучшей половины». Ах, как бы мне самой хотелось их послушаться, но ничего не получается, стоит мне притихнуть и стать серьезной, как все подумают, что я разыгрываю какую-то новую комедию, мне остается только выйти из положения с помощью шутки; я уж не говорю о собственном семействе, те-то определенно решат, что я заболела, заставят глотать таблетки от головной боли или успокоительное, будут смотреть мне горло и щупать лоб, нет ли жара, спросят, как

насчет желудка, прочтут нотацию за то, что я хандрю, и уж таких приставаний я не выдержу, всплыву, мне станет грустно, и в конце концов мое сердце снова перевернется, повернется плохой стороной наружу, хорошей вовнутрь, и опять я буду беспрестанно искать средство, как мне стать такой, какой мне бы очень хотелось быть и какой бы я могла быть, если бы... в мире не было других людей.

Твоя Анна М. Франк

Здесь кончается дневник Анны

ПОСЛЕСЛОВИЕ

4 августа 1944 года, утром между десятью и половиной одиннадцатого, перед домом номер 263 на набережной Принсенхрахт остановилась машина. Из нее вышел обер-шарфюрер СС Карл Йозеф Зильберберг, в форме, сопровождаемый тремя голландскими подручными из Зеленой полиции; они были в штатском, но при оружии. Нет сомнения, что на людей, скрывавшихся в доме, кто-то донес.

Зеленая полиция арестовала восьмерых нелегалов, а также помогавших им Виктора Кюглера и Йоханнеса Клеймана — но не тронула Мип Хис и Элизабет (Беп) Фоскёйл — и забрала все ценные вещи, а также оставшиеся деньги.

После ареста Кюглер и Клейман в тот же день были доставлены в следственную тюрьму на улице Амстелвенсевех, а через месяц переведены в тюрьму на улице Ветерингсханс в Амстердаме. 11 сентября их без суда отправили в полицейский пересыльный лагерь Амерсфорт. 18 сентября 1944 года Клейман был освобожден по состоянию здоровья. Он скончался в 1959 году в Амстердаме. Кюглеру удалось бежать только в 1945-м, незадолго перед отправкой на работы в Германию. В 1955 году он эмигрировал в Канаду и скончался в 1989 году в Торонто. Элизабет (Беп) Вейк-Фоскёйл скончалась в 1984-м в Амстердаме. Мип Хис-Сантрушиц по-прежнему живет с мужем в Амстердаме.

Арестованные на набережной Принсенхрахт, 263 евреи четыре дня содержались в тюрьме на улице Ветерингсханс в Амстердаме; потом их перевели в нидерландский пересыльный лагерь для евреев Вестерборк. С последней партией, которая была отправлена оттуда в концлагеря на востоке, они были депортированы 3 сентября 1944 года и через три дня прибыли в Освенцим в Польше.

Эдит Франк умерла там 6 января 1945 года от голода и истощения.

Герман Ван Пелс (Ван Даан), по данным Нидерландского Красного Креста, уже в день прибытия в Освенцим, 6 сентября 1944 года, был удушен в газовой камере. Но по сведениям Отто Франка, он был умерщвлен лишь через несколько недель, то есть в октябре или ноябре 1944-го, незадолго до того, как удушения евреев в газовых камерах были прекращены.

Августа Ван Пелс (Ван Даан), побывав в Освенциме, Берген-Бельзене и Бухенвальде, 9 апреля 1945 года оказалась в лагере Терезин,

откуда, по-видимому, тоже была депортирована. Она погибла, но дата ее смерти неизвестна.

Марго и Анна в конце октября так называемым эвакуационным транспортом были депортированы в концлагерь Берген-Бельзен на Люнебургской пустоши. Вследствие чудовищной антисанитарии зимой 1944 — 1945 гг. там вспыхнула эпидемия тифа, от которой погибли тысячи заключенных; в их числе умерла Марго, а через несколько дней — Анна. Дата ее смерти приходится на период между концом февраля и началом марта. Тела обеих девушек захоронены, по всей видимости, в братских могилах Берген-Бельзена. Концлагерь был освобожден английскими войсками 12 апреля 1945 года.

Петер Ван Пелс (Ван Даан) 16 января 1945 года был переведен из Освенцима в Маутхаузен (Австрия), где и умер 5 мая 1945 года, всего за три дня до освобождения.

Фриц Пфедфер (Дюссел) скончался 20 декабря 1944 года в концлагере Нойенгамме, куда был переведен либо из Бухенвальда, либо из Заксенхаузена.

Отто Франк, единственный из восьми нелегалов, пережил концлагерь. После освобождения Освенцима русскими войсками он через Одессу добрался до Марселя. 3 июня 1945 года он вернулся в Амстердам и жил там до 1953 года; потом он переселился в Швейцарию, в Базель, где жили его сестра с семьей и его брат. Он женился на Эльфриде Гайрингер, урожденной Маркович, из Вены, которая, так же как и он, пережила Освенцим и потеряла мужа и сына в Маутхаузене. Вплоть до своей смерти 19 августа 1980 года Отто Франк жил в Бирсфельдене под Базелем и посвятил себя дневнику своей дочери Анны и распространению содержащегося в нем завета.

С первой публикации в 1947 году и до сих пор «Дневники Анны Франк» выходили в сокращенном варианте. В частности, были опущены отрывки, где, по мнению Отто Франка, готовившего издание, Анна слишком откровенно пишет о вопросах пола или чересчур сурово осуждает мать. Кроме того, в этом первоначальном издании кое-где отредактирован язык Анны; главным образом это касается исправления германизмов.

Оригинал дневника Отто Франк официально завещал Государственному институту военных архивов, который после смерти Отто Франка осуществил научное издание, где тексты дневника представлены полностью. Это издание, само по себе весьма значительное, не очень подходит в качестве книги для чтения, адресованной широкой публике, и прежде всего молодежи, так как научный аппарат затрудняет процесс чтения. По указанным выше причинам и предпринято настоящее издание, основанное на научном издании, но вместе с тем вполне пригодное для чтения.

Мы хотели как можно меньше вторгаться в подлинный язык Анны, поэтому от многих исправлений, внесенных в издание 1947 года и все последующие, мы здесь отказались. В тексте сделаны лишь следующие изменения:

1. он приведен в соответствие с современной орфографией (согласно «Пересмотренному словнику нидерландского языка»);

2. исправлены ошибки в употреблении предлогов, артиклей и местоимений;

3. лишь те германизмы, которые, как мы предполагаем, могут быть непонятны молодежи, заменены общеупотребительными нидерландскими словами.

Убежденные в том, что всякое дальнейшее вторжение в текст лишь нанесет ущерб достоверности дневников, в остальном мы оставили его в неприкосновенности.

Читателей с более углубленным интересом, равно как тех, кто занимается научными исследованиями, отсылаем к научному изданию дневников.

Мирьям ПРЕССЛЕР
Мюнхен, 1991 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА И ГОЛОС БЕЗВИННОЙ ЖЕРТВЫ

Первое на русском языке полное издание «Дневника Анны Франк» вышло пять лет назад в издательстве «Рудомино» при Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. То была совместная акция Библиотеки и Центра Анны Франк в Амстердаме, она стала общероссийским событием, как и предшествовавшая выходу книги выставка «Мир Анны Франк», показанная сначала в Москве, а затем в других российских городах. У «Иностранки» есть все основания гордиться тем, что «Дневник Анны Франк», человеческий документ пронзительной силы, стал доступен читателям во многих уголках страны, особенно после того, как книга была разослана в провинциальные библиотеки.

И вот — новое, тщательно выверенное, заново отредактированное издание перевода. Его появление в наши дни более чем актуально. Переиздание «Дневника» стало возможным благодаря поддержке как Российского еврейского конгресса, так и Института «Открытое общество» (Фонд Джорджа Сороса).

Какое отношение имеет дневник еврейской девочки, два года скрывавшейся от нацистов и погибшей в концлагере за два месяца до конца войны, к целям и задачам Института? Самое непосредственное.

Пятнадцатилетняя Анна Франк, которой в этом году исполнилось бы 70 лет, погибла из-за того, что в роковой отрезок истории нашего, почти уже прошедшего, века сошлись три трагических обстоятельства: Нидерланды были оккупированы фашистскими войсками, тоталитарная машина нацизма работала на полную мощь, людоедская идеология расового геноцида стала государственной. Все это полностью противоречит самой идее открытого общества: оно принципиально невозможно там, где царят культ силы, диктатура и национальная нетерпимость.

И наша страна переболела в советские времена страшную болезнь тоталитаризма, искалечившей судьбы целых народов. Хотелось бы верить, что болезнь эта осталась в прошлом, однако приходится с горечью признать, что зараза, способная отравить юные души, по-прежнему гнездится в огромном национальном организме России. То и дело раздаются призывы делать ставку на военную силу, слышны тоскливые вздохи по твердой руке, откровенно заявляют о себе шовинизм и его неразлучный спутник антисемитизм...

«Дневник Анны Франк», свидетельство очевидца и голос безвинной жертвы, еще раз напоминает о том, как страшно жить в закрытом обществе, которое стремится если не физически, то нравственно уничтожить тебя, твоих родных и друзей, только потому, что они «другие». Напоминает, что планомерное истребление меньшинств в годы Второй мировой войны — национальных, религиозных, политических — не чья-то выдумка, но неопровержимый исторический факт. Тем более убедительный, что автор дневника и не думает никого ни в чем убеждать, а просто фиксирует, день за днем, свои чувства и мысли, события, большей частью отнюдь не героические.

В лекции, прочитанной при вручении Нобелевской премии, Иосиф Бродский сказал: «Я полагаю, что для человека, читавшего Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего». Продолжая эту мысль, я хочу сказать, что читатель, который услышал негромкий, доверительный голос девочки-подростка по имени Анна Франк, вряд ли станет упиваться чувством своей национальной исключительности и никогда не согласится на полурабское, унижительное существование.

Екатерина ГЕНИЕВА
Генеральный директор ВГБИЛ
Президент Института «Открытое общество» — Россия

Франк А.
Ф83 Убежище: Дневник в письмах: Пер. с нидерл. — М.:
Текст, 1999. — 261 с.: ил.

ISBN 5-7516-0177-7

Анне Франк в этом году исполнилось бы 70 лет. Она умерла в концлагере, когда ей было 15. Ее дневник, который она вела в Амстердаме, прячась с семьей от нацистов, стал известен всему миру. Последнее его издание в нашей стране вышло в 1994 г. в издательстве «Рудомино». Это полный текст, одобренный Фондом Анны Франк в Базеле, который был впервые опубликован в 1991 г. Перевод дневника, сделанный как можно ближе к оригиналу, заново выверен и отредактирован для этого издания.

ББК 84.4Н

Анна Франк
УБЕЖИЩЕ
Дневник в письмах

Художник М.В.Колденкова
Редакторы Н.Н.Федорова, О.М.Либкин
Художественный редактор Е.П.Кузнецова

ISBN 5-7516-0177-7

9 785751 601775

Лицензия № 063402 от 26.05.99

Подписано в печать 07.10.99. Формат 60 x 90/16.
Усл. печ. л. 16,5 + 0,5 вкл. Уч.-изд. л. 17,92 + 0,41 вкл.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 272.
Заказ № 921.

Набор и оригинал-макет
подготовлены издательством «Текст»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел. (095) 150-04-72
Оптовая и розничная торговля: (095) 156-42-02
Представитель в СПб: (812) 311-96-31
Отпечатано в ОАО «Типография № 9»
109033 Москва, Волочаевская, 40

dat het een milnoot
me hel met een
et een van mijn
kolort denk, dat
pillen en helven-
ni heb en toehoofd
min ontlasting
beertrient; dat
ho of me gelot
vrij, dan heb
min theet meer om,
het wit gede. mede
middel om te
af hare willen de
bin, als en
de kanten van den
de kanten van den
het hel met een
het jaat met, als ik
dat het een milnoot
me hel met een
met een van mijn
die kolort denk, dat
pillen en helven-
te ni heb en toehoofd
en min ontlasting
i beertrient; dat
en ho of me gelot
vrij, dan heb
min theet meer om,
willen, het goede mede
te middel om te
af hare willen de
bin, als en

